

**ГРАЖДАНИН
ВЫБОРЫ
ВЛАСТЬ**

**CITIZEN
ELECTIONS
AUTHORITY**

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

**№ 2(12)
2019**

АПРЕЛЬ–ИЮНЬ
APRIL–JUNE

МОСКВА
MOSCOW

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ПАМФИЛОВА Элла Александровна,
Председатель Центральной избирательной
комиссии Российской Федерации
(председатель)

ВАСИЛЕВИЧ Григорий Алексеевич,
заведующий кафедрой конституционного права
Белорусского государственного университета,
член-корреспондент Национальной академии
Беларуси, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь
(Беларусь)

ГАБОВ Андрей Владимирович, заместитель
директора Института законодательства
и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации, член-
корреспондент Российской академии наук,
доктор юридических наук, заслуженный юрист
Российской Федерации

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич, директор
Института Европы РАН, член-корреспондент
Российской академии наук, доктор
политических наук, профессор РАН

ЕНИКЕЕВ Шамиль Мидхатович, доктор
политологии Оксфордского университета,
управляющий директор Оксфордского
международного центра (Великобритания)

ПРОРОК Владимир, проректор Института
международных и общественных отношений,
доктор философии (Чехия)

Главный редактор Гасанов И. Б.

Ответственный секретарь Ежов Д. А.

Журнал выходит 4 раза в год

Свидетельство: ПИ № ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России» 85482

Учредитель: Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации

Издатель: Российский центр обучения избирательным
технологиям при Центральной избирательной комиссии
Российской Федерации

Адрес редакции:
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 47
Тел.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации, 2019

EDITORIAL BOARD

PAMFILOVA Ella Aleksandrovna,
Chairman of the Central Election Commission
of the Russian Federation
(Chairman)

VASILEVICH Grigorii Alekseevich,
Head of Department of the Constitutional Law,
Belarusian State University, Associate Member
of the National Academy of Belarus,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer
of Belarus Republic
(Republic of Belarus)

GABOV Andrei Vladimirovich, Deputy Director
of the Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government of the Russian
Federation, Associate Member of RAS,
Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian
Federation

GROMYKO Aleksei Anatol'evich, Director
of the Institute of Europe of RAS, Associate
Member of RAS, Doctor of Political Sciences,
Professor of RAS

ENIKEEV Shamil' Midkhatovich, PhD (Pol.Sci.)
of the Oxford University, Managing Director
of the Oxford International Centre
(United Kingdom)

PROROK Vladimir, Vice-Rector of the College
of International and Public Relations
(Czech Republic)

Editor-In-Chief I. B. Gasanov

Executive Secretary D. A. Ezhov

Published 4 times per year

Certificate: ПИ No. ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Subscription index
in the catalogue "Russian Press" 85482

Founder: Central Election Commission
of the Russian Federation

Publisher: Russian Centre for Training in Election
Technologies under Central Election Commission
of the Russian Federation

Editorial Office:
Myasnitskaya ulitsa, 47, 101000, Moscow
Tel.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Central Election Commission
of the Russian Federation, 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЭБЗЕЕВ Борис Сафарович, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (председатель)

ВЕДЕНЕЕВ Юрий Алексеевич, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор (заместитель председателя)

БАКУШЕВ Валерий Владимирович, заведующий кафедрой парламентаризма и межпарламентского сотрудничества отделения «Высшая школа правопведения» факультета государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор

БОРИСОВ Игорь Борисович, Председатель Совета Российского общественного института избирательного права, член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, кандидат юридических наук

БРОДОВСКАЯ Елена Викторовна, заведующий кафедрой социально-политических исследований и технологий Московского педагогического государственного университета (МПГУ), доктор политических наук, доцент

ВОЛКОВА Анна Владимировна, доцент кафедры политического управления Санкт-Петербургского государственного университета, Председатель научной комиссии в области политических наук Санкт-Петербургского государственного университета, доктор политических наук, доцент

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор политических наук, доцент

ВЫДРИН Игорь Вячеславович, заведующий кафедрой конституционного и международного права Уральского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

ГАСАНОВ Исмаил Байрамович, главный редактор журнала «Гражданин. Выборы. Власть», кандидат политических наук

EDITORIAL BOARD

EBZEEV Boris Safarovich, member of the Central Election Commission of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of science of the Russian Federation (Chairman)

VEDENEEV Yuri Alekseevich, Professor of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Deputy Chairman)

BAKUSHEV Valery Vladimirovich, Head of Department of Parliamentarism and Inter-Parliamentary Collaboration, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА), Doctor of Political Sciences, Professor

BORISOV Igor Borisovich, Chairman of Council of the Russian Public Institute of Electoral Law, member of the Presidential Council for Development of Civil Society and Human Rights, Candidate of Law

BRODOVSKAYA Elena Viktorovna, Head of the Department of Social and Political Studies and Technologies, Moscow Pedagogical State University (MPSU), Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VOLKOVA Anna Vladimirovna, Associate Professor of the Department of Political Governance, Chairman of Scientific Commission in the Field of Political Sciences, Saint Petersburg State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VOLODENKOV Sergey Vladimirovich, Professor of the Department of State Policy of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VYDRIN Igor Vyacheslavovich, Head of the Department of Constitutional and International Law, Ural Institute of Administration — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА), Doctor of Law, Professor

GASANOV Ismail Bairamovich, Editor-In-Chief of the Journal “Citizen. Elections. Authority”, Candidate of Political Sciences

ЕЖОВ Дмитрий Александрович, ответственный секретарь журнала «Гражданин. Выборы. Власть», доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат политических наук, доцент

КАБЫШЕВ Сергей Владимирович, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

КОМАРОВА Валентина Викторовна, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

МАКАРЦЕВ Андрей Алексеевич, декан факультета государственного сектора Новосибирского государственного университета экономики и управления, кандидат юридических наук, доцент

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

ПЕТРИЩЕВ Вячеслав Николаевич, ректор Международного независимого эколого-политологического университета, кандидат политических наук

ПОСТНИКОВ Александр Евгеньевич, заведующий отделом конституционного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

СЛАТИНОВ Владимир Борисович, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Курского государственного университета, доктор политических наук, доцент

СМИРНОВ Вильям Викторович, заведующий сектором теории права и государства Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, доцент

УСМАНОВ Рафик Хамматович, заведующий кафедрой политологии и международных отношений, директор департамента социально-политических и экономических исследований Евразии и Востока Астраханского государственного университета, доктор политических наук, профессор

ЧЕРНЫШОВ Алексей Геннадьевич, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор политических наук, профессор

EZHOV Dmitry Aleksandrovich, Executive Secretary of the Journal "Citizen. Elections. Authority", Associate Professor of the Department of Political Science and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Political Sciences, Associate Professor

KABYSHEV Sergey Vladimirovich, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor

KOMAROVA Valentina Viktorovna, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

MAKARTSEV Andrey Alekseevich, Dean of the State Sector Faculty, Novosibirsk State University of Economics and Management, Candidate of Law, Associate Professor

OSAVELYUK Aleksei Mikhailovich, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

PETRISHCHEV Vyacheslav Nikolayevich, Rector of the International Independent Ecological and Political University (Academy MNEPU), Candidate of Political Sciences

POSTNIKOV Aleksandr Evgen'evich, Head of the Department of Constitutional Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

SLATINOV Vladimir Borisovich, Head of the Department of State and Municipal Administration, Kursk State University, Doctor of Law, Associate Professor

SMIRNOV William Viktorovich, Head of the Sector of Theory of Law and State, Institute of State and Law of RAS, Candidate of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Associate Professor

USMANOV Rafik Khammatovich, Head of the Department of Political Science and International Relations, Director of the Department of Socio-Political and Economic Studies of Eurasia and East, Astrakhan State University, Doctor of Political Sciences, Professor

THERHYSHOV Aleksei Gennadievich, Professor of the Department "State and Municipal Law", Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Professor

Конституционное право

- 9 **В.Т. Кабышев**
Психология власти в традиции русского конституционализма

Актуальная трибуна

- 18 **Д.А. Реут**
Информационное общество и право на власть
- 28 **Е.В. Голоулина**
Электорат завтрашнего дня: ожидания и реальность

Избирательное право

- 41 **А.А. Макарецв**
К вопросу о возбуждении дел об административных правонарушениях избирательными комиссиями: организационно-правовые проблемы
- 52 **И.С. Алехина**
Член избирательной комиссии с правом решающего голоса: понятие, правовой статус, совершенствование гарантий деятельности
- 62 **Е.В. Белоусова**
Особенности муниципальных выборов как формы реализации непосредственного волеизъявления граждан

Политические институты

- 70 **Р.А. Алексеев**
Эволюционные изменения в российской избирательной системе в 1991–2018 годах
- 88 **Н.В. Деева**
Личность и государство в процессе формирования гражданской общности в современной России: природа взаимодействия

Политические процессы

- 98 **Д.Г. Евстафьев**
Информационные манипуляции и государственный суверенитет: риски для России
- 111 **А.В. Волкова**
Потенциал гражданского участия в обеспечении цифровой публичной управляемости

Политические технологии

- 122 **С.В. Володенков, В.В. Митева**
Особенности трансформации моделей массового информационного потребления в условиях эволюции технологий политической коммуникации

- 134 П.Я. Фельдман**
«Постправда» и «фейк-ньюз» в современном коммуникационном пространстве: перспективы политико-правового регулирования
- Пространство молодого ученого**
- 147 Д.И. Березюк**
Концептуализация современных подходов к изучению института президента
- 158 М.З. Отрешко**
Региональный опыт применения праймериз: восприятие через призму СМИ (на примере Санкт-Петербурга)
- 168 Н.А. Зинков**
Политическая коммуникация президентов В. Путина и Д. Трампа: сравнительный анализ
- Рецензии**
- 177 И.В. Выдрин**
Основной вопрос российского конституционализма: взаимоотношения личности и общества, гражданина и государства
- 189 В.Р. Филиппов**
Опыт административного регулирования культурных взаимодействий в мегаполисах
- 193 С.Н. Федорченко**
Политический менеджмент и управление современными политическими кампаниями
- События**
- 198 М.И. Росенко**
Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы становления парламентаризма в Российской Федерации»
- 203** Сведения об авторах

Constitutional Law

- 9 V.T. Kabyshev**
Psychology of Authority in the Tradition of Russian Constitutionalism

Actual Tribune

- 18 D.A. Reut**
Information Society and Right for the Power
- 28 E.V. Goloulina**
Electorate of Tomorrow: Expectations and Reality

Electoral Law

- 41 A.A. Makartsev**
To the Question About the Excitation of Cases on Administrative Offenses by Election Commissions: Organizational and Legal Problems
- 52 I.S. Alekhina**
The Member of Election Commission with Decisive Voting Right: Concept, Legal Status, Improvement of Safeguards Activity
- 62 E.V. Belousova**
Features of Municipal Elections as a Form of Implementation of Direct Expression of Citizens

Political Institutes

- 70 R.A. Alekseev**
Evolutionary Changes in Electoral System of Russia (1991–2018)
- 88 N.V. Deeva**
The Individual and the State in the Process of Formation of Civil Community in Modern Russia: Nature of Interaction

Political Processes

- 98 D.G. Evstaf'ev**
Informational Manipulations and National Sovereignty: Risks for Russia
- 111 A.V. Volkova**
Potential of Civil Participation in Ensuring of Digital Public Management

Political Technologies

- 122 S.V. Volodenkov, V.V. Miteva**
The Transformation Features of Models of Mass Information Consumption in the Conditions of Political Communication Technologies Evolution
- 134 P.Y. Fel'dman**
Post-Truth and Fake News in the Modern Communication Space: Perspectives of Political and Legal Regulation

Young Scientist's Space

147 D.I. Berezyuk
Conceptualization of Modern Approaches to Study the Institution of the President

158 M.Z. Otreshko
Regional Experience in Primaries: Perception Through the Prism of the Media (on the Example of St. Petersburg)

168 N.A. Zinkov
Political Communication of Presidents V. Putin and D. Trump: a Comparative Analysis

Reviews

177 I.V. Vydrin
Main Issue of Russian Constitutionalism: Relationships of the Personality and Society, the Citizen and the State

189 V.R. Filippov
Experience of Administrative Regulation of Cultural Interactions in Megapolyses

193 S.N. Fedorchenko
Political Management and Management of Modern Political Campaigns

Events

198 M.I. Rosenko
International Scientific-Practical Conference "Actual Issues of Fomation of Parliamentarism in the Russian Federation"

203 Our authors

ПСИХОЛОГИЯ ВЛАСТИ В ТРАДИЦИИ РУССКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

***Аннотация.** Конституция олицетворяет собой переход к новой государственности, к становлению принципиально иного по существу конституционного строя, на вершине которого человек, его права и свободы. Ключ к анализу действия Конституции России 1993 года заключается в познании психологии власти в контексте традиции русского конституционализма. В статье анализируется психология власти с точки зрения конституционно-правового подхода.*

***Ключевые слова:** Конституция, конституционализм, психология власти, власть, конституционный строй.*

PSYCHOLOGY OF AUTHORITY IN THE TRADITION OF RUSSIAN CONSTITUTIONALISM

***Abstract.** The constitution embodies the transition to a new statehood, to the establishment of a fundamentally different essentially constitutional order, on top of which there are a person, his rights and freedoms. The key to the analysis of the realization of the Constitution of Russia in 1993 lies in the knowledge of the psychology of authority in the context of the tradition of Russian constitutionalism. The article analyzes the psychology of authority in terms of constitutional and legal approach.*

***Keywords:** Constitution, constitutionalism, psychology of authority, authority, constitutional system.*

Власть — постоянный спутник человечества. В течение тысячелетий в сознании человека со словом «власть» ассоциировалась сила, могущество и господство, что отражено в этимологической основе мировых языков. Термин «власть» используется в науке в широком и узком смыслах, притом, как для характеристики общественных и социальных явлений, так и применительно к природе. Говоря «власть природы», «власть денег» и так далее, в данные термины вкладывают метафорический характер. Власть как явление обычно вызывает особые чувства и эмоции, скрывая в себе некий ореол загадочности и таинства.

Феномен власти с давних пор привлекает к себе внимание исследователей. В. Даль писал: «Власть — это право, сила и воля чем-либо, свобода действий и распоряжений; начальствование; управление; начальство,

КАБЫШЕВ Владимир Терентьевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Саратовской государственной юридической академии, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Саратов

начальник или начальники»¹. Вопрос о власти — один из центральных в социально-политической теории и практике. «Ни обойтись, ни отодвинуть вопроса о власти нельзя, — писал в связи с определенными обстоятельствами В.И. Ленин, — ибо это именно основной вопрос, определяющий все в развитии революции, в ее внешней и внутренней политике»². Профессор юриспруденции И.Е. Фарбер предложил общее понятие власти, приложимое к ее различным видам: «Власть есть необходимая функция любого коллектива по руководству своими членами для налаживания совместной деятельности» [1, с. 88].

Россия ныне переживает муки становления нового устройства власти, системы, на вершине которой конституционно провозглашен человек и его права, свободы, честь, достоинство и независимость. Ныне, говоря словами Ф. Энгельса, власть из господина превращается в служанку общества. Но возвращение власти социуму не должно означать охлократию, анархию или многовластие. Логика общественно-экономического развития России объективно требует такого властвования, которое выступает гарантом прав человека, стабильности, прочности, уверенности в обществе. В правовом государстве это можно осуществить, прежде всего, конституционным путем.

Особенность современного этапа развития России состоит в том, что в процессе реализации власти присутствуют носители (субъекты) противоположных общественных тенденций — модернизации и реставрации, — и олицетворяющие их режимы социального управления — авторитарный и демократический. В последние годы наметилась негативная тенденция сужения, точнее, имитации институтов прямой демократии, прежде всего институтов референдума и свободных выборов. На крутом, переломном этапе развития России важная роль принадлежит психологической переориентации как отдельных граждан, так и социальных групп. Смена конституционного строя, идеологии, крушение прежних ценностей вносят кардинально новые моменты в отношения масс, граждан к власти. Различают несколько видов социальной, общественной власти: общины, рода, племени, церкви, родителей. Я.М. Магазинер выделял следующие разновидности власти как фактическое отношение: власть экономическая (хозяина над работником); политическая (правлящих над управляемыми); дисциплинарная (капитана над матросами); религиозная (жрецы, пророки, папа); семейная (власть родителей над детьми); любовная (власть любимого существа над любящим); идейная (власть политических вождей, ученых, артистов, художников слова, кисти, резца) [2, с. 196–197].

Одной из категорий социальной власти (власти в узком смысле слова) является государственная власть. В современных условиях конституционно закрепляется механизм власти народа (ст. 3 Конституции Российской Феде-

¹ Даль В. Толковый словарь: в 4 т. М., 1989. Т. 1. С. 213.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 34. С. 200.

рации) и механизм государственной власти (ст. 11) [3]. Конституционный строй стабилен тогда, когда механизм управления гарантирован. История же свидетельствует, что этот механизм может эффективно функционировать только тогда, когда власть обеспечивается рядом факторов как инструментального (институционального), так и социально-психологического механизмов властвования. Оба механизма неразрывно связаны, взаимобусловлены. Первый из них (избрание представительных органов власти, высших должностных лиц, конституционная система власти, правопорядок, конституционная законность) выполняет функцию политико-правового руководства страной и по сути являет собой путь к *праву* как разумному балансу между свободой, равенством и справедливостью, к праву как основному способу защиты достоинства личности [4, с. 6].

Второй — преследует цель поддержания авторитета власти и создает определенные психологические установки и ориентации к власти. В конечном счете, социально-психологический механизм власти способствует мотивации поведения граждан к органам власти, выработке у них таких социально-психологических черт, как доверие или недоверие, поддержка или пассивность, заинтересованность и активное участие в общих делах всего народа или инертность, равнодушие к тем или иным государственно-властным велениям.

* * *

Автор еще в советский период ставил вопрос о необходимости исследования проблемы психологии власти, сформулировал элементы психологии властвования в российском обществе и государстве [5; 6]. Власть — это сложный общественный и психологический феномен. Как социальное явление она есть регулятор общественных отношений и подчиняется объективным законам. Как психологическое явление — проявляется в сфере переживаний личности и зависит от характера людей, осуществляющих властные функции и выполняющих веления власти. Психологическое восприятие властных велений может быть различным и зависит от ряда факторов. Значительную роль при этом играют уровень социально-политического и экономического развития страны, традиции, привычки, отношение народных масс к власти. Так, например, на этапе социального освобождения ранее угнетавшихся масс наблюдается трехмерное отношение к власти. Еще В.И. Ленин отмечал, что «...если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его развития, то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего»³. Все это характерно и для осуществления властвования в постсоветской России.

Когда мы говорим, что власть выступает объектом социальной психологии, то при этом имеем в виду учет социально-психологических факто-

³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 181.

ров в процессе осуществления власти. Вне психологического восприятия осуществление власти в любой ее форме невозможно. Всякой власти, в том числе и эксплуататорской, необходима поддержка народных масс, вера в ее ценности и могущество. На основе чувств, настроений, эмоций, привычек, традиций у людей возникают определенные установки их деятельности. Об этом писал Г.В. Плеханов: «...если я знаю, в какую сторону изменяются общественные отношения, благодаря данным переменам в общественно-экономическом процессе производства, то я знаю также, в каком направлении изменится и социальная психика, следовательно, я имею возможность влиять на нее. Влиять на социальную психику — значит влиять на исторические события» [7, с. 334].

В трудах выдающихся мыслителей прошлого содержится много высказываний о психологии власти вождей, народных масс. Их внимание постоянно привлекала психологическая динамика отношения масс к власти, о роли большинства в завоевании власти рабочим классом, общественные настроения, классовые инстинкты, сдвиги в социальной психологии. Так, Г.В. Плеханов подчеркивал, что для К. Маркса «проблема истории в известном смысле была также психологической проблемой» [7, с. 170–171].

К. Маркс, считая социальную обусловленность сознания, в то же время придавал большое значение субъективному — психологическому фактору в жизни общества. «Главный недостаток всего предшествующего материализма, — писал он в «Тезисах о Фейербахе», — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно»⁴.

В.И. Ленин также придавал исключительное значение социально-психологическому фактору в политической жизни. Его размышления о психологии классов, отдельных социальных групп, о психологическом восприятии массами различных методов властвования впоследствии активно использовались большевиками. Он чутко улавливал тончайшие нюансы в психологии масс, уделяя большое внимание рождению новых черт в психологии народа по отношению прежде всего к государственной власти. «Государство, — говорил Ленин, — бывшее веками органом угнетения и ограбления народа, оставило нам в наследство величайшую ненависть и недоверие масс ко всему государственному»⁵.

К сожалению, история распорядилась иначе. Возникшая в СССР тоталитарная система в единстве с авторитарно-бюрократическими методами управления умело применяла психологические законы властвования для оправдания своей правомочности. Советский режим активно использовал ссылку на законы истории для обоснования собственной власти. В ход

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. С. 1.

⁵ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 36. С. 184.

были пущены и классическая теория демократии, и бихевиоризм. Власть стремилась доказать, что потребность повелевать и подчиняться глубоко укоренена в психике человека.

Конечно, все умело ложилось на российское авторитетное сознание, где предпочтение отдавалось, прежде всего вере, а не самостоятельной критической мысли. Именно психологически российскому общественному сознанию ближе был марксизм с его классовой теорией, нетерпимостью. Анализ теоретических основ психологии властвования имеет исключительно важное значение для современного переломного этапа развития российского общества.

Для раскрытия истоков психологии властвования необходим краткий исторический экскурс. Прошлое политической мысли богато различными исследованиями в области теории власти, видными представителями которой были крупнейшие российские государственоведы конца XIX — начала XX веков — времени наивысшего развития капитализма. Научные теории дореволюционных ученых-гуманитариев отражали взгляды и интересы господствующего класса.

Они определяли государство, основанное на частной собственности и эксплуатации человека человеком, как общественный союз, союз товарищества, основанный на началах равенства. Б.А. Кистяковский отмечал, что в отношениях господства и подчинения этого социально-психологического явления властвования есть, в конце концов, какая-то загадка, нечто таинственное и как бы мистическое. Многие в явлениях властвования навсегда останутся неразгаданным и необъяснимым [8, с. 34–35]. Ф.Ф. Кокошкин писал: «Вопрос, почему в конце концов миллионы людей повинуются одному человеку или небольшой группе людей, — остается пока без точного ответа ...для этого нужно уяснить психологическое основание власти» [9, с. 56].

При этом возможно лишь указать психологические факты, намечающие путь к разрешению проблемы: это явление личной власти, которая может быть порождена материальной зависимостью, превосходством физической силы, результатом страха над населением, но иногда представляет собой такое первичное психическое явление, которое не поддается дальнейшему анализу; на силах привычки: общественном признании и общественном мнении, когда власть рационализируется. Но в подчинении власти и в ее организации всегда остается иррациональный элемент, основанный не на доводах рассудка, а на традициях и безотчетных настроениях [9, с. 57–66]. Ф.Ф. Кокошкин пришел к выводу, что наука не может дать точного ответа на вопрос происхождения власти и дает только вероятный ответ [10, с. 54]. В уважении, признании власти заключается ее социально-психологический феномен. Жажда власти, властелюбие, административный восторг, упоение властью — все это является следствием влияния власти и проявлением психологии властвования.

Именно социально-психологический подход к исследованию механизма властвования помогает уяснить природу и сущность процесса властвования. Уяснив это, мы сможем управлять данным процессом, прогнозировать дальнейшее планомерное совершенствование общества.

Наиболее значимым и ярким представителем психологической теории государственной власти в царской России был Н.М. Коркунов. В основу своей теории он положил психологический анализ власти вообще, без учета конкретно-исторических, социальных условий существования государственной власти, ее носителя, объясняя сущность власти исключительно психологией подвластных. Философско-методологической основой «психологической теории власти» Н.М. Коркунова являлся позитивизм.

Критикуя волевую теорию государственной власти, распространенную в XIX веке в немецкой науке государственного права, он писал: «Власть — это только условное выражение для обозначения причины явлений государственного властвования. Что такое власть, это можно вывести только выяснением общих свойств этих явлений, и наукой может быть принята только гипотеза, объясняющая все разнообразие явлений властвования. Волевая теория не удовлетворяет этому основному условию. Она не дает объяснения всех явлений государственного властвования, с некоторыми из них она находится в прямом противоречии, и потому она должна быть отвергнута» [11, с. 22–23].

Но ведь «не всякая» воля властвует. Воля бывает бессильная, безвластная. Власть приходит к воле извне, придается ей чем-то другим, в самой воле не заключающемся. Воля стремится к власти, получает и теряет ее. Власть не воля, а объект воли» [11, с. 23] и «таким образом, понятие власти ни в чем не совпадает с понятием воли» [11, с. 22–23]. Коркунов доказывал, что властвование не предполагает непременно властвующую волю. «Властвование, — утверждал он, — предполагает вообще сознание не со стороны властвующего, а только со стороны подвластного. Все, от чего человек сознает себя зависимым, властвует над ним, все равно, имеет ли или даже может ли иметь волю, мало того, независимо от того, существует ли это властвующее или нет. Для властвования требуется только сознание зависимости, а не реальность ее. Если так, власть есть сила, обусловленная сознанием зависимости подвластного» [11, с. 24].

Примечательны и выводы Н.М. Коркунова: «Если власть сила, обусловленная сознанием зависимости подвластного, государство может властвовать, не обладая ни волею, ни сознанием, лишь бы люди, его составляющие, сознавали себя зависимыми от него». Вследствие этого «государственная власть — это сила, обусловленная сознанием зависимости от государства» [11, с. 24]. Своими абстрактными суждениями о природе власти вообще Коркунов пытался завуалировать сущность буржуазной государственной власти. На основе субъективного идеализма и психологизма он отрицал объективный характер государства и политических отношений [12, с. 83].

Профессор А.С. Алексеев писал, что ошибка Н.М. Коркунова заключается в смешении им явлений общественной жизни и области естественной. Эти явления столь же разнородны, как законы природы и законы человеческого общества. Н.М. Коркунов доказывает, что властвование не предполагает непременно воли, а только сознание подвластных. Но если так широко понимать власть, как понимал ее Коркунов, отмечал А.С. Алексеев, то с таким же успехом можно доказать, что властвование не предполагает не только сознания со стороны властвующего, но и со стороны подвластных. Так, ребенок не сознает своей зависимости от родительской власти, душевнобольной не сознает своего подчинения со стороны властей. Если идти таким путем, то можно прийти к абсурдным выводам, что властью будет какая-то стихийная сила, которая бессознательно властвует над бессознательными, что она ни чем не отличается от тех естественных сил, которые действуют в мире физических явлений [13, с. 18].

Давая общее определение власти как силы, обусловленной сознанием зависимости подвластного, Н.М. Коркунов исключил момент взаимодействия людей. На стороне властвования, говорил Б.Н. Хатунцев, Коркунов не находит нужным иметь ни воли, ни сознания власти, ни возможности даже и необходимости воли и сознания, которые даются наличием человека. Поэтому «власть» для Коркунова является понятием индивидуальной психологии и естествознания, но отнюдь не социальным явлением [14, с. 34].

Один из виднейших русских государствоведов С.А. Котляревский, признавая всецело концепцию власти Н.М. Коркунова, отмечал, что тот в анализе явлений власти показал всю глубину своей интуиции и широту своего научного кругозора [15, с. 6]. Котляревский дополнил теорию власти Коркунова, выделяя еще и чувства властолюбия, «волю к власти»: «Признавая, что власть первоначально создается сознанием зависимости и повинованием, мы не можем смотреть на нее исключительно как на проекцию внутренних состояний, переживаемых подвластными. «Воля к власти» есть также психологическая реальность... Власть становится одной из важнейших ценностей, одним из самых непреодолимых соблазнов» — сторона человеческой души, которую так понимал Макиавелли [15, с. 16]⁶.

Другой русский государствовед прошлого также акцентирует внимание на психологическом моменте — сознании зависимости от государства. «Государственная верховная власть, — подчеркивал Г.М. Лазарев, — может быть определена как высшая юридически-организованная, принудительная сила, опирающаяся на сознание зависимости от государства» [16, с. 16]. Данное определение, писал Г.М. Лазарев, может быть применено ко всем историческим периодам в развитии власти.

⁶ В сноске к данной мысли С.А.Котляревский отмечает: «Искушение власти — последний из трех соблазнов сатаны, поставленных перед сыном Человеческим. — Мф. 4, 8–10. Есть аналогии в буддизме».

* * *

Мы привели ряд высказываний представителей психологической школы власти. Несмотря на то, что их воззрения отражают философию эпохи прошлого — царской России, — они не утратили своей ценности в смысле познания психологии властвования. Исследование вопросов психологии властвования — это анализ и выявление социально-психологических путей становления российской государственности. Психология нынешнего российского властвования — это психология рыночного хозяйствования, то есть психология собственника, носителей властных полномочий в условиях становления разделения властей, умелого применения власти должностными лицами, граждан, осуществляющих власть и участвующих во власти.

Психология властвования (во всех аспектах) неотделима и от культуры властвования. Культуре в обществе вообще, политической в особенности и конституционной в частности, принадлежит важная роль. От уровня зрелости политической культуры зависит уровень развитости демократии, всего нашего гражданского общества. Политическую культуру определяют как характер политических знаний, оценок и действий граждан, так и содержание и качество социальных ценностей, традиций и норм, регулирующих политические отношения.

Именно уровень политической культуры масс, степень ее развития определяют сегодня успех модернизации российского государства и общества. В общественном сознании происходят глубокие перемены. Развитие политической культуры — сложный процесс, и он протекает волнообразно. Старые традиции и нормы, политическая психология еще длительное время сосуществуют и борются с собственными модификациями. Общество пытается избавиться от административно-командного пресса, вседозволенности властвующих управленцев, пассивности и равнодушия граждан, привычки все делать по команде сверху.

Определенная часть общества еще не в полной мере осознала, что в какой-то мере мы все — продукт системы социально-психологических отношений, сформированных еще советской системой. Она сформировала общество психологически и поэтому сознание отдельного человека находится еще во вчерашней жизни. Индикатором эволюции его взглядов, убеждений выступают объективные общественные отношения, в сфере которых он (человек) находится.

Список литературы

1. Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права. Саратов, 1967. Вып. 1.
2. Магазинер Я.М. Избранные труды по общей теории права / Отв. ред. А.К. Кравцов. СПб., 2006.
3. Кабышев В.Т. Конституционная система власти в современной России // Вестник СГАП. 1998. № 3 (14).

4. Конституционный строй России: пятнадцать лет пути: труды кафедры конституционного и муниципального права. Вып. 3 / Отв. ред. Е.К. Глушко, С.Ю. Данилов; предисл. М.А. Краснов. М., 2008.
5. Кабышев В.Т. Социально-психологические аспекты народовластия в СССР // Советское государство и право. 1980. № 3
6. Kabyshev V.T. Social-psychological aspects of popular sovereignty in the USSR // Soviet Law Government // Volume 19, 1981. Issue 4. P. 51–61.
7. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 2. М., 1956.
8. Кистяковский Б.А. Сущность государственной власти. Ярославль, 1913.
9. Кокошкин Ф.Ф. Лекция по общему государственному праву (под ред. и с предисловием В.А. Томсинова). М., 2004.
10. Кокошкин Ф.Ф. Русское государственное право. М., 1908.
11. Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб., 1914. Т. 1.
12. Зорькин В.Д. Теория права Н.М. Коркунова // Правоведение, 1978. № 3.
13. Алексеев А.С. К учению о юридической природе государства и государственной власти. М., 1894.
14. Хатунцев Б.Н. О природе власти. Опыт исследования социально-психологических основ власти. Саратов, 1925.
15. Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915.
16. Лазарев Г.М. Развитие государственной власти в древнем мире. СПб, 1908.

Д.А. РЕУТ

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВО НА ВЛАСТЬ

Аннотация. *Определяющее влияние научно-технической революции на все сферы общественной жизни обусловило необходимость качественно нового научного взгляда как на проблематику правопонимания и правосознания в целом, так и на вопросы реализации права на власть в современном информационном обществе. В условиях трансформации постиндустриального общества в общество «цифровой экономики», в сферу производства и потребления услуг эволюционируют не только формы делегирования права на власть, актуальным также становится и вопрос содержания этого права. Если в недалеком прошлом лишь глубокие провидцы или фантасты-романтики могли предсказать использование для подсчета голосов избирателей автоматизированных комплексов либо широкое применение информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования для совершения юридически значимых действий, то сегодня эти явления фактически поменяли объективную картину реальности. Применительно к избирательному процессу и праву предстоит упорядочить общественные отношения, фактически сложившиеся на основе достижений научно-технического прогресса.*

Ключевые слова: *выборы, право на власть, народовластие, информационное общество, научно-техническая революция.*

INFORMATION SOCIETY AND RIGHT FOR THE POWER

Abstract. *The defining influence of a scientific and technological revolution on all spheres of public life caused need of qualitatively new scientific view as on a perspective of a law conception and sense of justice in general, and on questions of realization of the right for the power in modern information society. In the conditions of transformation of post-industrial society in society of «digital economy», in society of production and consumption of services, not only forms of delegation of the right for the power evolve, relevant is also a question of maintenance of this right. In past times only deep prophets or fantast romantics could predict use for counting of votes automated complexes or wide use a public information and telecommunication networks for commission of legally significant actions, but today these phenomena actually changed an objective picture of reality. In relation to electoral process the right should order the public relations which actually developed on the basis of achievements of scientific and technical progress.*

Keywords: *elections, right for the power, democracy, information society, scientific and technological revolution.*

РЕУТ Дмитрий Алексеевич — кандидат юридических наук, член Московской городской избирательной комиссии, г. Москва

Несколько десятков лет назад мало кто мог предположить, насколько изменится наша жизнь с приходом современных технологий, теперь уже не кажущихся чем-то сверхъестественным. Давно и прочно вошли в нашу действительность радио, телевидение, мобильные телефоны, интернет, социальные сети, современные электронно-вычислительные машины, нейросети, робототехника — перечислять можно бесконечно. В совокупности современные информационно-технические инструменты оказывают огромное влияние на общественную жизнь, меняя объективную картину мира, вместе с которой меняется не только восприятие юридических механизмов реализации народовластия, но и трансформируется само правовопонимание.

Известный вывод К. Маркса о том, что не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание [1, с. 7], представляется чрезвычайно актуальным для исследователей в различных областях науки, не исключая и юриспруденцию.

Введенное в научный оборот А. Богдановым понятие общественного сознания как характеристики состояния конкретного общества, отражения общественного бытия, совокупности коллективных представлений, присущих определенной эпохе, безусловно, включает в себя и сформировавшееся в обществе правовопонимание [2, с. 101]. Как отмечают последователи теории исторического материализма, если в ранние периоды человеческой истории общественное сознание формировалось только как непосредственное порождение материальных отношений людей, то в последующем само общественное сознание стало оказывать существенное влияние на сознание индивидов через такие общественные институты как государство и государственный строй, правовые и политические отношения [3, с. 305].

Английский физик, химик и философ М. Полани отметил закономерность влияния социальных факторов на содержание научной деятельности и на зависимость научной рациональности непосредственно от культурно-исторического контекста [4, с. 89]. Это означает, что качественно новый научный взгляд на постоянное встраивание в общественную жизнь достижений научно-технического прогресса, включая развитие «электронной» демократии и внедрение пока еще ее отдельных элементов в избирательный и референдумный процесс, должен учитывать социокультурные особенности современного общества.

Из вышесказанного следует, что социальные явления в современном мире, условно относимые к категории «общественное бытие», к которым относится и технический прогресс, достижениями которого мы все в той или иной степени пользуемся в повседневной жизни, определяют и меняют общественное сознание, в том числе и правосознание. И этот факт, в свою очередь, требует смены типа научной рациональности, новой научной картины мира.

Применительно к четвертой научно-технической революции и всеобщей информатизации как социального бытия, так и сферы государственных отношений, а также воздействию этого фактора на право, Т.Я. Хабриева и Н.И. Черногор констатируют заметное влияние «цифровизации» на сферу правового регулирования и важность этого фактора для динамики правового регулирования, обусловленной в том числе и возникновением новых общественных отношений, прежде не существовавших либо не требующих правового регулирования или не подлежащих ему; возникновение в качестве субъекта правоотношений виртуальной или «цифровой» личности; возникающих в связи с реализацией прав человека в виртуальном пространстве новых «цифровых» прав; встраивание в правоотношения неодушевленного предмета — машины, искусственного интеллекта; и, как следствие всего этого, — необходимость с точки зрения юридической науки в осмыслении понятия виртуальной вещи [5, с. 10–11].

В наши дни подобные явления формируют очередной системный вызов юридической науке: в какой степени человек, благодаря достижениям научно-технического прогресса, может непосредственно не участвовать в функционировании институтов государственной власти? Можно ли доверить машине (пусть и с соблюдением заданных параметров и при условии обеспечения безопасности) принятие решений за человека, тем более решений с юридическими последствиями?

Представим себе гипотетическую ситуацию, при которой результаты выборов определяет нейросеть или компьютер (с технической точки зрения это возможно если не в наше время, то в недалеком будущем). Предположим, что компьютер анализирует множество параметров: общественное мнение, популярность тех или иных политиков или политических партий, положения их предвыборных программ, послужной список и деловые качества кандидатов, отсутствие ограничений пассивного избирательного права и множество других показателей. При подобном раскладе уже не потребуется сложной процедуры выдвижения и регистрации кандидатов, не нужны будут избирательные комиссии и избирательные бюллетени, будет полностью исключен человеческий фактор при принятии решений и подсчете голосов, избраны будут формально достойнейшие кандидаты и так далее. Экономическая выгода такой конструкции очевидна, более того, подобные предложения в настоящее время рассматриваются, например, в отношении внедрения электронного правосудия в России [6, с. 101–104; 7, с. 5–17].

В еще более открытом ключе данный вопрос анализируется в Европейском Союзе. Хартия об этических принципах применения искусственного интеллекта в судебных системах¹, принятая в декабре 2018 года Европей-

¹ Официальный сайт ЕКЭП // URL:<https://rm.coe.int/ethical-charter-en-for-publication-4-december-2018/16808f699c> (дата обращения 08.04.2019).

ской комиссией по эффективности правосудия (ЕКЭП) Совета Европы, гласит: применение искусственного интеллекта в области правосудия может способствовать повышению эффективности и качества работы судов, должно осуществляться ответственно, в соответствии с основными правами, гарантированными, в частности, Европейской конвенцией о правах человека и Конвенцией Совета Европы о защите личных данных, оставаться инструментом на службе общего интереса и уважать индивидуальные права. Документ предполагает расширение возможностей использования искусственного интеллекта при отправлении правосудия, не исключая и качественное увеличение степени влияния автоматизированных систем на правовую судьбу рассматриваемых судами споров.

При всей своей экономической целесообразности подобная модель не имеет возможности учитывать следующий краеугольный фактор: компьютер, лишенный в принципе психоэмоционального состояния, никогда не сможет «понять» норм морали и справедливости, являющихся консолидирующими для российского общества. Понятие этой особенности российского правосознания прекрасно сформулировал И.А. Ильин: «...европейское правосознание формально, черство и уравнительно; русский человек, наоборот, ждет от человека, прежде всего доброты, совести и искренности...; русский человек всегда... ценил свободу духа выше формальной правовой свободы...» [8, с. 85]. Эту мысль продолжил В.И. Фадеев, говоря о том, что народное представительство имеет духовные, нравственные начала [9, с. 5].

Жан-Жак Руссо, рассуждая об общественном договоре, писал, что народу принадлежат воля и сила. При этом воля народа (т.е. народный суверенитет — *Д.Р.*) неотчуждаема и не может передаваться, а делегирована может быть лишь сила, реализуемая органами исполнительной и судебной власти [10, с. 178–199]. В наши дни Конституционный Суд Российской Федерации отмечает, что право на голосование является элементом публично-правового института выборов, в нем сочетается как личный интерес каждого конкретного избирателя, так и публичный интерес, выражающийся в формировании на основе объективных итогов выборов органов государственной власти².

Делегация такого права искусственному интеллекту, по сути означала бы подмену самого источника права на власть, отрыв «воли» от ее обладателя.

Справедливости ради необходимо отметить, что пока подобные предложения напрямую не высказываются, скорее, выдвигаются более осто-

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2004 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 4 статьи 64 Закона Ленинградской области «О выборах депутатов представительных органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления в Ленинградской области» в связи с жалобой граждан В.И. Гнездилова и С.В. Пашигорова» // СЗ РФ. 2004. № 49. Ст. 4948.

рожные гипотезы об усовершенствовании избирательного процесса на основе современных информационных технологий. Например, Я.В. Антонов, исследуя электронное голосование, говорит о нем как о процедуре, обеспечивающей выражение политической воли избирателей и установление результатов такого волеизъявления с использованием современных информационных технологий непосредственно в процессе голосования и подсчета голосов [11, с. 9]. А.П. Уханова справедливо полагает, что сам факт широкого внедрения в избирательный процесс современных избирательных технологий, без которых проведение выборов в современном мире уже не видится, и развитие правового регулирования их применения обусловили необходимость пересмотра и актуализации понимания структуры технологического аспекта выборов, включение в правовую оценку электоральной практики такого компонента, как ресурсное обеспечение выборов [12, с. 9].

* * *

В современной России новые информационные технологии внедрялись в избирательный процесс постепенно и были совсем неоднозначно восприняты обществом. Высказывались разные точки зрения: кто-то горячо поддерживал такое нововведение, как технические средства подсчета голосов — комплексы обработки избирательных бюллетеней (КОИБ), впервые появившиеся в середине 90-х годов прошлого века, другие, напротив, подвергли эти устройства резкой критике. При этом никто не оспаривал явные преимущества подобной техники: моментальный подсчет голосов и изготовление протокола об итогах голосования, исключение человеческого фактора при подсчете голосов, предотвращение непреднамеренных ошибок.

В дальнейшем новой ступенью автоматизации процесса участия в выборах послужили комплексы электронного голосования (КЭГ), голосование на которых проводится без использования бумажного избирательного бюллетеня.

Настоящим прорывом в деле усовершенствования избирательного процесса по пути развития системы гарантирования активного избирательного права стало введение порядка голосования по месту нахождения или системы «мобильный избиратель». Впервые этот институт был широко использован на выборах Президента Российской Федерации в 2018 году³. Тогда почти 5,7 миллионов избирателей смогли выполнить свой гражданский долг и принять участие в выборах благодаря именно этой системе⁴.

³ См.: Постановление ЦИК России от 01.11.2017 г. № 108/900-7 «О Порядке подачи заявления о включении избирателя в список избирателей по месту нахождения на выборах Президента Российской Федерации» // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 2017. № 11.

⁴ Официальный сайт ИА ИТАР-ТАСС // URL:<https://tass.ru/politika/5089746> (дата обращения 08.04.2019).

Именно благодаря «мобильному избирателю» стало возможным создание совершенно нового, уникального правового механизма, позволившего москвичам, которые в день голосования находились за пределами территории города, проголосовать на выборах мэра Москвы 9 сентября 2018 года [13, с. 40–42].

Во всех перечисленных технических нововведениях, в динамике их появления в повседневной практике избирательного процесса прослеживается идея о необходимости обеспечения возможности реализации активного избирательного права, создания удобных условий для голосования избирателя. Эта идея позитивно выражена в науке, например, В.А. Черепанов пишет об обязанности государства создавать условия для реализации конституционного права на участие в выборах вне зависимости от того, где гражданин находится в день голосования [14, с. 117].

В начале 2019 года в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесен законопроект № 654402-7 «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва»⁵. В контексте всего сказанного попробуем смоделировать предполагаемые условия и порядок дистанционного электронного голосования на выборах в 2019 году, рассматриваемого в настоящей статье, прежде всего, в качестве научного эксперимента.

Для организации дистанционного электронного голосования (далее — ДЭГ) необходимо определить избирательный округ или избирательные округа для проведения эксперимента. Хотя выбор нескольких округов возможно и даст более репрезентативные результаты, полагаем, с учетом новаторства и смелости данного замысла проявить осторожность и провести эксперимент в одном одномандатном избирательном округе по выборам депутата Мосгордумы. Избирательный округ должен быть выбран Московской городской избирательной комиссией как комиссией, организующей выборы депутатов Мосгордумы.

Безусловно, должна быть сохранена централизованная иерархическая система избирательных комиссий, установленная Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». С этой целью Мосгоризбирком определяет номер специальной участковой избирательной комиссии по дистанционному электронному голосованию (далее — УИК по ДЭГ), определяет в качестве вышестоящей территориальной избирательной комиссии территориальную комиссию одного из районов, входящих в избирательный округ. Затем вышестоящая территориальная комиссия образу-

⁵ Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/654402-7> (дата обращения 08.04.2019).

ет соответствующий избирательный участок и формирует состав УИК по ДЭГ в общем порядке.

Возможность ДЭГ должна быть предоставлена на выбор избирателю в качестве альтернативы традиционному способу голосования, который также применяется. Для этого необходимо установить порядок подачи соответствующего заявления и предусмотреть следующее: заявление подается в электронной форме через Портал государственных и муниципальных услуг (далее — ПГУ) зарегистрированными на нем избирателями; сроки подачи заявления целесообразно по времени приравнять к уже опробованным на практике срокам подачи заявлений в рамках системы «мобильный избиратель» — за 45–3 дня до дня голосования (что необходимо также для проведения работы по исключению двойного учета избирателей); целесообразно также предусмотреть в указанные сроки возможность отзыва избирателем заявления о ДЭГ.

Само голосование должно проводиться в день выборов в течение времени голосования с использованием ПГУ. Аппаратно-программный комплекс ДЭГ должен отвечать самым строгим требованиям безопасности и обеспечивать следующее: установление и подтверждение личности голосующего, тайну голосования, невозможность внесения изменений в поступающие данные (блокчейн).

По окончании времени голосования протокол об итогах голосования формируется на основании поступивших в УИК по ДЭГ данных, распечатывается и подписывается членами УИК по ДЭГ, передается в вышестоящую территориальную комиссию по стандартной процедуре.

Подготовка к эксперименту потребует от Мосгоризбиркома принятия ряда правовых актов, таких как требования к аппаратно-программному комплексу ДЭГ и оборудованию УИК по ДЭГ; порядок подачи заявления избирателя об участии в ДЭГ; порядок составления списка избирателей по избирательному участку для ДЭГ и иные решения.

В качестве эксперимента, деятельностная природа которого как эмпирического исследования проявляется в искусственном, созданном человеком реальном действии [15, с. 205], ДЭГ позволит оценить перспективу внедрения рассматриваемой технологии в избирательный процесс; создать дополнительные возможности для обеспечения конституционного права избирателей на участие в выборах; обеспечить дальнейшее развитие системы «мобильный избиратель»; выявить проблемные моменты при организации и проведении дистанционного электронного голосования; установить уровень заинтересованности избирателей в такой форме голосования.

* * *

Как любой научный эксперимент, эксперимент по ДЭГ не лишен ряда сложных моментов. Так, пессимисты могут завить о потенциальной опас-

ности данной системы в части хранения и передачи данных. Оптимисты на это ответят отсылкой на повсеместное использование интернет-банкинга для совершения денежных переводов, а также на востребованность ПГУ у миллионов людей. Конечно, об этом вправе заявлять и те, и другие, однако в случае с порталом ПГУ, человек, используя этот портал для получения государственных услуг, использует его исключительно в личных целях только в отношении себя самого. В рассматриваемом же эксперименте ПГУ возможно будет применен как инструмент для принятия юридически значимого решения, имеющего публично-правовое значение и напрямую влияющего на итоги голосования и результаты выборов. Поэтому и требования к условиям проведения эксперимента должны быть повышенными.

С большой долей вероятности можно заключить, что дистанционный способ голосования будет востребован в основном среди избирателей, являющихся постоянными пользователями Интернета. Учитывая традиционный, достаточно консервативный уклад российского общества, большую работу необходимо будет проделать по разъяснению участникам избирательного процесса порядка работы новой системы, ее преимуществ и безопасности. В связи с этим расширение возможностей наблюдения за процессом электронного голосования будет способствовать повышению доверия людей к такой форме участия в выборах, окажет плодотворное влияние на качественное укрепление института общественного контроля в избирательном процессе, названного С.С. Алексеевым одним из главных принципов права на пути обеспечения баланса по отношению к власти и ее «сокровенной составляющей — всевластью» [16, с. 125]. Дополняя эту идею, на обязанность государства по реализации вышеупомянутого принципа в целях обеспечения прозрачности своих действий также обращает внимание Г.А. Марзак [17, с. 203].

Полагаем, что для достижения этих целей при подготовке к эксперименту по ДЭГ следует организовать широкоформатное экспертно-общественное обсуждение предполагаемого порядка ДЭГ, его аппаратно-программного комплекса, привлечь к наблюдению представителей общественных, правозащитных организаций, не являющихся субъектами избирательного процесса, предусмотреть возможность публичной контрольной перепроверки итогов голосования. Более того, целесообразным видится рекомендовать участникам выборов направить на избирательный участок по ДЭГ в качестве наблюдателей избирателей, проживающих в соответствующем избирательном округе, с тем, чтобы они смогли проголосовать в рамках эксперимента и непосредственно проконтролировать работу УИК по ДЭГ.

Существует и еще один фундаментальный научный вопрос, носящий нравственный характер. Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что современная техногенная цивилизация обусловила проблему выживаемости человечества. Это становится очевидно заметным не только в отношении ухудшения состояния окружающей среды или истощения запасов

природных ресурсов. Другая, не менее насущная проблема — это истощение потенциала живого человеческого общения как обратная сторона всеобщей цифровизации, чему, к сожалению, способствует всеобщая склонность к замещению такого общения социальными сетями, гаджетами, виртуальными играми с использованием «цифрового» лица, которое уже в наше время претендует на статус самостоятельного субъекта права. А избирательный процесс — это, прежде всего общение живых людей, сложный механизм достижение компромисса по вопросу формирования политического единства общества. Применительно к избирательному процессу представляется, что исключение человека из процесса принятия правоустанавливающих для общества решений только лишь усугубит эту тенденцию. А потому пределы информатизации электоральных процессов видятся не более чем в технической оптимизации этого механизма как способа передачи избираемым представителям народа права на власть, но никак не в отчуждении от этого процесса самого человека, хотя информация уже и приобрела значение одного из главных социальных регуляторов, стала основным капиталом в современном информационном обществе.

Список литературы

1. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К. Соч., 2-е изд. М.: Политиздат, 1959. Т. 13. 771 с.
2. Богдановъ А. Наука объ общественномъ сознаниі. (Краткій курсъ идеологической науки въ вопросахъ и ответахъ). М.: Книгоизд-во писателей, 1914. 203 с.
3. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 4-е изд. М.: Политиздат, 1981. 445 с.
4. Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
5. Хабриева Т.Я., Черногор Н.И. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 85–102.
6. Денисов И.А. Развитие электронного правосудия в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1(77). С. 101–104.
7. Момотов В.В. Экономика правосудия: о благе государства и пользе частного лица // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3(64). С. 5–17.
8. Ильин И.А. Национальная Россия. Наши задачи. М.: Алгоритм. 2017. 464 с.
9. Фадеев В.И. Народное представительство: ч. 1. Историко-теоретические корни: монография. М.: Проспект, 2015. 168 с.
10. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. 416 с.
11. Антонов Я.В. Электронное голосование в системе электронной демократии: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.02. М., 2015. 27 с.
12. Уханова А.П. Информационное обеспечение выборов как гарантия реализации избирательных прав граждан в Российской Федерации: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.02. Петрозаводск, 2015. 187 с.

13. Реут Д.А. К вопросу о «мобильном избирательном участке» // Избирательное законодательство и практика. 2018. № 3. С. 40–42.
14. Черепанов В.А. Можно ли отменить в России «крепостное» избирательное право? // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 5. С. 116–127.
15. Степин В.С. История и философия науки. Изд. 3-е. М.: Академический проект, 2014. 424 с.
16. Алексеев С.С. Линия права. М.: Статут, 2006. 461 с.
17. Марзак Г.А. Общественный контроль как форма взаимодействия гражданского общества и государства // Известия МГТУ «МАМИ». 2014. № 1(19). С. 199–203.

ЭЛЕКТОРАТ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ: ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация. Важность и постоянно растущая актуальность вопросов молодежной политики сегодня является аксиомой. В статье приведен анализ социальной активности, правовой культуры, гражданской ответственности, мотивации и иных характеристик молодежного сегмента общества, а также прогнозируется наиболее вероятная модель поведения этой социально и экономически активной его части в ближайшем будущем на основе результатов социологического исследования, проведенного МИМРД МПА СНГ и его филиалами среди студентов ведущих вузов Азербайджанской Республики, Республики Армения, Кыргызской Республики, Республики Молдова и Российской Федерации. Научное руководство исследованием осуществляли специалисты кафедры психологии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Отметив важность института демократических выборов как основного инструмента реализации политической воли большинства, автор статьи подчеркивает стратегическую необходимость активного вовлечения молодого поколения в легальные формы участия в политической жизни своих стран для обеспечения их социально-экономического развития.

Ключевые слова: молодежная политика, молодежный электорат, электоральное поведение, поколение Z, выборы, социологическое исследование.

ELECTORATE OF TOMORROW: EXPECTATIONS AND REALITY

Abstract. The importance and ever-growing relevance of youth policy issues today is an axiom. The article presents an analysis of social activity, legal culture, civic responsibility, motivation and other characteristics of the young segment of society, as well as predicts the most likely model of behavior of this socially and economically active part of it in the near future on the basis of the results of sociological research conducted by the IPA CIS and its branches among students of leading universities of the Republic of Azerbaijan, the Republic of Armenia, the Kyrgyz Republic, the Republic of Moldova and the Russian Federation. Scientific management of the research was carried out by specialists of the Department of human psychology of Herzen State Pedagogical University of Russia. Noting the importance of the institution of democratic elections as the main tool for the implementation of the political will of the majority, the author emphasizes the strategic need for the active involvement of the young generation in legal forms of participation in the political life of their countries to ensure their socio-economic development.

Keywords: *youth policy, youth electorate, electoral behavior, generation Z, elections, sociological research.*

Сегодня важность и постоянно растущая актуальность вопросов молодежной политики являются аксиомой. По данным статистики, молодежь, к которой принято относить людей в возрасте от 14 до 30 лет, составляет более 18 процентов от общей численности населения планеты. Вдумайтесь: каждый пятый житель Земли — молодой человек, и примите во внимание этот факт, а также скорость, с которой XXI век меняет общественно-политический, технологический, культурный и электоральный ландшафт.

Определение, данное одним из основоположников современной социологии Карлом Манхеймом молодежи, как своего рода резерву, выступающему на передний план, когда оживление становится необходимым для приспособления к быстро меняющимся или качественно новым обстоятельствам [1, с. 444], выглядит справедливым. Современно звучат и его выводы относительно динамичных обществ, которые рано или поздно должны активизировать и даже организовывать ресурсы, которые в традиционном обществе не мобилизуются и не интегрируются, а часто подавляются. Молодежь, по мысли К. Манхейма, не прогрессивна и не консервативна по своей природе, она — потенция, готовая к любому начинанию [1, с. 445]. А если так, то современное мировое сообщество должно стремиться использовать этот потенциал во благо всех его членов. Неслучайно Всемирная программа действий в интересах молодежи, принятая Организацией Объединенных Наций в 1995 году, отмечает, что то, как будет развиваться человечество, напрямую зависит от степени вовлеченности молодежи в строительство и планирование будущего. В этом документе дано и обоснование важности привлечения молодых людей к участию в общественно-политических процессах.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН новаторски определила молодежь, как полноправных граждан, вносящих важный вклад в каждодневную жизнь общества, тогда как ранее этот сегмент населения определяли как будущих граждан. Но если молодежь — это полноценная часть гражданского общества и одновременно специфический ресурс, то, во-первых, естественным представляется учет мнения активной части общества при принятии касающихся ее решений; во-вторых, — поскольку никто не понимает молодежь лучше, чем она сама, — вовлечение этого ресурса в процесс принятия стратегически важных решений на самых ранних стадиях дает уверенность в их правильности. И, наконец, привлечение молодежи к участию в общественно-политических процессах означает расширение числа ответственных за результаты общественной деятельности, что увеличивает вероятность успеха их реализации.

Положения Всемирной Программы ООН нашли свое отражение в Плане действий Совета Европы в отношении будущего молодежной политики «Повестка 2020», Европейской хартии об участии молодежи в общественной жизни на местном и региональном уровне, принятой Конгрессом местных и региональных властей, Соглашении государств-участников Содружества Независимых Государств о сотрудничестве в сфере работы с молодежью (2005), Стратегии международного молодежного сотрудничества государств — участников СНГ на период до 2020 года.

Основным инструментом реализации политической воли большинства в демократических обществах, к которым относятся государства-участники СНГ, является институт выборов, а значит, только при активном вовлечении молодого поколения в легальные формы участия в политической жизни своих стран можно достичь заявленных в стратегических документах целей. Именно энергия молодости может придать новый импульс политическим и экономическим реформам, обеспечить движение к обществу социального прогресса и гражданского согласия. Реализация молодежью своего избирательного права, таким образом, является базовым элементом реализации любых программных документов, направленных на развитие.

Если продолжить сравнение молодежи с ценным стратегическим ресурсом, то необходимо согласиться и с тем, что эффективность использования такого ресурса при решении сложной многофакторной задачи во многом зависит от реалистичности его оценки. Это значит, что для качественного прогнозирования трендов развития общественно-политических процессов необходимым и обязательным условием является объективная оценка основных характеристик молодежного сегмента общества: уровня социальной активности, правовой культуры, гражданской ответственности, мотивов поступков. Определение модели поведения одной из самых социально и экономически активной частей общества на основе таких оценок будет наиболее вероятным.

Проведенное в ноябре–декабре 2018 года МИМРД МПА СНГ социально-психологическое исследование, темой которого являлась оценка электорального поведения молодежи ряда государств-участников СНГ, как раз и ставило перед собой задачу такой оценки. Вектор исследования был направлен на подтверждение либо опровержение сложившихся в последние годы в обществе устойчивых представлений об электоральном поведении молодых людей, достигших совершеннолетия, а также справедливости утверждений о растущей социальной апатии молодежи, подмену реальной активности интернет-симулякрами. Особую актуальность исследованию придали данные демографической статистики, свидетельствующие о росте в составе электората группы представителей поколения Z в связи с достижением избирательного возраста.

Основная цель — определение степени осведомленности молодежи о политической и избирательной системе своих государств, готовности к реализации избирательных прав, участию в представительных органах государственной власти и мотивации к гражданской активности. Принято во внимание степень вовлеченности в общественную деятельность различных групп молодежи и возраст наступления совершеннолетия, для исследования была выбрана группа «студенты». География социально-психологического опроса охватывала государства-участники МПА СНГ в местах расположения МИМРД МПА СНГ и его филиалов: Азербайджан, Армения, Киргизия, Молдова, Россия; период: ноябрь–декабрь 2018 года. Научное консультирование и обработка данных осуществлялась сотрудниками кафедры психологии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. В опросе приняли участие 1800 респондентов.

При проведении исследования использовалось сочетание метода анкетирования и метода незаконченных предложений. Обработка данных осуществлялась при помощи первичных описательных статистик, таблиц сопряженности, корреляционного, факторного и дисперсионного анализа. Предлагаемая студентам анкета состояла из двух блоков. Вопросы первого блока носили привычный опрашиваемой аудитории тестовый характер и касались проверки общего уровня знаний о политической структуре и избирательной системе государства, правах и обязанностях гражданина, его возможности участия в общественно-политических процессах. Вопросы второго блока мотивировали участников исследования к выражению своего отношения к сложившейся системе органов государственной власти, доверия к избирательному процессу, готовности и мотивов участия в представительных органах государственной власти. Часть вопросов носила характер незаконченных предложений.

Результаты ответов на первый блок вопросов анкеты дают схожую картину по всем государствам СНГ в поле исследования.

Участники хорошо осведомлены о государственном устройстве стран, в которых живут (более 70% правильных ответов), избирательной системе (порядка 62%), однако испытывают определенные сложности при определении функций парламента — органа, устанавливающего законодательные основы государства (менее 50% правильных ответов). То есть, респонденты имеют представление о конституционном и государственном строе, системе органов государственной власти в целом, понимают, как действует избирательная система, а представления о функциях и полномочиях парламента размыты, частой ошибкой является смешение понятий о полномочиях представительной и исполнительной власти, парламента и органов местного самоуправления.

Что касается собственно электорального процесса, респонденты в основном правильно указывают возраст, с наступлением которого они могут участвовать в голосовании (не менее 50% правильных ответов). Некоторые из них уже воспользовались своим правом, сохранили личный опыт в памяти. Однако, имеется некоторая разница в осведомленности о возможности реализации активного избирательного права в избирательных кампаниях различного уровня (национальный/региональный/местный). Этот дисбаланс сохраняется и в отношении знаний о достижении возраста, с которого можно участвовать в выборах в качестве кандидата, — реализации пассивного избирательного права. В среднем, уровень осведомленности о возможности реализации участниками опроса пассивного избирательного права гораздо ниже (не более 30% правильных ответов), особенно критично выглядит показатель осведомленности в отношении выборов органов местного самоуправления (в среднем, не более 20% правильных ответов). С точки зрения развития навыков политической активности, предпочтительным для молодежи является участие в качестве кандидатов в местных избирательных кампаниях и депутатская деятельность в органах местного самоуправления, позволяющая получить административный и управленческий опыт, навыки публичного общения. Кроме того, как правило, решение вопросов местного характера позволяет достичь видимых результатов в короткие сроки, что важно для психологии поколения Z. Но именно об этом уровне представительной власти респонденты осведомлены меньше всего. Показателен разброс представлений о возрасте наступления возможности выставлять кандидатуру на политических выборах: диапазон оценок колебался от 18 до 60 лет, высок процент затруднившихся с ответом.

Такая неосведомленность ярко свидетельствует об отсутствии сформированных установок на участие в политической жизни страны в качестве субъектов политики и желания быть политическим лидером.

Тем не менее, функции парламента адекватно репрезентируются в сознании большинства молодых избирателей. Это важно подчеркнуть, так как на следующем рисунке изображены результаты рейтинга доверия к представителям государственных и общественно-политических структур.

Вопреки ожиданиям размытости результатов, отвечая на вопрос «Кто, по Вашему мнению, вносит наибольший вклад в позитивное развитие страны?», респонденты четко выделили свои предпочтения. Из 11 возможных вариантов ответов наибольший рейтинг доверия продемонстрирован в отношении депутатов национальных и региональных парламентов, местных советов/муниципалитетов, а также крупных бизнес-структур. Именно их вклад в развитие государства оценивается современной молодежью выше,

чем представителей исполнительных органов государственной власти, силовых структур, представителей СМИ (рис. 1).

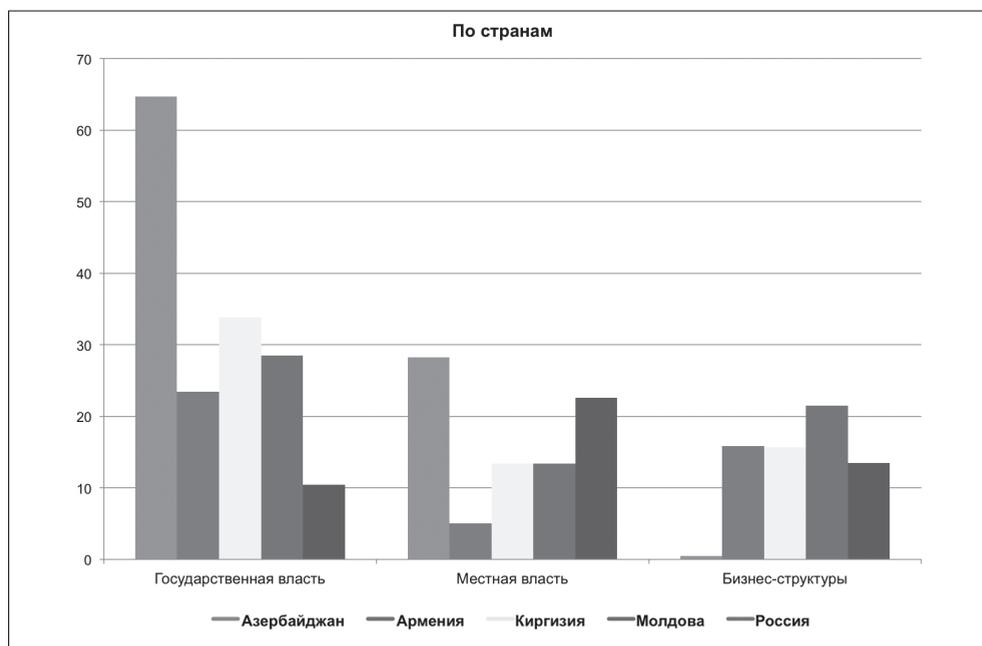

Рисунок 1

Это позволяет предположить, что государства, гражданами которых являются респонденты, воспринимаются ими как демократические, обладающие сменяемой с помощью выборных процедур государственной властью. Наряду с этим, высокий рейтинг доверия к депутатскому корпусу национального и регионального уровня по сравнению с местным, и к крупным бизнес-структурам относительно представителей среднего и малого бизнеса, даже не попавшего в тройку наиболее популярных ответов, свидетельствуют о потребительском отношении молодежи к вопросу обеспечения роста национального благосостояния, подтверждают выявленную ранее тенденцию пассивного отношения к политической жизни страны и отсутствия желания быть политическим лидером.

Мотивация к участию в электоральном процессе напрямую зависит от информации, которую получает гражданин, как о самой избирательной системе, так и о кандидатах, их политических программах, «справедливости» попадания в национальную и местную элиту, эффективности деятельности представительных органов государственной власти в период реализации ими полномочий. Знание о предпочтительных способах получения молодыми избирателями сведений является важным для понимания основного источника формирования их политических предпочтений и граж-

данской позиции, правильного размещения информационных материалов в период избирательных кампаний.

Результат исследования требует особого пояснения. Выполненный дисперсионный анализ показал отсутствие достоверных различий между государствами в рейтинге наиболее предпочитаемых источников информации и подтвердил сложившееся в последние годы в обществе представление о смене «топового информационного источника». Наглядно результаты представлены на рисунке 2.

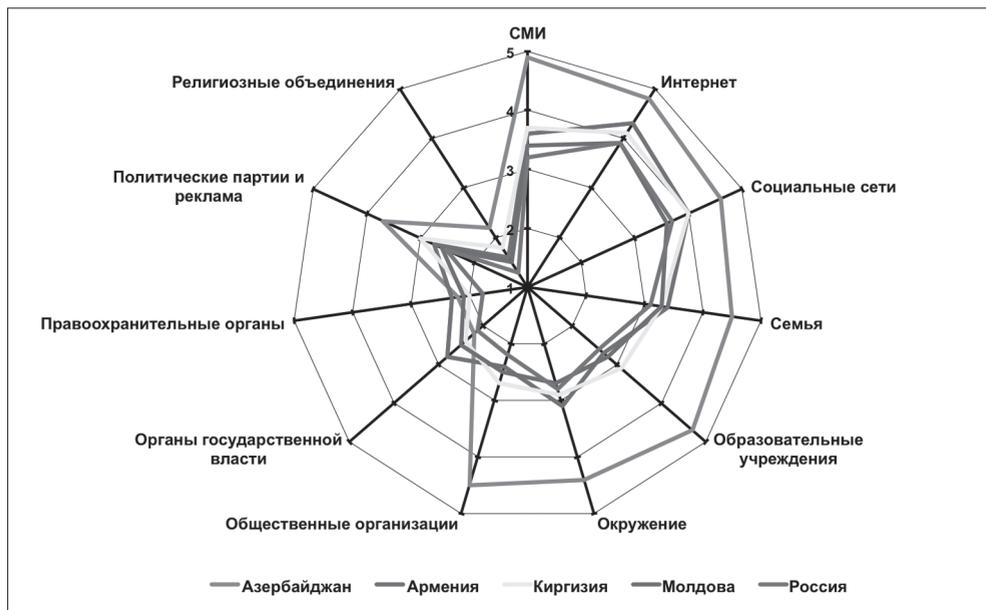

Рисунок 2

Топ-5 информационных ресурсов, вызывающих доверие (в порядке убывания): интернет, социальные сети, СМИ, семья, ближайшее окружение. Как видно по количественным и бальным оценкам, эта тенденция ярко выражена во всех государствах — участниках исследования. Дополнительные комментарии респондентов позволяют сделать вывод, что под СМИ ряд из них понимают электронные версии печатных изданий и различного рода интернет-ресурсы. Так что суммарная бальная оценка предпочтения источника «интернет» может быть еще выше. Если в начале нулевых годов телевидение и печатные издания выполняли функцию масс-медиа, «властителей дум», то сегодня их место заняла «всемирная паутина»: международные интернет-платформы, социальные сети, электронные издания, интернет-каналы, мессенджеры и мобильные приложения. Интернет перехватил инициативу и сегодня в полном объеме выполняет функции тра-

диционных СМИ, оказывая влияние на молодежную аудиторию в политической среде. На смену профессиональным журналистам пришли блогеры, политических аналитиков заменяют лайфхаки, предвыборные ролики трансформируются в трейлеры с дополненной реальностью. В политический словарь вошло слово «троллинг». Для поколения Z с его клиповым мышлением оперативность, доступность и видимое отсутствие контроля при получении информации является на порядок более важным, чем ее легитимность и достоверность.

Политические партии, политическая реклама и органы государственной власти продолжают занимать информационное время, потреблять финансовые ресурсы и претендовать на роль провайдера в доведении контента до молодых стейкхолдеров, но там — на другой стороне, не вынимают из ушей наушники, и недалек тот день, когда наденут очки дополненной реальности. Студенческая аудитория не придает информации об аспектах избирательного процесса, исходящей из упомянутых источников, сколько-нибудь значения. Если вопросы в электоральной сфере возникают, а интернет-среда не дает полной картины — скорее обратятся к родным, друзьям и соседям. Несмотря на данное обстоятельство, интернет-коммуникация уже сегодня является полноправной частью электорального процесса, и ее роль будет прогрессировать.

Изменение информационной среды влияет и на восприятие молодежью политического ландшафта, и связанного с ним определения форм своего участия в политике. В исследовании сделана попытка оценить степень готовности молодых избирателей к проявлению радикальных способов участия в политической жизни (рис. 3).

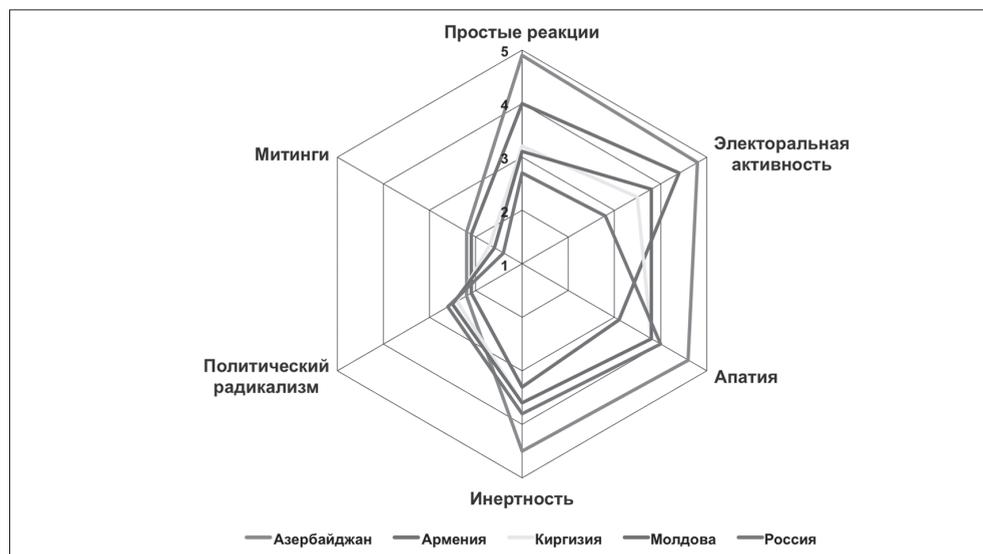

Рисунок 3

По данным анализа итогов анкетирования, во-первых, молодые избиратели считают, что выборы заметно влияют на жизнь молодежи (бальная оценка превышает уровень 3, то есть выше среднего показателя), во-вторых, вопреки бытующему мнению о склонности молодых людей к демонстративному проявлению своей политической позиции и нарастающего радикализма школьников и студентов, наиболее выраженными среди активных форм политического участия, заявленными респондентами, являются электоральное поведение и простейшие реакции на сигналы, исходящие от политической системы. Очевидно, что предпочитаемым, характеризующим для себя молодые люди считают электоральное поведение (голосование) и поведение наблюдателя, зрителя. Выход на митинг и строительство баррикад не является ведущей установкой молодежи. При разочаровании в политических институтах и неприятии системы наиболее вероятная реакция — «выключенность» из политических отношений: «дизлайкнул» — и ушел в другую директорию. Отказ от политического участия респонденты аргументируют излишней бюрократизацией процедур, отсутствием эффективной обратной связи между политической системой и гражданским обществом в целом. Это характерная черта миллениалов: нет видимого и позитивного результата, нет и интереса. Неинтересен контент, значит, не участвуем.

В этом смысле, показательный результат получен при ответе на вопрос о мотивах к участию в выборах в качестве кандидата (рис. 4).

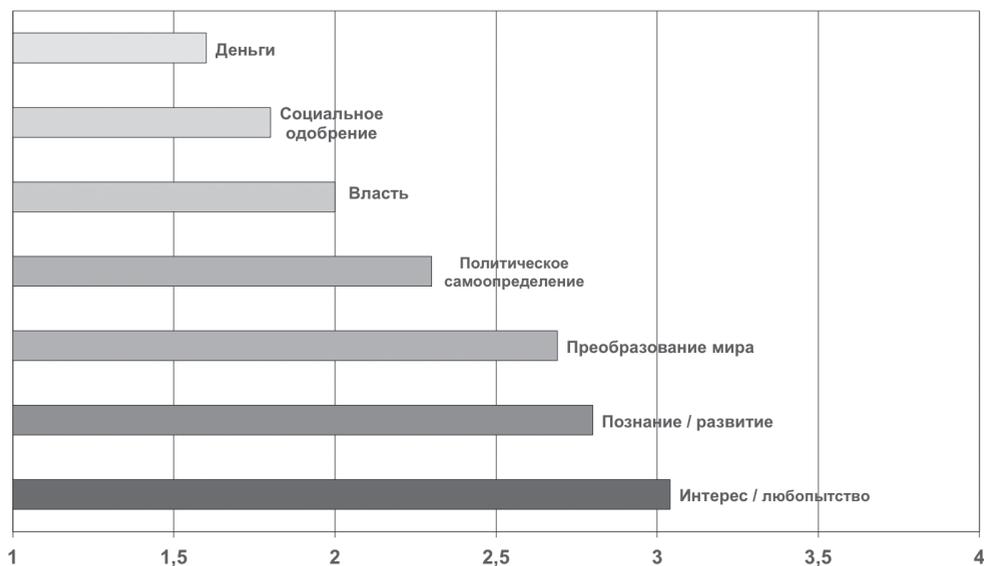

Рисунок 4

Участие в политической жизни может быть продиктовано как внутренними потребностями человека, так и интересами государства, мотивирующего ту или иную социальную группу к политической активности. Данные исследования ярко иллюстрируют доминирование индивидуальных, личных движущих факторов: интереса и познавательных мотивов. Это означает, что для молодых людей участие в голосовании — скорее отражение простого интереса, любознательности и удобная концептуальная модель для ориентации в окружающем мире, чем сформированная сознательная гражданская позиция. Низкий уровень социального одобрения («так принято в окружении, культуре») свидетельствует о том, что в этом возрасте все еще происходит формирование собственной мотивационной системы и превалирует «подростковая» доминанта, усиливающая критическое отношение к внешней, «взрослой» модели ценностей. При этом у студентов уже достаточно знаний и интереса к социально-политической ситуации в стране, что выводит на третью и четвертую позиции стремление к преобразованию мира, политическому самоопределению. Этим же объясняются высокие баллы (рис. 5) мотивации к служению людям, обществу, которая, по мнению респондентов должна быть у кандидата в представительные органы. Романтический, эмпатический аспект политического представительства позволяет успешно реализовывать социальные и волонтерские проекты в молодежной среде.

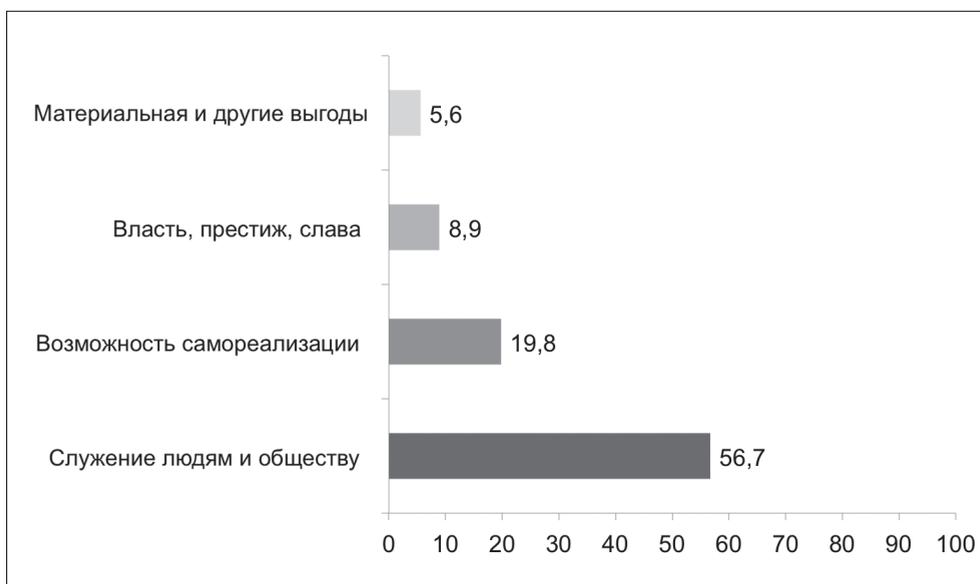

Рисунок 5

При этом контент-анализ ответов на открытые вопросы о выборах (рис. 6) показал, что на эмоциональном уровне текущая политическая ситуация вызывает у студенческой молодежи депрессивные чувства, неверие в свою способность что-то изменить (более 50% отрицательных ответов). Порядка 30% молодых людей ограничены в решении проблем. Итого, более 80 процентов ответов — с отрицательной эмоциональной окраской.

Рисунок 6

Для молодежи в целом характерны размышления о смысле жизни, как правило, связанные с утратами семейных традиций и поиском собственной парадигмы развития, что порождает переживание бессмысленности. Возможно, поэтому ведущие критические высказывания молодежи по отношению к выборам находятся в русле пассивных малопродуктивных построений, по типу «нет смысла», «мой голос ничего не решает», «все уже давно понятно», «не интересно».

Как отмечал лауреат Нобелевской премии в области физиологии и медицины И.И. Мечников, «юношеский пессимизм — это настоящая болезнь молодости». Таким образом, полученные нами данные эмпирически подтверждают общие возрастные закономерности, сдвигающие отношение к выборам представителей современной молодежи в сторону пассивности. Может быть, поэтому в качестве наиболее эффективных форм политической активности они выбирают (рис. 7) участие в проектах местного значения: благоустройство, участие в общественных организациях, либо

пассивное участие — обсуждение в интернете, подписание петиций, а не мандат депутата.

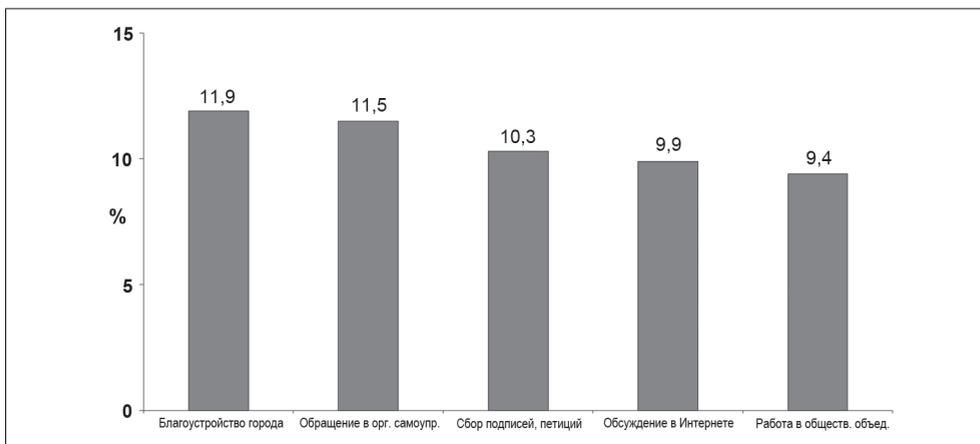

Рисунок 7

Тем не менее, такой опыт конкретных «малых дел», дающих непосредственный видимый результат, может стать стратегией формирования гражданской зрелости и активной позиции молодых.

Отвечая на открытые вопросы, описывая свои представления и понимание выборов (рис. 8), студенты указывают, что выборы — это демократия, возможность выбрать будущее, лучшего кандидата, подчеркивают объединяющую силу самих выборов для граждан. Среди причин участия в выборах самыми распространенными были формулировки: «потому что это — гражданский долг», «способ проявить свою активность», «выбрать достойное будущее», «чтобы противостоять фальсификациям».

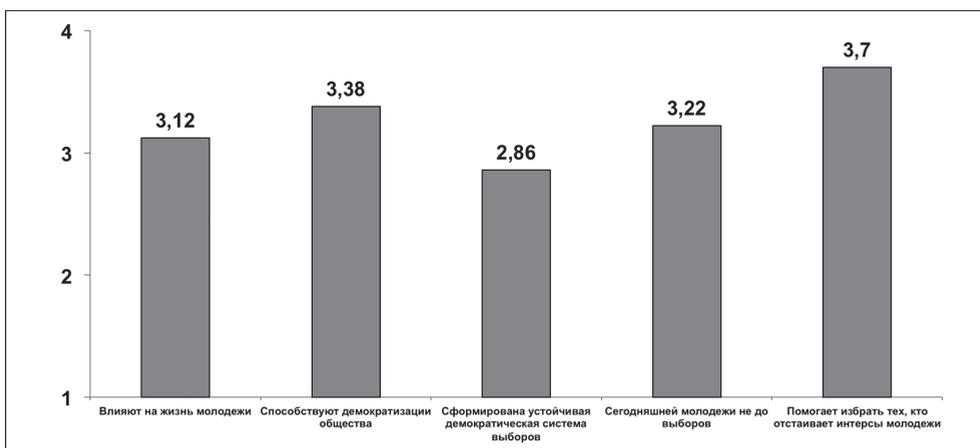

Рисунок 8

В своих ожиданиях от выборов и побуждающих к участию факторах молодые люди называют такие категории, как честность, открытость, соблюдение законности, отсутствие коррупции. И с этим не поспоришь.

В заключение, хочется констатировать наличие у студенческой молодежи государств, участвовавших в исследовании, сформированных и определенных электоральных установок, готовности принимать участие в выборах. Задача государственной власти — сохранить и поддержать эту готовность, способствовать развитию и совершенствованию эффективных обратных связей между политическими и гражданскими институтами, как основного элемента демократии. Ведь что такое демократия, как не диалог человека с государством?

Список литературы

1. Манхейм, К. Диагноз нашего времени: пер. с нем. и англ. / гл. ред. и сост. серии С.Я. Левит. М., Юрист. 1994. 700 с.

К ВОПРОСУ О ВОЗБУЖДЕНИИ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫМИ КОМИССИЯМИ: ОРГАНИЗАЦИОННО- ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы, связанные с возбуждением дел об административных правонарушениях избирательными комиссиями. Особое внимание уделяется статусу рабочих групп по информационным и иным вопросам информационного обеспечения выборов как органов административной юрисдикции. В заключении делается вывод, что действующая система рассмотрения заявлений в комиссии не позволяет в полной мере обеспечить доказательственную базу и объективно разрешить избирательный спор.*

***Ключевые слова:** выборы, избирательная комиссия, кандидат, агитация, административное правонарушение, заявление.*

TO THE QUESTION ABOUT THE EXCITATION OF CASES ON ADMINISTRATIVE OFFENSES BY ELECTION COMMISSIONS: ORGANIZATIONAL AND LEGAL PROBLEMS

***Abstract.** The article deals with issues related to the initiation of cases of administrative offenses by election commissions. Special attention is paid to the status of working groups on information and other issues of information support of elections as bodies of administrative jurisdiction. In conclusion, it is concluded that the current system of consideration of applications in the commission does not allow to fully provide the evidence base and objectively resolve the electoral dispute.*

***Keywords:** election, election commission, candidate, agitation, administrative offense, statement.*

Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации обеспечивает охрану общественных отношений различной отраслевой принадлежности, часто требующих довольно специфического правового регулирования. Показательным примером являются избирательные отношения,

МАКАРЦЕВ Андрей Алексеевич — кандидат юридических наук, доцент, декан факультета государственного сектора Новосибирского государственного университета экономики и управления, член Новосибирской городской муниципальной избирательной комиссии, г. Новосибирск

охрана которых обеспечивается нормами пятой главы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Административные правонарушения, посягающие на права граждан», которая открывает его особенную часть. Статьи, посвященные защите избирательных прав, в этой главе стоят на первом месте.

В современных условиях, когда административное право становится все более технологичным, вероятность обеспечения интересов граждан возрастает, увеличивается объем социальных ожиданий. Но при этом растет и ответственность публичных субъектов, к компетенции которых относится принятие социально-значимых решений. В итоге приходится перестраивать механизм государственного управления, более тщательно выбирать наиболее важные для общества интересы, достижение которых должно осуществляться в первую очередь [1, с. 68]. Этот подход определяется тем, что избирательные права граждан, будучи элементом конституционного статуса личности, являются одновременно и элементом публично-правового института свободных выборов — в нем воплощаются как личный интерес конкретного гражданина в принятии непосредственного участия в управлении делами государства, так и публичный интерес, реализующийся в объективных итогах выборов и формировании на этой основе самостоятельных и независимых органов публичной власти, призванных в своей деятельности гарантировать права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации, осуществляя эффективное и ответственное управление делами государства и общества [2, с. 47].

При разрешении дел об административных правонарушениях, связанных с избирательными правоотношениями, необходимо принимать во внимание то, что избирательное право — комплексное правовое образование, включающее в себя нормы различных отраслей российского права. Избирательные правоотношения можно охарактеризовать в качестве структурно-сложных отношений [3, с. 4], регулирование которых требует использования как публично-правовых, так и частноправовых механизмов. В связи с этим при рассмотрении подобных дел необходимо принимать во внимание положения различных отраслей российского права.

В соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) правом возбуждать дела в связи с правонарушениями в ходе организации и проведения выборов обладают избирательные комиссии, органы внутренних дел, органы прокуратуры и др. В большинстве случаев субъектом возбуждения дела об административном правонарушении являются соответствующие избирательные комиссии. Они — одни из наиболее значимых субъектов российского избирательного права [4, с. 47], им принадлежит определяющая роль в подготовке и организации выборов. Это вытекает из положений Конституции Российской Федерации, чей политико-правовой потенциал еще не реализован в полной мере [5, с. 13], закрепляющих функции подготовки и проведения выборов

как самостоятельной сферы государственно-властной деятельности, что подразумевает наличие органа, ее выполняющего. На основании решения избирательных комиссий уполномоченный на это член комиссии с правом решающего голоса должен составить протокол об административном правонарушении, который направляется в судебные органы.

В связи с появлением в отечественной практике единого дня голосования и проведения различных избирательных кампаний в течение одного временного периода судьи, по сравнению с предыдущими десятилетиями, довольно редко сталкиваются с правонарушениями, связанными с избирательными отношениями. Вследствие этого соответствующие правовые конструкции, необходимые для разрешения дел, вытекающих из избирательных отношений, для мировых судей являются непривычными и малоизвестными. Не последнюю роль в этом играют и частые изменения административного законодательства. Так, с момента принятия КоАП РФ об административных правонарушениях было принято более пятисот законов, вносящих в него изменения. В связи с этим особая роль в изучении обстоятельств правонарушения, сборе доказательств отводится избирательным комиссиям, члены которых, как принято считать, наиболее компетентны в особенностях правового регулирования избирательных отношений.

Актуальность заявленной темы определяется еще и тем, что избирательная практика последнего времени показывает необходимость повышения уровня эффективности деятельности избирательных комиссий в сфере пресечения нарушений избирательного законодательства. Этот вывод подтверждает прошедший 19 сентября 2018 года второй тур выборов Губернатора Приморского края, повлекший за собой один из самых крупных электоральных скандалов за последние десять лет. Согласно решению Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, «в ряде случаев, преимущественно на завершающем этапе, имели место серьезные нарушения законодательства о выборах при проведении повторного голосования на досрочных выборах Губернатора Приморского края и установлении его итогов: вброс избирательных бюллетеней, изменение данных, содержащихся в итоговых протоколах участковых избирательных комиссий, несоблюдение установленного порядка обработки итогов голосования территориальными избирательными комиссиями, принуждение избирателей к участию в голосовании, подкуп избирателей со стороны кандидатов». В связи с этим ЦИК России рекомендовал Избирательной комиссии края признать результаты досрочных выборов Губернатора недействительными¹.

Необходимо отметить, что в Избирательную комиссию Приморского края сразу после проведения повторного голосования поступали заявления

¹ Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 19 сентября 2018 г. № 182/1439-7 «О ситуации с повторным голосованием на досрочных выборах Губернатора Приморского края» // URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/40833> (дата доступа: 30 сентября 2018 г.).

о нарушении избирательного законодательства. Так, один из кандидатов обратился в краевой суд с требованиями о признании незаконным бездействие Избирательной комиссии по нерассмотрению в установленном порядке жалоб, об отмене ее решения от 20 сентября 2018 года № 114/1043 «О работе с жалобами, связанными с проведением голосования, подсчетом голосов и составлением протоколов нижестоящих избирательных комиссий, поступивших в Избирательную комиссию Приморского края при проведении повторного голосования на досрочных выборах Губернатора Приморского края», о признании незаконными действий Избирательной комиссии Приморского края по внесению сведений в строки № 4, 13, 14 протокола о результатах выборов от 20 сентября 2018 года, об отмене решения Избирательной комиссии Приморского края от 20 сентября 2018 года № 114/1044 «О результатах повторного голосования на досрочных выборах Губернатора Приморского края, назначенных на 16 сентября 2018 года».

В обоснование требований заявитель указал, что по фактам нарушений избирательного законодательства на избирательных участках во время голосования, а также участковыми и территориальными избирательными комиссиями в городах Уссурийске, Артеме, Находке им и его доверенными лицами в Избирательную комиссию Приморского края были направлены жалобы, которые в нарушение положений статьи 75 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Закон об основных гарантиях), не были рассмотрены по существу в установленном порядке.

Ссылаясь на фальсификацию итогов голосования и внесение участковыми и территориальными избирательными комиссиями в протоколы недостоверных сведений, заявитель полагал, что у Избирательной комиссии Приморского края отсутствовали основания для указания в вышеуказанных строках протокола о результатах выборов соответствующей информации, отражающей данные о числе бюллетеней, выданных избирателям в день голосования, о числе голосов избирателей, поданных за каждого зарегистрированного кандидата. Административный истец посчитал, что оспариваемое решение Избирательной комиссии Приморского края от 20 сентября 2018 года № 114/1044 о признании результатов досрочных выборов Губернатора Приморского края недействительными, незаконно, в силу отсутствия правовых оснований для его принятия.

Решением Приморского краевого суда от 12 октября 2018 года в удовлетворении административного искового заявления было отказано. Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации решение Приморского краевого суда оставила без изменения, апелляционные жалобы заявителя — без удовлетворения².

² Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации 29 декабря 2018 г. № 56-АПГ18-17// СПС Консультант Плюс (дата доступа 30 января 2019 г.).

* * *

Исходя из анализа избирательной практики, можно предположить, что на эффективность реализации избирательными комиссиями своих функций оказывают существенное влияние некоторые аспекты их деятельности. Особое значение в этом отношении имеет коллегиальный характер принятия избирательными комиссиями своих решений. Именно из-за него некоторые решения комиссий могут иногда не в полной мере соответствовать законодательству. Более того, становится возможным признавать отсутствие в действиях субъектов избирательного права состава правонарушения даже тогда, когда по формальным признакам оно присутствует.

Примером может послужить решение Новосибирской городской муниципальной избирательной комиссии по делу, связанному с проведением досрочных выборов мэра Новосибирска. В избирательную комиссию поступило заявление с просьбой о привлечении к ответственности регионального отделения одной из политических партий, выдвинувшего кандидата на должность мэра Новосибирска, за размещение на улицах города информационного плаката с названием этой партии. С точки зрения заявителя, размещение плаката должно было быть оплачено из соответствующего избирательного фонда. Свое мнение заявитель обосновывал положением пункта 4 статьи 56 Закона об основных гарантиях, согласно которому оплата рекламы с использованием наименования, эмблемы, иной символики избирательного объединения, выдвинувшего кандидата, список кандидатов, в период избирательной кампании осуществляется только за счет средств соответствующего избирательного фонда. Нарушение этого положения попадало под действие статьи 5.9 КоАП РФ «Нарушение в ходе избирательной кампании условий рекламы предпринимательской и иной деятельности». Новосибирская городская муниципальная избирательная комиссия решила, что, поскольку размещение плаката произошло до начала избирательной кампании, оплачивать его размещение из средств избирательного фонда не требовалось, следовательно, основания для удовлетворения требований заявителя отсутствуют³.

* * *

Особенностью избирательных кампаний последних лет является возможность принятия решений по поступившим в избирательную комиссию заявлениям не самими комиссиями, а различными рабочими группами по рассмотрению информационных споров. Эта практика нашла некоторое обоснование в Определении Верховного Суда Российской Федерации от

³ Решение Новосибирской городской муниципальной избирательной комиссии от 1 марта 2014 года № 53/312 «О рассмотрении заявления В. от 26.02.2014 о размещении информационного плаката с текстом “ЛДПР”» // URL: <http://www.izbirkom.novo-sibirsk.ru>.

18 ноября 2011 года № ГКПИ11-1977⁴. Основанием для принятия этого решения являлось заявление Б. об отмене регистрации одного из кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Учитывая, что Б. не обладал правом на обращение в суд с заявлением об отмене регистрации кандидата (списка кандидатов), заявленное требование не подлежало рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства и не могло быть принято к рассмотрению Верховного Суда по первой инстанции.

Заявитель также указывал, что его обращение не было рассмотрено ЦИК России коллегиально, а это, по его мнению, можно рассматривать как бездействие с ее стороны. Верховный Суд, проводя параллели с рассмотрением требований заявителя в суде и в избирательной комиссии, спроецировал основания своего отказа в рассмотрении заявления на избирательную комиссию. По его мнению, в статье 28 Закона об основных гарантиях определены случаи, когда избирательная комиссия обязана принимать решения на своем заседании большинством голосов от установленного числа членов комиссии с правом решающего голоса. Именно в этих случаях уклонение избирательной комиссии от принятия решения в установленные сроки может быть обжаловано в соответствующем суде. В иных случаях избирательная комиссия, в том числе Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, самостоятельно определяет порядок рассмотрения жалобы и форму принятия по ней решения. Суд обращает внимание, что федеральными законами не предусмотрено обязательное принятие ЦИК России на своем заседании коллегиального решения об оставлении жалобы без удовлетворения. В связи с тем, что суд связал возможность обжалования решения избирательной комиссии в суд лишь с вопросами, которые требует законодательству коллегиального рассмотрения, то ответы, поступившие из избирательных комиссий на заявления по иным вопросам, обжаловать не представляется возможным. Это умаляет права граждан, в частности право на защиту. В случае если заявителя не удовлетворил ответ, подготовленный рабочей группой, он не может его обжаловать в суд, так как уполномоченным органом принимать решение о нарушении являлась избирательная комиссия, а не рабочая группа.

В судебном решении речь ведется о возможности принятия рабочими группами решений об оставлении заявления без удовлетворения. На практике рабочие группы по рассмотрению информационных споров выходят за рамки своей юрисдикции. Они дают оценку обстоятельствам правонарушения, которая, в случае оставления жалобы без удовлетворения, является для заявителя окончательной. Дело даже не доходит до его рассмотрения на заседании соответствующей избирательной комиссии. При этом упол-

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 18 ноября 2011 года № ГКПИ11-1977 // СПС Консультант Плюс (дата доступа 12 мая 2017 г.).

номоченным органом рассмотрения заявления является лишь избирательная комиссия, в которую поступило заявление, а к задачам рабочих групп, которые даже не упоминаются в Законе об основных гарантиях, относится лишь помощь в подготовке проекта возможного решения.

* * *

На рабочих группах довольно часто принимаются решения не только об оставлении жалобы без удовлетворения, но и о частичном ее удовлетворении. Так, в ходе избирательной кампании по выборам депутатов Законодательного Собрания Новосибирской области в областную избирательную комиссию поступило заявление о том, что на территории одного из избирательных округов по выборам депутатов Совета депутатов Новосибирска распространяется агитационный материал «Народный депутат. Август 2015 г.», заказанный и оплаченный из фонда избирательного объединения по выборам депутатов Законодательного Собрания области по единому избирательному округу. На третьей его странице содержался текст о том, что тандем депутатов (Законодательного Собрания Новосибирской области и Совета депутатов Новосибирска) будет полезен населению. В частности, отмечалось, что «у жителей Заельцовского района появилась возможность сформировать тандем из двух своих представителей — Н. (Совет депутатов Новосибирска) и Ж. (Законодательное Собрание Новосибирской области). Кандидат в депутаты Горсовета Новосибирска Н. уверен — округ от этого только выиграет». Н. в беседе с журналистом рассуждал о пользе взаимодействия депутатов различного уровня.

Заявитель просил уточнить, был ли передан в избирательную комиссию Новосибирской области при предоставлении агитационного материала «Народный депутат. Август 2015 г.» документ, подтверждающий согласие Н. на использование его изображения и высказываний в агитационном материале избирательного объединения по выборам депутатов Законодательного Собрания Новосибирской области по единому избирательному округу⁵. При отсутствии согласия заявитель просил составить протокол об административном правонарушении за изготовление, распространение или размещение агитационных материалов с нарушением требований законодательства о выборах в отношении избирательного объединения. Если же согласие Н. было представлено, то, как уточнял заявитель, это значит, что он вел незаконную агитацию, финансируемую вне своего избирательного фонда, используя финансовые средства избирательного объединения по выборам депутатов Законодательного Собрания Новосибирской области, что также является нарушением законодательств.

⁵ На момент проведения избирательных кампаний по выборам депутатов Законодательного Собрания Новосибирской области и Совета депутатов Новосибирска российское законодательство позволяло использовать изображения иных лиц, кроме кандидатов, в агитационных материалах.

В ответе избирательной комиссии от 9 сентября 2015 года № 01-13/5347 отмечалось, что заявление было «рассмотрено на заседании Рабочей группы Избирательной комиссии Новосибирской области по информационным спорам и иным вопросам информационного обеспечения выборов», которая решением от 9 сентября 2015 года № 3 удовлетворила обращение лишь частично: «Агитационный печатный материал «Народный депутат» (август 2015) был признан незаконным печатным агитационным материалом. В ГУ МВД России по Новосибирской области направлено представление о пресечении распространения на территории Новосибирской области незаконного агитационного печатного материала и принятии мер в соответствии с действующим законодательством».

Ответ избирательной комиссии вызывает возражение. Рабочая группа сочла материал незаконным, то есть признала, что кто-то из субъектов избирательного права нарушила закон. Но она вынесла решение не о наказании правонарушителя, установить которого имела возможность, а о направлении представления о пресечении распространения агитационного материала (который она сама и разрешила распространять) и принятии мер в соответствии с законодательством.

Анализ процедуры возбуждения дел об административных правонарушениях на основании решения рабочей группы показывает, что нарушаются основополагающие принципы производства по делам об административных правонарушениях. Решения рабочей группы по информационным спорам являются окончательными и на заседания избирательных комиссий не выносятся. То есть, именно рабочая группа официально устанавливает отсутствие состава правонарушения и определяет возможный предмет доказывания по делу.

* * *

При принятии рабочей группой решения по поступившим в избирательную комиссию заявлениям не в полной мере соблюдается принцип объективности. В состав рабочей группы входят представители правоохранительных органов, Роскомнадзора и другие лица, которые могут в той или иной степени иметь прямое отношение к рассматриваемым ею делам. В рабочие группы входят и члены избирательной комиссии с правом совещательного голоса, назначенные кандидатами (избирательными объединениями), которые чаще всего и является заявителями, то есть лицами, имеющими интерес в деле. Например, в ходе выборов депутатов Государственной Думы в состав рабочей группы по информационным спорам при Избирательной комиссии Новосибирской области были включены члены с правом совещательного голоса от двух кандидатов, баллотирующихся по одномандатным округам, находящимся на территории Новосибирской области (всего было выдвинуто пятьдесят восемь кандидатов), и Л., являвшийся членом комиссии с правом совещательного голоса от одного из избирательных объединений.

Л. подал в комиссию более пятидесяти заявлений, большинство из которых было рассмотрено на рабочей группе по различным вопросам информационного обеспечения выборов, и в принятии решений по которым он принимал личное участие. С одной стороны, он участвовал в заседании рабочей группы как заявитель, обосновывая свои требования; с другой, — принимал участие в голосовании по своим заявлениям, являясь членом рабочей группы.

Неопределенность статуса рабочих групп проявляется и в принятых ими решениях, которые основываются на документах, полученных соответствующей избирательной комиссией. В частности, решением рабочей группы Избирательной комиссии Новосибирской области по информационным и иным вопросам информационного обеспечения выборов от 1 августа 2016 года № 10⁶ было отказано заявителю в удовлетворении требований на основании «пояснений Б., полученных окружной избирательной комиссией». Фактически это демонстрирует, что соответствующим юрисдикционным органом все-таки является избирательная комиссия, которая и запрашивает документы, необходимые для принятия решения.

Проблема статуса рабочих групп по вопросам информационного обеспечения выборов как органов административной юрисдикции напрямую связана с проблемой юридической силы их решений, наличием механизмов их обжалования, а в конечном счете, защиты конституционного права избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления. Неопределенность в этом вопросе можно увидеть на примере решения рабочей группы при Избирательной комиссии Новосибирской области от 1 сентября 2016 года. Основанием его принятия была поступившая в избирательную комиссию жалоба от члена комиссии с правом совещательного голоса Д. на нарушение законодательства региональным отделением одной из политических партий. Заявитель указал, что в агитационных материалах этой партии содержатся изображения кандидата в депутаты Государственной Думы М. в кругу лиц, не являющихся кандидатами. По мнению заявителя, это нарушает часть 9.1 статьи 62 Федерального закона от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», согласно которому использование в агитационных материалах изображений физического лица допускается в случае использования кандидатом своих изображений, в том числе среди неопределенного круга лиц, и попадает под действие статьи 5.12. «Изготовление, распространение

⁶ Решение рабочей группы Избирательной комиссии НСО по информационным и иным вопросам информационного обеспечения выборов от 1 августа 2016 года № 10 «О жалобе П. о размещении коммерческой или иной деятельности с использованием фамилии и изображения кандидата в депутаты Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации седьмого созыва К.» // Архив Избирательной комиссии Новосибирской области.

или размещение агитационных материалов с нарушением требований законодательства о выборах и референдумах» КоАП РФ.

Рабочая группа, отметив, что понятие «неопределенного круга лиц» законодательством Российской Федерации не определено, сослалась в своем решении на разъяснения ЦИК России от 16 августа 2016 года: «Под изображением кандидата среди неопределенного круга лиц возможно понимать изображение кандидата на публичном мероприятии среди лиц, которые не являются публично известными или личность которых невозможно установить (письмо одного из членов Центральной избирательной комиссии Российской Федерации в адрес председателя Избирательной комиссии Ярославской области от 16 августа 2016 года № 05-28/7649). В связи с этим агитационный материал был признан законным⁷.

К сожалению, не удалось найти это письмо, юридическое значение и содержание которого вызывает сомнение. В частности, категория «публично известный» не может служить критерием для определения определенности или неопределенности круга лиц, в окружении которых изображен кандидат. Например, лицо может быть широко известно в отдельных субъектах Федерации, но не являться узнаваемым лицом на федеральном уровне. Если бы подобное решение было принято избирательной комиссией, то у заявителя оставалась бы возможность его обжалования в судебном порядке, но решение рабочей группы напрямую обжаловать нельзя, так как она не является юрисдикционным органом. Чтобы заставить комиссию принять решение, необходимо обязать ее к этому в судебном порядке. О подходе судебных органов к этой проблеме мы уже говорили выше.

* * *

Подводя итоги, нужно подчеркнуть, что действующая система рассмотрения заявлений в комиссии не позволяет в полной мере и объективно рассмотреть дело и обеспечить доказательственную базу. Это является следствием как объективных, так и субъективных причин. С одной стороны, этому способствует организационно-правовая природа избирательных комиссий, коллегиальный характер принятия ими своих решений. Отметим, что принятие на коллегиальной основе актов органов управления, каковыми и являются избирательные комиссии в сфере подготовки и проведения выборов, является исключением. Большинство составляют, как правило, единоличные акты [6, с. 22]. С другой стороны, на качество

⁷ Решение рабочей группы Избирательной комиссии НСО по информационным и иным вопросам информационного обеспечения выборов от 1 сентября 2016 года № 51 «О жалобе члена Избирательной комиссии Новосибирской области с правом совещательного голоса Д. (вх. № 110 от 28 августа 2016 г.) о размещении незаконных агитационных материалов Новосибирским региональным отделением политической партии «Всероссийская политическая партия «ЕДИНАЯ РОССИЯ» // Архив Избирательной комиссии Новосибирской области.

разрешения избирательных споров существенно влияет возможность рассмотрения большинства поступивших в избирательную комиссию заявлений рабочими группами по информационным и иным вопросам информационного обеспечения выборов.

Недостатки в работе избирательных комиссий приводят к тому, что в судебные органы поступают дела, в которых не в полной мере находят отражения обстоятельства правонарушения. Отсутствие необходимой доказательственной базы не позволяет судье правильно определить предмет доказывания, обеспечив объективное рассмотрение дела. Фактически после поступления протокола в суд, последний не рассматривает дело по существу, а принимает решение о возбуждении дела.

Список литературы

1. Шерстобоев О.Н. Доктрина надлежущей судебной защиты в административном праве (на примере высылки иностранных граждан) // Журнал российского права. 2014. № 2. С. 68–79.
2. Черепанов В.А. К вопросу об ограничении пассивного избирательного права // Государство и право. 2015. № 12. С. 47–54.
3. Алексеев С.С. Избранное. М.: Статут, 2003. 254 с.
4. Колюшин Е.И. Выборы и избирательное право в зеркале судебных решений. М.: Норма, Инфра-М, 2010. 384 с.
5. Юсубов Э.С. Дискурс о стабильности Конституции Российской Федерации 1993 г. // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 1. С. 13–16.
6. Бахрах Д.Н. Административное право России. М.: Эксмо, 2006. 528 с.

ЧЛЕН ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ С ПРАВОМ РЕШАЮЩЕГО ГОЛОСА: ПОНЯТИЕ, ПРАВОВОЙ СТАТУС, СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГАРАНТИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

***Аннотация.** В статье рассматривается правовой статус члена избирательной комиссии с правом решающего голоса, предпринимается попытка сформулировать понятие «член избирательной комиссии с правом решающего голоса», а также ответить на вопросы: различен ли статус члена избирательной комиссии с правом решающего голоса в зависимости от вида и статуса избирательной комиссии; в зависимости от взаимоотношений с избирательной комиссией, как с «работодателем»; в зависимости от выполняемых им функций? Анализируются гарантии, установленные для члена избирательной комиссии с правом решающего голоса.*

***Ключевые слова:** член избирательной комиссии; член избирательной комиссии с правом решающего голоса; статус члена избирательной комиссии; член избирательной комиссии, работающий на постоянной основе; публично-властные функции; государственные обязанности; избирательная комиссия.*

THE MEMBER OF ELECTION COMMISSION WITH DECISIVE VOTING RIGHT: CONCEPT, LEGAL STATUS, IMPROVEMENT OF SAFEGUARDS ACTIVITY

***Abstract.** The article discusses the legal status of an electoral commission member with a decisive vote, attempts to formulate the concept of an electoral commission member with a decisive vote, and also answer the questions: does the status of an electoral commission member have a decisive vote depending on the type and electoral status? commissions; depending on the relationship with the election commission, as with the “employer”; depending on the functions it performs? Analyzes of the guarantees established for a member of the election commission with a decisive vote.*

***Keywords:** member of the election commission; voting member of the election commission; the status of an election commission member; a permanent member of the election commission; public authority; state duties; election Committee.*

Рассматривая правовой статус члена избирательной комиссии с правом решающего голоса, прежде всего следует определиться с дефиницией «член избирательной комиссии», а также ответить на следующие: Различен ли статус члена избирательной комиссии с правом решающего голоса в зависимости от вида и статуса избирательной комиссии? Различен ли статус члена избирательной комиссии с правом решающего голоса в зависимости от взаимоотношений с избирательной комиссией, как с «работодателем»? Различен ли статус члена избирательной комиссии с правом решающего голоса в зависимости от выполняемых им функций? Каковы гарантии для члена избирательной комиссии с правом решающего голоса?

Следует особо подчеркнуть, что федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (далее — Закон об основных гарантиях), в статье 2 «Основные термины и понятия» не раскрывает понятие «член избирательной комиссии» (равно как и понятие «член избирательной комиссии с правом решающего/совещательного голоса»). При этом в указанной статье дается понятие иных участников избирательных правоотношений: избирательной комиссии (комиссии референдума), в том числе вышестоящей и нижестоящей, избирательного объединения, кандидата (кандидата зарегистрированного), наблюдателя, иностранного (международного) наблюдателя и других.

В статье 29 «Статус членов комиссий» Закона об основных гарантиях установлены ограничения на возможность отдельных лиц быть членами избирательных комиссий, то есть, несовместимые со статусом члена избирательной комиссии, а также закреплены гарантии деятельности члена избирательной комиссии с правом решающего голоса.

Согласно правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, член избирательной комиссии является лицом, наделенным публично значимыми функциями члена избирательной комиссии¹. Исходя из положений статьи 29 Закона об основных гарантиях, можно отметить, что член избирательной комиссии наделен правами, полномочиями, обязанностями; для него предусмотрены трудовые и материальные гарантии, частичный иммунитет от административной и уголовной ответственности, уголовная ответственность за воспрепятствование деятельности члена избирательной комиссии, связанной с исполнением им своих обязанностей. В случае нарушения членом избирательной комиссии избирательного законодательства в отношении члена избирательной комиссии с правом решающего голоса предусмотрена конституционно-правовая, административная и уголовная ответственность.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 01.06.2010 № 840-ОО; Определение Конституционного Суда РФ от 16 января 2007 г. № 160-ОП.

Не анализируя в данной работе особенности формирования избирательных комиссий разного уровня, следует отметить, что пункт 1 статьи 29 Закона об основных гарантиях устанавливает ограничения на возможность отдельных лиц быть членами избирательных комиссий. Не ставя целью проанализировать данный перечень, следует подчеркнуть, что членом избирательной комиссии не может быть гражданин, признанный ограниченно дееспособным (ч. 3 ст. 4 устанавливает ограничение в отношении активного и пассивного права для граждан, признанных недееспособными); гражданин, имеющий гражданство иностранного государства; гражданин, получивший вид на жительство на территории иностранного государства (нормы Закона об основных гарантиях в части, лишаящей гражданина Российской Федерации, получившего вид на жительство на территории иностранного государства, возможности быть членом территориальной избирательной комиссии с правом решающего голоса, являлись предметом рассмотрения Конституционного Суда² и были признаны несоответствующими Конституции Российской Федерации. Указанные нормы на сегодняшний день не исключены из текста закона). Членами избирательных комиссий не могут быть также выборные лица; лица, занимающие отдельные государственные должности; представители кандидатов; лица, связанные с членом избирательной комиссии служебными отношениями.

Система избирательных комиссий определена статьей 20 Закона об основных гарантиях, некоторым видам комиссий законодателем предоставлен статус юридического лица и некоторые другие важные индивидуализирующие их (комиссии) признаки, определяются полномочия каждого из видов комиссий. При этом, если одни комиссии могут являться государственными органами, другие муниципальными, то окружная или участковая избирательная комиссия по своей сути представляют особый вид комиссий, обладающий рядом признаков и являющийся по сути неким общественным органом, что влечет за собой и особенности статуса члена данной избирательной комиссии [1].

Проанализировав Закон об основных гарантиях, можно выделить различный статус члена избирательной комиссии с правом решающего голоса, например, исходя из вида и статуса избирательной комиссии, в зависимости от взаимоотношений с избирательной комиссией, как с «работодателем», и относительно выполняемых функций:

– член избирательной комиссии, работающий на постоянной (штатной) основе в избирательной комиссии, действующей на постоянной основе и являющейся юридическим лицом, наделенной статусом государственно-го или муниципального органа (ЦИК России, ИКСРФ, ТИК, ИКМО);

² Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2010 № 14-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 1 и подпункта «а» пункта 8 статьи 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» в связи с жалобой гражданина А.М. Малицкого».

в ЦИК России, избирательной комиссии субъекта Российской Федерации (ИКСРФ) член избирательной комиссии замещает государственную должность, в территориальной избирательной комиссии (ТИК) — может замещать государственную должность либо замещать должность государственной гражданской службы, в избирательной комиссии муниципального образования (ИКМО) может замещать муниципальную должность либо замещать должность муниципальной службы;

– член избирательной комиссии, работающий не на постоянной (штатной) основе («работающий на освобожденной основе и состоящий с комиссией в служебных отношениях» [2]) в избирательной комиссии, действующей на постоянной основе и являющейся юридическим лицом, наделенной статусом государственного или муниципального органа (ЦИК России, ИКСРФ, ТИК, ИКМО);

– член избирательной комиссии, исполняющий полномочия (обязанности, «государственные обязанности», «публично-властные функции») в избирательной комиссии (ОИК, УИК);

– член избирательной комиссии, выполняющий законодательно определенные функции, которого в терминологии административного права можно назвать должностным лицом (председатель комиссии, заместитель председателя, секретарь);

– член комиссии с правом решающего голоса, уполномоченный составлять протоколы об административных правонарушениях, которые отдельно выделены пунктом 21² статьей 29 Закона об основных гарантиях, которого также в терминологии административного права можно назвать должностным лицом, а также выделить по выполняемым в системе избирательных комиссий функциям. В соответствии с предоставляемыми им законодателем правами данные члены комиссий являются лицами с двойной компетенцией: субъектами правоприменительной практики в области как избирательного, так и административного законодательства одновременно [3].

Таким образом, можно сформулировать следующее понятие члена избирательной комиссии с правом решающего голоса: лицо, наделенное публично-значимыми функциями члена избирательной комиссии с правом решающего голоса, обладающее определенными правами и полномочиями, на которое возложены определенные обязанности в сфере организации и проведения выборов. К основам правового регулирования статуса члена избирательной комиссии с правом решающего голоса можно отнести: основания приобретения правового статуса, правовое положение должности, права, обязанности и ответственность члена избирательной комиссии с правом решающего голоса, основные гарантии при осуществлении им своей деятельности, основание и порядок прекращения полномочий.

В связи с тем, что на соответствующих выборах задействованы определенные избирательные комиссии, возникает проблема служебного подчинения членов избирательных комиссий разного уровня, а также участия в выборах

кандидатов, являющихся членами вышестоящих избирательных комиссий с правом решающего голоса по отношению к комиссиям, организующим выборы, а также к нижестоящим избирательным комиссиям на данных выборах.

В случае если на соответствующих выборах появляются основания, не совместимые со статусом члена избирательной комиссии с правом решающего голоса, предусмотренные упомянутой статьей 29 (например, на соответствующих выборах член комиссии становится кандидатом или его близкие родственники, возникают служебные отношения между членом избирательной комиссии и кандидатом) — полномочия члена комиссии с правом решающего голоса приостанавливаются по решению соответствующей комиссии, если такое приостановление не приведет к тому, что комиссия останется в неправомочном составе. Если приостановление полномочий члена комиссии приведет к тому, что комиссия останется в неправомочном составе, полномочия такого члена комиссии прекращаются по решению органа, его назначившего.

Законом об основных гарантиях предусмотрены основания немедленного прекращения полномочий члена комиссии с правом решающего голоса (п. 8 ст. 29). Одним из таких оснований является признание члена комиссии систематически не выполняющим свои обязанности решением суда, вступившим в законную силу, на основании заявления соответствующей комиссии. В целях осуществления своих полномочий пунктом 19 статьи 29 члену избирательной комиссии гарантируется защита трудовых прав. Согласно указанному пункту, член комиссии с правом решающего голоса до окончания срока своих полномочий в период избирательной кампании не может быть уволен с работы по инициативе работодателя или без его согласия переведен на другую работу. За отказ работодателя освободить от работы в установленном законом порядке члена избирательной комиссии, комиссии референдума для участия в подготовке и проведении выборов, референдума предусмотрена административная ответственность по статье 5.7 КоАП Российской Федерации (КоАП РФ). Представляется, что в данном случае речь идет о члене избирательной комиссии, работающем не на постоянной (штатной) основе («работающим на освобожденной основе»).

В отношении члена избирательной комиссии, работающего на постоянной (штатной) основе, действуют также нормы специального законодательства, в зависимости от замещаемой им должности (государственной или муниципальной должности, должности государственной гражданской службы, муниципальной службы). При этом, в территориальной избирательной комиссии решением вышестоящей комиссии освобождение от должности председателя до истечения срока полномочий осуществляется согласно пункту 7 статьи 28 Закона об основных гарантиях³ (например на основа-

³ Данным пунктом предусмотрено также прекращение полномочий председателя ОИК, УИК, но лишь территориальной комиссии может быть придан статус юридического лица.

нии личного заявления), а прекращение полномочий в случае признания работы председателя избирательной комиссии неудовлетворительной, во взаимосвязи подпункта «а» пункта 10 статьи 23 и пункта 7 статьи 28 Закона об основных гарантиях⁴ осуществляется на основании норм избирательного законодательства. Следует отметить, что прекращение полномочий лиц, работающих на постоянной (штатной) основе, нередко становится предметом судебных споров, где предметом иска является отмена решения вышестоящей комиссии об освобождении от должности председателя ТИК и восстановление в должности.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда и положения пункта 19 статьи 29 Закона об основных гарантиях в системе действующего правового регулирования, гарантии, предоставляемые членам избирательных комиссий, в том числе в трудовых правоотношениях, не являются их личной привилегией. Они имеют публично-правовой характер, призваны служить публичным интересам, обеспечивая повышенную охрану законом таких работников именно в силу осуществляемых ими публично значимых полномочий, ограждая их в период исполнения указанных полномочий от необоснованных преследований и способствуя беспрепятственной деятельности избирательных комиссий, их самостоятельности и независимости⁵, что не исключает возможность увольнения по инициативе работодателя лица, исполняющего полномочия члена избирательной комиссии с правом решающего голоса, по такому предусмотренному законом основанию для расторжения трудового договора, как грубое нарушение трудовых обязанностей, в случае, если увольнение не является результатом преследования лица за исполнение возложенных на него публично-значимых функций⁶.

Гарантии трудовых прав членов избирательных комиссий неоднократно являлись предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации. Влияние его решений на систему гарантий трудовых прав членов избирательных комиссий более подробно рассматривает В.А. Сафонов [2]. Отдельные вопросы трудовых гарантий членов избирательных комиссий подробнее рассматривает М.С. Аракелян [4].

Материальные гарантии предусмотрены пунктами 7 и 17-1 статьи 29 Закона об основных гарантиях, согласно которым, в частности, члену комиссии с правом решающего голоса может производиться дополнительная оплата труда (вознаграждение) за работу в комиссии по подготовке и проведению выборов, референдума. Проблемным и актуальным вопросом является размер материального стимулирования. Например, на члена участковой избирательной комиссии возлагается довольно много обязанностей, размер дополнительной оплаты труда (вознаграждения) за один час работы в будние

⁴ См.: Постановление СПБИК «Об освобождении от должности председателя Территориальной избирательной комиссии № N до истечения срока полномочий».

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 01.06.2010 № 840-ОО.

⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 16.01.2007 № 160-ОП.

дни с 6.00 до 22.00 составляет 50 рублей для председателя и 35 рублей для члена избирательной комиссии⁷. За членом комиссии с правом решающего голоса, освобожденным на основании представления комиссии от основной работы на период подготовки и проведения выборов, референдума, сохраняется основное место работы (должность), и ему выплачивается компенсация за период, в течение которого он был освобожден от основной работы. Размер компенсации указан для каждого субъекта Федерации с учетом установленных решениями органов государственной власти СССР или федеральных органов государственной власти коэффициентов за работу в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, высокогорных, пустынных и других районах (местностях) с тяжелыми климатическими условиями (максимальный размер компенсации установлен для Чукотского автономного округа и составляет 89 105 рублей, минимальный — для Алтайского края — 22 032 рублей)⁸.

Согласно пункту 17.1 статьи 29, члену комиссии с правом решающего голоса, работающему в комиссии не на постоянной (штатной) основе, могут компенсироваться дополнительные расходы для исполнения полномочий члена комиссии.

Суммы, выплачиваемые физическим лицам избирательными комиссиями (выплаты компенсаций и дополнительной оплаты труда (вознаграждения) членам избирательных комиссий с правом решающего голоса, не подлежат налогообложению (статья 217 Налогового кодекса Российской Федерации⁹). Суммы, выплачиваемые физическим лицам избирательными комиссиями, не подлежат обложению страховыми взносами (на обязательное пенсионное страхование, на обязательное социальное и медицинское страхование — пункт 8 статьи 422 Налогового кодекса).

Для осуществления публично значимых функций членами избирательных комиссий с правом решающего голоса законодателем предусмотрен частичный иммунитет от административной и уголовной ответственности посредством установления особого порядка привлечения к административной и уголовной ответственности.

Согласно пункту 18 статьи 29 Закона об основных гарантиях, решения о возбуждении уголовного дела в отношении члена комиссии с правом решающего голоса, привлечении его в качестве обвиняемого по уголовному делу принимаются руководителем следственного органа Следственного комитета по субъекту Российской Федерации; ходатайство перед судом об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу в отношении

⁷ Постановление ЦИК России от 20 декабря 2017 г. № 116/948-7 «О размерах и порядке выплаты компенсации и дополнительной оплаты труда (вознаграждения), а также иных выплат в период подготовки и проведения выборов Президента РФ».

⁸ Там же.

⁹ Федеральный закон № 117-ФЗ от 5 августа 2000 г. «Налоговый кодекс Российской Федерации часть 2».

члена комиссии с правом решающего голоса может быть возбуждено с его согласия.

Этим гарантиям соответствуют положения главы 52 «Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК)¹⁰. Так, в пункте 12 части 1 статьи 448 данного Кодекса предусмотрено, что решение о возбуждении уголовного дела в отношении соответствующего лица либо о привлечении его в качестве обвиняемого, если уголовное дело было возбуждено в отношении других лиц или по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления, принимается: в отношении члена избирательной комиссии, комиссии референдума с правом решающего голоса — руководителем следственного органа Следственного комитета по субъекту Российской Федерации, а в отношении члена ЦИК России с правом решающего голоса, председателя избирательной комиссии субъекта Федерации — Председателем Следственного комитета Российской Федерации. В части 5 статьи 450 УПК установлено, что следственные и иные процессуальные действия, осуществляемые в соответствии с данным Кодексом не иначе как на основании судебного решения, в отношении лица, указанного в части 1 статьи 447 Кодекса, если уголовное дело в отношении его не было возбуждено или такое лицо не было привлечено в качестве обвиняемого, производятся с согласия суда, указанного в части 1 статьи 448 УПК [4]. За воспрепятствование деятельности члена избирательной комиссии, связанной с исполнением им своих обязанностей, предусмотрена уголовная ответственность (ст. 141 УПК)¹¹.

Член комиссии с правом решающего голоса не может быть подвергнут административному наказанию, налагаемому в судебном порядке, без согласия прокурора субъекта Федерации. Согласно статье 18.1 Закона об основных гарантиях решения о возбуждении уголовного дела в отношении члена ЦИК России правом решающего голоса, председателя избирательной комиссии субъекта Федерации, привлечении их в качестве обвиняемых принимаются Председателем Следственного комитета Российской Федерации. Член ЦИК России с правом решающего голоса, председатель избирательной комиссии субъекта Федерации не могут быть подвергнуты административному наказанию, налагаемому в судебном порядке, без согласия Генерального прокурора Российской Федерации.

Согласно части 2 статьи 1.4 КоАП РФ¹², особые условия применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечения к административной ответственности устанавлива-

¹⁰ Федеральный закон № 174-ФЗ от 18.12.2001 «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

¹¹ Федеральный закон № 63-ФЗ от 13.06.1996 «Уголовный кодекс Российской Федерации».

¹² Федеральный закон № 195-ФЗ от 30.12.2001 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».

ются Конституцией и федеральными законами только в отношении лиц, выполняющих определенные государственные функции (депутатов, судей, прокуроров и иных лиц).

Устанавливая гарантии для осуществления членами избирательных комиссий возложенных на них публично-властных функций, законодатель предусмотрел ответственность и для членов избирательных комиссий с правом решающего голоса за нарушение избирательного законодательства. Как уже отмечалось ранее, можно выделить: конституционно-правовую, административную и уголовную ответственность¹³.

Коротко приведем пример конституционно-правовой ответственности. Согласно подпункту «м» пункта 1 статьи Закона об основных гарантиях, лица, выведенные из состава комиссий по решению суда, а также лица, утратившие свои полномочия членов комиссий с правом решающего голоса в результате расформирования комиссии (за исключением лиц, в отношении которых судом было установлено отсутствие вины за допущенные комиссией нарушения), не могут быть членами избирательной комиссии в течение пяти лет со дня вступления в законную силу соответствующего решения суда. Согласно пункту 6.1 статьи 29, член комиссии с правом решающего голоса, работающий в комиссии на постоянной (штатной) основе, освобождается от обязанностей члена комиссии в случае несоблюдения ограничений, запретов, неисполнения обязанностей, которые установлены антикоррупционным законодательством¹⁴.

С целью совершенствования гарантий деятельности члена избирательной комиссии с правом решающего голоса, не работающего на постоянной (штатной) основе, который не привлекался к ответственности за нарушение законодательства о выборах, можно предложить установить гарантии пенсионного обеспечения.

* * *

В заключение можно сделать следующие выводы: законодателем не сформулировано понятие члена избирательной комиссии с правом решающего голоса, при этом в законе определены его права, обязанности, гарантии, предусмотрена ответственность. В связи с этим автор предпринимает попытку сформулировать понятие члена избирательной комиссии с правом решающего голоса, а также основы правового регулирования статуса члена избирательной комиссии с правом решающего голоса.

¹³ В связи с ограниченным объемом статьи эти аспекты проблемы в данной работе не рассматриваются.

¹⁴ Федеральный закон №273-ФЗ от 25.12.2008 «О противодействии коррупции»; Федеральный закон №230-ФЗ от 3.12. 2012 «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»; Федеральный закон №79-ФЗ от 07.05.2013 «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории РФ, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами».

Член избирательной комиссии с правом решающего голоса имеет различный статус в зависимости от вида и статуса избирательной комиссии, от служебных взаимоотношений с избирательной комиссией, от выполняемых им функций. В случае нарушения членом избирательной комиссии избирательного законодательства в отношении члена избирательной комиссии с правом решающего голоса предусмотрена конституционно-правовая, административная и уголовная ответственность.

Список литературы

1. Алехина И.С. Система избирательных комиссий в Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2014. № 4 (64). С. 127–134.
2. Сафонов В.А. Влияние решений Конституционного Суда Российской Федерации на систему гарантий трудовых прав членов избирательных комиссий // Трудовое право в России и за рубежом. 2011. № 3. С. 11–16.
3. Алехина И.С. Правовой статус членов избирательных комиссий, комиссий референдума, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях // Управленческое консультирование. 2013. № 7 (55). С. 39–46.
4. Аракелян М.С. О некоторых вопросах статуса членов избирательных комиссий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2013. Том 2. № 5. С. 108–112.

ОСОБЕННОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЫБОРОВ КАК ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ ГРАЖДАН

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями проведения муниципальных выборов. Особое внимание уделяется возможности участия иностранных граждан на выборах в органы местного самоуправления. Проанализированы нормы законодательства и международных договоров о предоставлении избирательных прав гражданам отдельных государств. Акцентируется внимание на определенных особенностях при сборе подписей в поддержку кандидатов, проведении предвыборной агитации, а также формировании избирательных округов.*

***Ключевые слова:** представительный орган, формирование, муниципальные выборы, иностранные граждане, предвыборная агитация.*

FEATURES OF MUNICIPAL ELECTIONS AS A FORM OF IMPLEMENTATION OF DIRECT EXPRESSION OF CITIZENS

***Abstract.** The article deals with the issues related to the peculiarities of municipal elections. Special attention is paid to the possibility of participation of foreign citizens in elections to local governments. The norms of legislation and international treaties on the granting of electoral rights to citizens of individual States are analyzed. The attention is focused on certain features in the collection of signatures in support of candidates, campaigning, as well as the formation of electoral districts.*

***Keywords:** representative body, formation, municipal elections, foreign citizens, election campaigning.*

Муниципальные выборы являются одной из наиболее массовых форм прямого волеизъявления населения на местном уровне. В соответствии с частью 1 статьи 23 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» проведение муниципальных выборов предполагает избрание депутатов представительного органа муниципального образования; членов выборного органа местного самоуправления; выборных должностных лиц

местного самоуправления. Как правило, в большинстве случаев на муниципальных выборах формируется представительный орган и избирается глава муниципального образования. Следует отметить, однако, что названный Закон предусматривает возможность формирования представительного органа муниципального образования иным способом (это применимо только к представительному органу муниципального района — формирование путем делегирования депутатов от представительных органов поселений и глав поселений, расположенных на территории муниципального района). В отношении главы муниципального образования также возможно избрание его не в результате выборов, а представительным органом либо из своего состава, либо из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса, а также на сходе граждан в случае отсутствия представительного органа в предусмотренных законом случаях.

Иные выборные органы и выборные должностные лица могут избираться в случае, если их наличие предусмотрено уставом муниципального образования.

Категория «выборы» имеет многоплановый характер. Г.Д. Садовникова указывает на три возможных аспекта: политический — как способ формирования представительного органа или наделения полномочиями выборного лица путем свободного голосования граждан; организационный (технологический) — совокупность строго регламентированных процедур, обеспечивающих легитимацию власти; правовой — законодательное обеспечение политико-правового явления [1, с. 72]. В связи с этим сущность выборов, по мнению Н.С. Бондаря и А.А. Джагаряна, не сводится к формальной процедуре волеизъявления — заполнению бюллетеня, она заключается в сложной системе отношений по организации процесса замещения состава органов публичной власти [2, с. 12–13]. Местные представительные органы и выборные должностные лица как представители низового уровня публичной власти в государстве наиболее приближены к населению, которое, реализуя принцип народовластия, непосредственно либо через выборные и иные органы местного самоуправления участвует в решении вопросов местного значения. И хотя муниципальные выборы, как и выборы на иных уровнях публичной власти, базируются на одних и тех же основополагающих принципах, их организация и проведение отличается определенной спецификой. Прежде всего, это касается избирательного корпуса.

Принцип всеобщего избирательного права при его реализации на муниципальном уровне имеет свои особенности. Согласно Федеральному закону «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», постоянно проживающие в России иностранные граждане в случаях, предусмотренных законодательством, имеют право избирать и быть избранными в органы местного самоуправления... (ч. 2 ст. 12). Эти положения конкретизированы в федеральных законах «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»

(ч. 10 ст. 4) и «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» (ст. 3), предусматривающих возможность участия в муниципальных выборах иностранных граждан, постоянно проживающих на территории соответствующего муниципального образования, наделяя их как активным, так и пассивным избирательным правом. Возможность реализации данного права возникает на основании международных договоров и в порядке, установленном законом. Ряд законов субъектов Российской Федерации также воспроизводит положения федерального законодательства. В настоящее время существуют различные точки зрения на возможность участия в местных выборах граждан отдельных государств.

Прямое указание на наличие избирательных прав у иностранных граждан при проведении муниципальных выборов содержалось лишь в Уставе Союза Беларуси и России от 23 мая 1997 года. В нем закреплялась норма о праве граждан Республики Беларусь, постоянно проживающих в Российской Федерации на территории соответствующего муниципального образования, избирать и быть избранными в органы местного самоуправления, участвовать в местном референдуме. Однако Устав утратил силу в связи с подписанием Российской Федерацией и Республикой Беларусь Договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 года. Данный Договор не содержит прямых указаний на избирательные права, в нем лишь закрепляются равные права и обязанности граждан Союзного государства на территории государств-участников. При этом до принятия союзного акта в области гражданства правовое положение граждан Союзного государства регулируется национальным законодательством государств-участников, договорами и названным Договором (ст. 14). Таким образом, с учетом норм федерального законодательства гражданам предоставляется право на участие в местных выборах.

На сегодняшний день действуют Договоры Российской Федерации с Кыргызской Республикой, Туркменистаном (1995) и Арменией (1997) о правовом статусе граждан государств-участников, ратифицированные в установленном порядке¹. Аналогичный договор с Казахстаном утратил силу в связи с истечением срока действия, а договор с Грузией не ратифицирован. В договорах с Киргизией и Туркменией указано, что граждане одного

¹ Договор между Российской Федерацией и Туркменистаном о правовом статусе граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Туркменистана, и граждан Туркменистана, постоянно проживающих на территории Российской Федерации // Бюллетень международных договоров. 1997. № 1. Ст. 88; Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о правовом статусе граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Республики Армения, и граждан Республики Армения, постоянно проживающих на территории Российской Федерации // Российская газета. 2000. № 137; Договор между Российской Федерацией и Кыргызской Республикой о правовом статусе граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Кыргызской Республики, и граждан Кыргызской Республики, постоянно проживающих на территории Российской Федерации // СЗ РФ. 2001. № 9. Ст. 786.

государства, постоянно проживающие на территории другого государства, пользуются теми же правами и свободами, за изъятиями, указанными в Договорах. В Договоре с Туркменистаном содержится запрет только на участие в выборах государственного уровня; Договор с Киргизской Республикой запрещает гражданам другого государства участвовать в выборах на государственные должности и в представительные органы власти, а также занимать должности глав областных, районных, городских, сельских, поселковых администраций и их заместителей. В связи с этим делается вывод о возможности участия граждан Киргизии в выборах органов местного самоуправления [3, с. 23]. Однако, как справедливо указывает А.А. Сергеев, представительные органы муниципальных образований также являются представительными органами власти [4, с. 388]. Вместе с тем активного избирательного права на должности глав территориальных единиц граждане не лишены. Относительно Договора с Арменией следует указать на прямой запрет взаимного участия граждан государств-участников в выборах в органы местного самоуправления (хотя предоставлена возможность участия в местных референдумах). Таким образом, представляется, что бесспорным правом участия во всех муниципальных выборах — как в органы местного самоуправления, так и глав муниципальных образований (активным и пассивным правом) наделены только жители Республики Беларусь и Туркменистана. Однако на практике, учитывая нечеткие формулировки положений Договора с Киргизией, избирательные комиссии на местном уровне иногда расширительно трактуют положения законодательства. Так, на выборах 8 сентября 2013 года руководители избирательных комиссий Тюмени и Екатеринбурга официально уведомили, что граждане Беларуси, Туркмении, Киргизии и Таджикистана (с Республикой Таджикистан имеется Договор о двойном гражданстве), проживающие в названных городах, имеют право на участие в выборах в органы местного самоуправления; Избирательная комиссия Амурской области в 2017 году в своих разъяснениях указала на наличие как активного, так и пассивного избирательного права при выборах органов местного самоуправления не только у граждан Туркменистана, но и Киргизии.

Вместе с тем, несмотря на чрезвычайно ограниченный перечень государств, граждане которых обладают в той или иной мере правом на участие в муниципальных избирательных кампаниях, единые статистические сведения о количестве иностранных граждан, реализовавших данное право, в настоящее время отсутствуют. Как правило, в официальных документах этому вопросу не уделяется должного внимания, либо содержатся ссылки лишь в связи с конкретными нарушениями в ходе избирательных процедур. Электоральная статистика Центральной избирательной комиссии Российской Федерации по выборам в органы местного самоуправления в единый день голосования 1 марта 2009 года содержала следующие данные: из 78 субъектов Российской Федерации, где проводились выборы, всего лишь

23 иностранных гражданина приняли участие в голосовании на выборах в органы местного самоуправления, и то, только в шести субъектах Федерации (при этом по данным Федеральной миграционной службы России на территории Российской Федерации по состоянию на 1 января 2009 года имели вид на жительство и были зарегистрированы по месту жительства 9262 иностранных гражданина). На сегодняшний день по данным Федеральной миграционной службы Российской Федерации по состоянию на 1 января 2019 года в стране с видом на жительство проживает 3838 граждан Туркмени, 14110 граждан Киргизии и 31741 гражданин Беларуси.

* * *

При проведении муниципальных выборов имеет свою специфику и принцип состязательности кандидатов (альтернативность выборов). Только при соблюдении данного принципа выборы будут носить свободный демократический характер.

Впервые понятие «альтернативные выборы» применил Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 4 ноября 1996 года по запросу Читинской областной Думы. В соответствии с правовой позицией, сформулированной Конституционным Судом, альтернативность выборов рассматривается как важнейшее условие действительно свободных выборов, в ходе реализации которых избирателю предоставлена реальная возможность выбора одного из нескольких кандидатов посредством свободного волеизъявления.

Международно-правовые акты не содержат прямого требования о закреплении данного принципа в законодательстве государств применительно ко всем уровням выборов, но содержат упоминание о необходимости его использования при формировании хотя бы одной палаты национального законодательного органа (п. 7.2 Документа Копенгагенского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ (Копенгаген, 29 июня 1990 г.). Кроме того, Россия подписала и ратифицировала Конвенцию о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств (Кишинев, 7 октября 2002 г.). Тем самым государство взяло на себя обязательство обеспечивать соблюдение принципа альтернативности выборов (состязательности кандидатов и/или списка кандидатов) при формировании Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (статьи 4 и 19).

Вместе с тем, названный принцип желателен, но не обязателен при формировании представительных органов местного самоуправления. В соответствии с Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Закон об основных гарантиях) если такая возможность предусмотрена законом субъекта Российской Федерации, при выборах местных представительных органов голосование может проводиться и по одной

кандидатуре (п. 35 ст. 38). В этом случае применяется мажоритарная избирательная система абсолютного большинства — кандидат считается избранным, если за него проголосовало не менее 50 процентов избирателей, принявших участие в голосовании. Введение данной нормы представляется вполне оправданным, особенно в отношении немногочисленных сельских поселений.

Следует обратить внимание и на особенности участия в муниципальных выборах общественных объединений. Так, в качестве избирательных объединений, имеющих право на выдвижение кандидатов в органы местного самоуправления, рассматриваются не только политические партии либо их отделения, имеющие право участвовать в выборах, а также иные общественные объединения, созданные в форме общественной организации или общественного движения, устав которых предусматривает участие в выборах и зарегистрирован в установленном порядке. Важно отметить, что данный подход применим только при выборах в органы местного самоуправления, в то время как при выборах в органы государственной власти как на уровне федерации, так и на региональных выборах, выдвигать своих кандидатов могут только политические партии либо их отделения, а не иные общественные объединения.

Характеризуются особенностями и требования относительно сбора подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидатов на выборах в органы местного самоуправления. В соответствии с пунктом 17 статьи 38 Закона об основных гарантиях при проведении выборов в представительные органы муниципального образования со средней нормой представительства избирателей, установленной законом, но не более десяти тысяч, сбор подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидатов может не осуществляться, если законом субъекта Российской Федерации установлен заявительный порядок регистрации кандидатов. Как правило, в региональных законах, исходя из местных условий, устанавливается значительно меньшее значение средней нормы представительства избирателей. Избирательный кодекс Тверской области предусматривает не более 500 избирателей на 1 депутатский мандат, Алтайского края — не более 2000 избирателей, Приморского края — до 1000 избирателей и др.). В научной литературе еще несколько лет назад обращалось внимание на существующую тенденцию снижения значимости института сбора подписей как основание регистрации кандидатов (в том числе, выдвигаемых политическими партиями), причем не только на муниципальных выборах [5, с. 22–25].

* * *

Имеет свои отличительные черты и проведение предвыборной агитации при формировании представительных органов местного самоуправления. Если такие способы агитационной кампании как непосредственное общение с избирателями, выступления на собраниях граждан и на массовых меропр-

ятиях, размещение рекламных материалов и прочие широко применяются и являются общедоступными для кандидатов на муниципальных выборах, то использование для проведения агитации средств массовой информации проблематично. Региональные государственные организации телерадиовещания не обязаны предоставлять эфирное время кандидатам на муниципальных выборах, такая обязанность возлагается лишь на муниципальные организации (п. 2 ст. 51 Закона об основных гарантиях).

Очевидно, как справедливо отмечают исследователи, что если в муниципальном образовании имеется лишь государственное и отсутствует муниципальное телевидение, то при выборах органов местного самоуправления кандидаты не получают права обратиться с телеэкранов к своим избирателям [4, с. 393]. Подобная ситуация складывается и в отношении печатных изданий: если учредителем подобного издания являются органы местного самоуправления, то печатные площади предоставляются кандидатам бесплатно, в других случаях кандидат обязан оплатить изготовление и распространение агитационного материала из средств собственного избирательного фонда. В отношении формирования избирательного фонда также следует остановиться на следующем аспекте. Согласно пункту 1 статьи 58 Закона об основных гарантиях при проведении выборов в представительные органы местного самоуправления создание кандидатом избирательного фонда необязательно, если число избирателей в избирательном округе не превышает пяти тысяч и финансирование кандидатом своей избирательной кампании не производится. В этом случае кандидат должен уведомить об этом соответствующую избирательную комиссию. Представляется, что введение данной нормы обусловлено практической необходимостью. В сельских муниципальных образованиях не применяются затратные избирательные технологии, как правило, отсутствуют отделения кредитных учреждений, жители нередко имеют низкий уровень доходов. Учитывая эти обстоятельства, установление требования обязательного создания кандидатами избирательных фондов может неоправданно усложнить избирательный процесс.

И, наконец, при организации проведения муниципальных выборов отличается спецификой и правило о том, что на один многомандатный избирательный округ должно приходиться не более пяти замещаемых депутатских мандатов. Однако законодателем предоставлена возможность не применять данное ограничение при выборах в органы местного самоуправления сельского поселения, а также при выборах в органы местного самоуправления иного муниципального образования в избирательном округе, образованном в границах избирательного участка (п. 8 ст. 18 Закона об основных гарантиях).

* * *

Названные особенности формирования представительных органов местного самоуправления во многом основаны на специфике муниципальной власти как особой разновидности публичной власти в государстве, наиболее

приближенной к жителям, и наделенной собственными функциями по наиболее важным вопросам жизнеобеспечения местного сообщества. В своем большинстве эти функции реализуются представительными органами местного самоуправления, избираемыми непосредственно населением, и представляющими интересы жителей на низовом территориальном уровне. Представительные органы имеют особую связь с населением — непосредственно выражают его волю, формализуя ее в принимаемых решениях. Очевидно, что муниципальный уровень власти наиболее приспособлен к использованию форм прямой демократии, наиболее ярким проявлением которой являются выборы. Однако, преломляясь через основополагающие организационные принципы местного самоуправления, муниципальные выборы обретают некоторые специфические особенности.

Список литературы

1. Садовникова Г.Д. Представительная демократия: от идеи к реализации. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008.
2. Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Конституционная ценность избирательных прав граждан России. М.: Формула права, 2005.
3. Вискулова В.В. К вопросу о наделении иностранных граждан избирательными правами // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 9. С. 19–24.
4. Сергеев А.А. Местное самоуправление в Российской Федерации: проблемы правового регулирования. М., 2006.
5. Макарецев А.А. Институт выдвижения и регистрации кандидатов (списков кандидатов): тенденции дальнейшего развития в свете реформы российского избирательного законодательства // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 8. С. 22–26.

ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ В 1991–2018 ГОДАХ

***Аннотация.** Эволюция избирательной системы постсоветской России прослежена с 1991 года по 2018 год. Сделан вывод, что все используемые избирательные системы имели как свои достоинства, так и свои недостатки. Даются рекомендации по совершенствованию существующей избирательной системы. Показано, как совершенствовалось избирательное законодательство в исследуемый период. Уделено внимание активности избирателей и причинам абсентеизма в избирательных кампаниях президентских и парламентских выборов. Предложены варианты борьбы с абсентеизмом.*

***Ключевые слова:** избирательная система, президентские и парламентские выборы, избирательное законодательство, явка избирателей, абсентеизм.*

EVOLUTIONARY CHANGES IN ELECTORAL SYSTEM OF RUSSIA (1991–2018)

***Abstract.** The evolution of the electoral system of post-Soviet Russia is traced from 1991 to 2018. It was concluded that all the electoral systems used had both their advantages and disadvantages. Recommendations are given to improve the existing electoral system. It is shown how the election legislation was improved in this period. Attention is paid to the activity of voters and the reasons for absenteeism in the election campaigns of presidential and parliamentary elections. Recommendations to combat absenteeism are given.*

***Keywords:** electoral system, presidential and parliamentary elections, electoral legislation, appearance of electors, absenteeism.*

От выбора избирательной системы во многом зависит расстановка политических сил в стране, конфигурация партийной системы, а также порядок образования и структура институтов представительной демократии. Проблематика динамики развития и совершенствования избирательного законодательства, а также тема типологии избирательных систем (т.е. способов избрания во власть), применявшихся в постсоветской России с начала 1990-х годов и вплоть до настоящего времени, и в наши дни актуальны и практически значимы. Для достижения цели нашего исследования, а конкретнее, для выявления достоинств и недостатков применяемых избиратель-

ных систем необходимо провести политико-правовой экскурс в историю президентских и парламентских выборов в России.

* * *

Первые президентские выборы в Российской Федерации прошли после проведения всероссийского референдума об учреждении поста главы государства, состоявшегося 17 марта 1991 года. Гражданам РСФСР был задан вопрос: «Считаете ли Вы необходимым введение поста Президента РСФСР, который будет избираться всенародным голосованием?» Участие в референдуме приняли 75,09 процента избирателей, которые были включены в списки для голосования. Положительно высказались 71,38 процента избирателей (свыше 53 млн человек), отрицательно, всего лишь — 28,62 процента (свыше 21 млн человек). В Конституцию РСФСР 1978 года были включены положения о закреплении принципа разделения властей, а также глава об институте Президента. В развитие этих положений был принят целый ряд нормативно-правовых актов, регулирующих порядок избрания главы государства, его полномочия и компетенцию. Первый глава государства в России избирался путем всеобщих прямых равных выборов на основании Закона РСФСР от 24 апреля 1991 года «О выборах президента РСФСР» тайным голосованием гражданами государства. 12 июня 1991 года им стал Б.Н. Ельцин (заручившийся поддержкой 57,30%), занимавший до выборов должность Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР. Явка избирателей на первых президентских выборах составила 76,66 процента (данный показатель является лучшим за всю историю проведения президентских выборов; это объясняется в первую очередь тем, что ранее первые лица государства не избирались путем гласных, альтернативных и состязательных выборов).

Вплоть до принятия Конституции России институт президентства не отрицал полновластия Советов, поскольку законодательно была закреплена подотчетность президента Съезду народных депутатов. В результате в стране сложилась так называемая «система двоевластия» — наличие в системе государственных органов сильного института Президента и полноправных участников политического процесса — Съезда народных депутатов и Верховного Совета, что привело страну к конституционному и политическому кризису. В результате противостояния между Президентом Российской Федерации Б.Н. Ельциным и Верховным Советом, которое вылилось в 1993 году в силовое столкновение, обострило политическую и социальную ситуацию как в государстве, так и в обществе, и привело к насильственному роспуску Верховного Совета.

Парламентские выборы 1993 года прошли в противоречивых условиях, но они наряду с голосованием по проекту принятия новой российской

конституции позволили найти выход из сложившегося кризиса. Принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года Конституция Российской Федерации создала нормативно-правовую базу для определения результатов голосования при проведении федеральных, региональных и муниципальных выборов. Парламентские выборы, состоявшиеся в тот же день, проводились по смешанной мажоритарно-пропорциональной избирательной системе. В первый созыв депутатов Государственной Думы из общего списочного состава в 450 депутатов было избрано лишь 444 депутата: 225 — по общефедеральному избирательному округу (по партийным спискам) и 219 — по одномандатным избирательным округам, так как в пяти избирательных округах выборы не состоялись, а в Чеченской Республике они не проводились вообще [1].

Одновременно состоялись выборы членов Совета Федерации, которые избирались по мажоритарной системе в один тур в двухмандатных округах прямым голосованием граждан, проживающих на территории субъектов Российской Федерации. Парламентариев обеих палат избирали сроком на два года на основании переходных положений, которые действовали на момент проведения только одной избирательной кампании.

По данным ЦИК России, явка избирателей на парламентских выборах 1993 года составила 54,81 процента, что отразилось как на разнородности структуры первой Государственной Думы, представленной восемью партиями, преодолевшими 5-процентый барьер, так и на легитимности народных избранников. Абсентеизм охватил почти половину избирательного корпуса страны (более 45% избирателей не приняли участия в голосовании). Состав Государственной Думы первого созыва был весьма разнообразным по политическому спектру. В него вошли левые партии: ЛДПР (лидер — В.В. Жириновский) — 22,92 процента (свыше 12 млн избирателей), и КПРФ (Г.А. Зюганов) — 12,4 процента (свыше 6 млн); проправительственные партии «Выбор России» (лидер — исполняющий обязанности Председателя Правительства Российской Федерации — Е.Т. Гайдар) — 15,51 процента (свыше 8 млн), и Партия российского единства и согласия (ПРЕС — С.С. Шахрай.) — 6,73 процента (свыше 3 млн); либерально-демократические партии — «Избирательный блок: Явлинский, Болдырев, Лукин» (в последующем преобразовавшийся в партию «ЯБЛОКО») — 7,86 процента (свыше 4 млн), Демократическая партия России (ДПР) — 5,52 процента (свыше 2 млн); и партии с весьма размытой идеологией, такие, как Аграрная партия России — 7,99 процента (свыше 4 млн), Женщины России — 8,13 процента (свыше 5 млн) избирателей. Столь различные политические пристрастия избирателей оказали серьезное влияние на расклад политических сил и формирование парламентских фракций в Государственной Думе, в результате ставшей оппозиционной Б.Н. Ельцину.

* * *

Прошедшие в 1995–1996 годах парламентские и президентские выборы апробировали новые электоральные формулы. Так, в парламентских выборах, прошедших 17 декабря 1995 года, ЦИК России зарегистрированы федеральные списки 43 избирательных объединений и блоков, из которых только четыре получили поддержку избирателей, преодолев 5-процентный барьер: КПРФ (22,30%), Наш дом — Россия (лидер — председатель Правительства Российской Федерации В.С. Черномырдин; 10,13%), ЛДПР (11,18%) и «ЯБЛОКО» (лидер Г.А. Явлинский; 6,89%). Для сравнения: в 1993 году избирательный барьер в 5 процентов преодолели восемь избирательных блоков и объединений.

Безоговорочную победу в парламентских выборах одержала партия КПРФ. Избиратели в очередной раз поддержали левые партии, чему способствовал целый ряд неразрешенных правительством проблем: сокращение заработной платы с 1990 года по 1995 год в два раза, несправедливая приватизация, высокая смертность и низкая рождаемость, ухудшающаяся социально-экономическая обстановка в стране. В парламентских выборах приняло участие свыше 69,5 млн человек (т.е. 64,76% от общего числа избирателей).

По сравнению с декабрьскими парламентскими выборами 1993 года, число проголосовавших в 1995 году избирателей увеличилось более чем на 11 млн человек (т.е. на 10% избирателей), что свидетельствует как о повышении интереса избирателей к институту выборов, так и о росте уровня правосознания, повышения как политической, так и правовой культуры избирателей. Однако более 35 процентов избирателей отказались от участия в выборах и реализации своего активного избирательного права.

* * *

Очередные президентские выборы состоялись 16 июня 1996 года. Они проводились в связи с истечением срока полномочий Президента России Б.Н. Ельцина и вошли в историю отечественного конституционализма тем, что для определения победителя потребовалось проведение двух туров голосования. Явка на выборах главы государства в первом туре составила 69,81 процента избирателей (свыше 75 млн), сохранив практически ту же тенденцию, что и на парламентских выборах 1995 года. Выборы главы государства проводились на основании Федерального закона Российской Федерации от 17 мая 1995 года № 76-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации», который внес ряд существенных коррективов в порядок избрания главы государства, установленный ранее действовавшим законом.

По ранее действующему закону Президент РСФСР, в отличие от Президента России (который избирался сроком на 4 года вплоть до 2012 года),

избирался на пять лет. Сроки проведения выборов Президента РСФСР устанавливались Съездом народных депутатов РСФСР, тогда как выборы Президента России стали назначаться верхней палатой российского парламента — Советом Федерации. Новый Федеральный закон устанавливал более строгую процедуру выдвижения кандидатов на должность Президента избирательными объединениями на съездах, которое по новым законодательным нормам осуществлялось только тайным голосованием.

Возможность выдвижения кандидатов на должность Президента предоставлялась гражданам Российской Федерации и путем создания инициативной группы избирателей, численностью не менее 100 человек, которые должны были зарегистрироваться ЦИК России. Избирательным объединениям и инициативным группам избирателей необходимо было собрать в поддержку выдвинутых ими кандидатов не менее 1 млн подписей избирателей, причем на один регион не должно было приходиться более 7 процентов от общего количества собранных подписей [2]. Подсчет голосов избирателей на президентских выборах осуществлялся с применением мажоритарной системы абсолютного большинства голосов. Победителем становился кандидат, получивший в свою поддержку более половины голосов (50% + 1 голос) от числа проголосовавших граждан. Выборы главы государства считались состоявшимися в том случае, если в них приняло участие не менее половины от общего количества зарегистрированных на территории страны избирателей.

В первом туре голосования на выборах Президента 1996 года приняло участие одиннадцать кандидатов. Действующий Президент Б.Н. Ельцин утратил былую популярность из-за развязанной им Чеченской войны, коррупционных скандалов, в которых были замешаны члены его семьи и ближайшее окружение, и неудачно проведенных рыночных реформ. В результате рейтинг его популярности в начале 1996 года составлял не более 8–9 процентов. В результате грамотной пиар-кампании и использования административного ресурса (избирательная кампания проводилась под лозунгами «Голосуй, или проиграешь!»; «Россия — голосует сердцем» и т.д.) в начале весны 1996 года рейтинг Ельцина практически выровнялся с рейтингом его главного конкурента на президентский пост, лидера Коммунистической партии Российской Федерации Г.А. Зюганова. По результатам первого тура голосования Б.Н. Ельцин показал лучший, однако недостаточный для победы в первом туре результат, получив 35,32 процента (26,6 млн голосов) избирателей. Второе место получил Г.А. Зюганов, собравший в свою поддержку 32,03 процента (24,2 млн) голосов.

Главной неожиданностью избирательной кампании стало третье место генерала А.И. Лебеда (он ранее зарекомендовал себя в «Конгрессе русских общин»), получившего 14,52 процента (10,7 млн) голосов избирателей.

Так как ни одному из зарегистрированных кандидатов не удалось в первом туре набрать абсолютное большинство голосов, 3 июля 1996 года был проведен второй тур выборов с участием двух кандидатов, набравших наибольшее количество голосов: Б.Н. Ельцина и Г.А. Зюганова. Победил Б.Н. Ельцин. Он получил 53,82 процента (40,2 млн) голосов, опередив Г.А. Зюганова, набравшего 40,31 процента (30,1 млн) голосов. Против обоих кандидатов проголосовало 4,82 процента (протестный электорат составил 3,6 млн избирателей).

Исход спора решили голоса, полученные генералом Лебедем, призвавшим своих сторонников отдать во втором туре свои голоса Б.Н. Ельцину в обмен на обещание назначения на должность секретаря Совета Безопасности. Явка избирателей составила 68,88 процента (свыше 74 млн) избирателей. Незначительное снижение явки граждан во втором туре выборов объясняется несколькими причинами: часть избирателей, принявших участие в голосовании в первом туре, проигнорировала повторное голосование, потому что их кандидаты выбыли из борьбы; другая часть пессимистично настроенных избирателей посчитала, что их голос не сыграет никакой роли в сложившемся противостоянии двух оставшихся кандидатов.

* * *

Очередные парламентские выборы (третьего созыва) состоялись 19 декабря 1999 года. Их результаты подводились с использованием смешанной системы выборов при явке избирателей 61,85 процента. В избирательной кампании 1999 года приняло участие 26 избирательных блоков и объединений (на 17 меньше, чем в 1995 году), из которых только шести избирательным спискам удалось преодолеть 5-процентный барьер и создать свои парламентские фракции. Первое место с небольшим отрывом заняла КПРФ, которая провела в Государственную Думу 90 депутатов и еще 39 — в Аграрно-промышленной депутатской группе (24,29%). Также минимальный барьер удалось преодолеть следующим партиям: «Единство» — 82 депутата (по партийным спискам) и 59 — в депутатской группе «Народный депутат» (23,32%), «Отечество — вся Россия» (ОВР) — 45 и 41 — в депутатской группе «Регионы России» (13,33%), СПС — 32 (8,52%), Блок Жириновского — 17 (5,98%), «ЯБЛОКО» — 16 депутатов (5,93%).

Избирательная кампания 1999 года ознаменовалась столкновением политических и корпоративных интересов. В центральных СМИ начались «информационные войны», в которых телеведущий первого канала С. Доренко для дискредитации избирательного блока «Отечество — вся Россия» использовал приемы «телекиллерства», что отразилось на итогах избирательной кампании. Свыше 38 процентов потенциальных

избирателей добровольно отказались от реализации своего активного избирательного права, не желая вникать в применяемые СМИ избирательные технологии, устав от «компромата» на известных политиков и парламентариев [1].

Накануне выборов Президента России был принят новый Федеральный закон от 31 декабря 1999 года № 228-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации», который предоставлял кандидату на должность главы государства ряд гарантий, в том числе материального характера, обеспечивающих его независимость, и подняв его статус на уровень мировой практики. В соответствии с новациями закона кандидат на должность Президента Российской Федерации не мог быть привлечен к уголовной ответственности, арестован или подвергнут мерам административного взыскания, налагаемого в судебном порядке, без согласия Генерального прокурора страны [2].

За короткий период с 14 января по 13 февраля 2000 года ЦИК России запротоколировала 28 инициативных групп, выдвинувших шесть кандидатов на должность президента. Еще пять кандидатов были выдвинуты избирательными объединениями. На основании действующего закона, инициативная группа в поддержку кандидата в президенты должна была собрать не менее 1 млн подписей (на один субъект Российской Федерации не может приходиться более 7% от общего количества собранных подписей). Однако из-за нехватки времени и срочности выборов (собранные подписи необходимо было представить в ЦИК России не позднее 13 февраля 2000 года) было принято решение о сокращении необходимого количества подписей до 500 тысяч. Из 33 кандидатов, прошедших этап выдвижения, представить подписи смогли лишь 15 человек, а официально зарегистрироваться удалось только 11 кандидатам.

Уверенная победа исполняющего обязанности Президента Российской Федерации В.В. Путина в первом туре досрочных выборов (в результате добровольной отставки Б.Н. Ельцина), состоявшихся в марте 2000 года, при отсутствии серьезной политической конкуренции была обеспечена 51,95 процента избирателей (свыше 39 млн человек). Он стал вторым Президентом России, избранным всенародным голосованием. Его конкуренты серьезных результатов не продемонстрировали. Второе место занял «вечный оппозиционер правящего режима», лидер КПРФ Г.А. Зюганов, набравший 29,48 процента (свыше 21 млн избирателей). Далее шли лидер «ЯБЛОКА» Г.А. Явлинский — 5,8 процента (свыше 4 млн избирателей) и другие зарегистрированные кандидаты. Удельный вес протестного голосования (графа — «против всех») в ходе данной избирательной кампании был невелик, он составил всего 1,88 процента голосов (чуть более 1 млн избирателей).

* * *

Парламентские выборы депутатов Государственной Думы четвертого созыва состоялись 7 декабря 2003 года, в результате которых к распределению депутатских мандатов из 23 зарегистрировавших федеральные списки кандидатов, участвующих в выборах, получили только четыре политических партии, преодолевшие избирательный барьер. Выборы проводились с использованием смешанной избирательной системы. В результате подсчета голосов избирателей самой крупной фракцией в Государственной Думе стала партия «ЕДИНАЯ РОССИЯ», получившая 37,56 процента (223 места — 120 по партийным спискам и 103 в одномандатных округах). Далее следовали: КПРФ — 12,61 процента (52 места: 40 по партийным спискам и 12 в одномандатных округах), «Родина» (лидеры Сергей Глазьев, Дмитрий Рогозин) — 9,02 процента — 37 мест: 29 по партийным спискам, 8 по одномандатным округам, ЛДПР — 11,45 процента (36 депутатов), все были избраны по партийным спискам. Остальные партии, принимавшие участие в выборах, не получили представительства в нижней палате парламента за исключением двух партий: СПС (3 депутата) и «ЯБЛОКО» (4 депутата), которые смогли провести своих депутатов только в одномандатных округах. Явка избирателей на парламентских выборах 2003 года по сравнению с выборами 1999 года снизилась более чем на 6 процентов и составила всего лишь 55,67 процента избирателей. Таким образом, более 44 процентов избирателей добровольно отказались от участия в выборах, пополнив ряды абсентеистов. Парламентские выборы 2003 года продемонстрировали тенденцию доминирования «партии власти» — «ЕДИНОЙ РОССИИ» (возникшей в 2001 году путем слияния «Единства» и «Отечество — вся Россия»), которая получила преобладающее большинство голосов избирателей, получив тем самым большинство мест в нижней палате Федерального Собрания Российской Федерации, приобретя фактически монопольное право на принятие федеральных законов [1].

* * *

За период применения на выборах депутатов Государственной Думы смешанной (пропорционально-мажоритарной) избирательной системы в 1993–2003 годах выявлены как ее достоинства, так и недостатки. Среди позитивных аспектов данной электоральной формулы можно назвать представительство различных групп избирателей своими кандидатами; возможностью для избирателей, которые поддержали того или иного кандидата, не выполнившего свои предвыборные обещания, не переизбирать его повторно на следующих (т.е. очередных) выборах. К числу недостатков данной системы можно отнести тот факт, что на выборах в одноман-

датных избирательных округах число голосов избирателей, полученных победившим кандидатом, оказывалось меньшим, чем голоса, отданные в общей сумме другим зарегистрированным кандидатам. Таким образом, не учитывалось мнение значительного количества граждан, реализовавших свое активное избирательное право.

В преддверии очередных президентских выборов был принят новый Федеральный закон от 10 января 2003 года «О выборах Президента Российской Федерации», в котором были детально регламентированы требования, касающиеся финансовой составляющей президентских выборов, предоставление кандидатам эфирного времени и печатной площади. Также в закон были внесены поправки, усложняющие выдвижение кандидатуры на должность Президента путем самовыдвижения: было увеличено количество подписей избирателей, собираемых в его поддержку инициативной группой граждан (ее состав увеличивался со 100 до 500 человек) с 1 млн до 2 млн. При этом на один субъект Российской Федерации могло приходиться не 7, а 14 процентов от общего числа подписей избирателей [2]. Таким образом, поддержку кандидату на должность главы государства должны высказать избиратели не менее 43 субъектов Федерации.

Усложнение процедуры регистрации кандидатов на должность главы государства привело к снижению числа кандидатов, которые были зарегистрированы ЦИК России. Из двенадцати кандидатов, выразивших желание участвовать в выборах, шести было отказано в регистрации, тогда как оставшиеся пять кандидатов не смогли составить серьезную конкуренцию действующему главе государства. На президентских выборах в 2004 году победу в первом туре со значительным перевесом голосов одержал В.В. Путин, за которого проголосовало 71,31 процента от общего числа избирателей (свыше 49 млн избирателей), принявших участие в голосовании. Далее голоса избирателей распределились следующим образом: Николай Харитонов — 13,69 процента (свыше 9 млн человек), Сергей Глазьев — 4,1 процента (свыше 2 млн человек), Ирина Хакамада — 3,84 процента (более 2 млн человек), Олег Малышкин — 2,02 процента (свыше 1 млн человек), Сергей Миронов — 0,75 процента (свыше полмиллиона человек). Доля протестного электората, т.е. избирателей, проголосовавших против всех кандидатов, составила 3,45 процента (более 2 млн избирателей), что свидетельствует о высоком доверии избирателей к действующему главе государства и избранному им политическому курсу. Явка избирателей понизилась по сравнению с выборами главы государства в 2000 году (68,70%) более чем на 4 процента, составив 64,38 процента избирателей, что говорит об уверенности большей части избирателей в победе В.В. Путина и переизбрании его на второй президентский срок.

* * *

Интенсивность реформирования российской избирательной системы наблюдается в 2004–2007 годах. Именно в этот период происходит переход к избранию всех 450 депутатов Государственной Думы по «жестким», то есть закрытым партийным спискам (переход к пропорциональной избирательной системе) [1]. Незадолго до парламентских выборов принимается новый Федеральный закон от 18 мая 2005 года № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», усложняющий процедуру регистрации партий, принимающих участие в парламентских выборах. Также к числу новаций избирательного законодательства можно отнести отмену участия избирательных блоков в выборах всех уровней. Данные поправки в избирательное законодательство должны были способствовать стимулированию развития политических партий, однако на практике привели к тому, что граждане Российской Федерации утратили право на избрание независимых кандидатов, которые могли принять участие в выборах федерального масштаба в качестве самовыдвиженцев, не относящихся ни к одной из зарегистрированных политических партий. Кроме того, членам одной партии запрещено проходить по спискам другой, а партиям запрещено объединяться в выборные блоки; были запрещены независимые российские наблюдатели (оставлены только наблюдатели от партий). Из-за снижения явки избирателей была внесена поправка в избирательное законодательство, касающаяся отмены порога обязательной явки избирателей на выборах всех уровней. В соответствии с Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в части отмены формы голосования против всех кандидатов, вступившего в силу в июле 2006 года, указанная графа исключена из избирательных бюллетеней.

Парламентские выборы депутатов Государственной Думы пятого созыва состоялись 2 декабря 2007 года. С этого времени нижняя палата российского парламента стала полностью формироваться с помощью пропорциональной системы (на протяжении двух избирательных циклов 2007 и 2011 гг.), предусматривающей уменьшение общефедеральной части партийного списка до трех человек (ранее партийный список включал в себя 18 человек). Оставшаяся федеральная часть списка должна быть разбита, как минимум на 100 региональных групп кандидатов. Данное требование призвано было стимулировать политические партии на поиск «значимых», то есть авторитетных кандидатов практически во всех субъектах Федерации. Избирательный порог для прохождения политической партии в нижнюю палату Федерального Собрания Российской Федерации был повышен с 5-и до 7 процентов. Данное обстоятельство, как уже упоминалось, повлияло на сокращение числа политических партий, принявших участие в парламентских выборах.

В выборах 2007 года приняло участие 11 партий (против 23 партий, участвующих в парламентских выборах 2003 года). Из них только 4 партии преодолели 7-процентный барьер: «ЕДИНАЯ РОССИЯ» — 64,3 процента (свыше 44 млн избирателей), КПРФ — 11,57 процента (свыше 8 млн), ЛДПР — 8,14 процента (свыше 5 млн), Справедливая Россия — 7,74 процента (свыше 5 млн). В соответствии с официальной статистикой, представленной ЦИК России, явка избирателей на парламентских выборах 2007 года составила 63,71 процента, против 55,67 процента избирателей, принявших участие в выборах 2003 года.

Таким образом, можно отметить повышение электоральной активности избирателей (на 8%), что было вызвано целым рядом факторов: популярностью действующего Президента России, поддержкой большинством россиян курса проводимой им внутренней и внешней политики, стабилизацией экономики, укреплением национальной валюты, увеличением реальных доходов населения и иными мерами [1]. Однако число абсентеистов было по-прежнему велико: свыше 36 процентов потенциальных избирателей отказались от участия в выборах. Данное обстоятельство можно объяснить отменой в избирательных бюллетенях графы «против всех», порога явки избирателей и другими нововведениями, приведшими к тому, что определенная социально-активная часть российского электората парламентские выборы проигнорировала.

На очередных президентских выборах, состоявшихся 2 марта 2008 года, явка избирателей составила 69,81 процента, то есть увеличилась больше чем на 5 процентов по сравнению с выборами президента в 2004 году (64,38%). Интерес к данной избирательной кампании можно объяснить следующими обстоятельствами. Действующий Президент В.В. Путин на основании статьи 81 Конституции Российской Федерации не мог переизбираться на должность главы государства более двух сроков подряд, поэтому в качестве его преемника выступил вице-премьер Правительства России Д.А. Медведев. Его кандидатура была поддержана Президентом России, а также целым рядом политических партий: «ЕДИНОЙ РОССИЕЙ», «Справедливой Россией», «Гражданской силой», «Партией зеленых» и «Аграрной партией» [2]. Новая фигура на политическом олимпе вкупе с ожиданиями части либерально настроенных избирателей на проведение демократических реформ способствовала увеличению активности избирателей.

В выборах Президента России 2008 года приняло участие четыре кандидата: от «ЕДИНОЙ РОССИИ» — Д.А. Медведев (70,28% голосов избирателей), от КПРФ — Г.А. Зюганов (17,72 %), от ЛДПР — В.В. Жириновский (9,35%) и самовыдвиженец А.В. Богданов (лидер ДПР, получивший всего лишь 1,3% голосов избирателей). По результатам голосования избранным Президентом Российской Федерации стал Д.А. Медведев.

* * *

Парламентские выборы депутатов Государственной Думы шестого созыва прошли 4 декабря 2011 года. В соответствии с поправками, внесенными 30 декабря 2008 года в статью 96 Конституции Российской Федерации по инициативе Д.А. Медведева, нижняя палата парламента впервые избиралась сроком на пять лет. Выборы проводились по пропорциональной избирательной системе: весь списочный состав депутатов избирался по партийным спискам по единому федеральному округу, затем нераспределенные депутатские мандаты распределялись пропорционально проценту набранных партиями голосов. Из семи политических партий, принявших участие в парламентских выборах, в состав Государственной Думы снова вошли лишь четыре политические партии, преодолевшие 7-процентный барьер: «ЕДИНАЯ РОССИЯ» (49,32%), КПРФ (19,19%), Справедливая Россия (13,24%), ЛДПР (11,67%), то есть те же самые партии, которые были представлены в парламенте в 2007 году. Самой многочисленной фракцией в Государственной Думе шестого созыва, как и в 2007 году, стала фракция партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ», получившая 238 мест и фактически монопольное право на принятие федеральных законов.

В соответствии с поправками к закону это были первые и последние выборы, на которых партии, набравшие от 5 до 6 процентов голосов, получали по одному мандату, от 6 до 7 процентов — два мандата. Ни одна из партий, не преодолевших 7-процентный барьер, не смогла, показав подобный результат, воспользоваться данной преференцией. Электоральное поведение граждан в период избирательной кампании 2011 года можно охарактеризовать более низкой явкой избирателей — 60,21 процента, чем на предшествующих выборах 2007 года (63,71%). Число абсентеистов увеличилось более чем на 3 пункта и составило 39,79 процента от общего количества избирателей.

Данные выборы вызвали неоднозначную оценку общественности. Часть наиболее радикально настроенных избирателей приняли участие в массовых акциях протеста на Триумфальной и Болотной площадях, проспекте академика Сахарова в Москве, затем и в ряде других российских городов, в том числе Санкт-Петербурге и Новосибирске [1]. После этого по инициативе Д.А. Медведева в Кремле состоялась встреча с представителями «несистемной оппозиции» (Б. Немцов, М. Касьянов, Г. Каспаров и др.) для обсуждения сложившейся в стране ситуации.

Власть пошла на некоторые уступки, способствующие либерализации действующего избирательного законодательства. С 1 января 2012 года требование к численности партий было сокращено с 50 тысяч до 40 тысяч членов, с региональными отделениями более чем в половине субъектов Российской Федерации с не менее чем 500 до 400 членов, а в остальных субъектах Федерации — не менее 150 членов. Затем минимальная численность политической

партии была снижена с 40 тысяч до 500 человек. Далее последовали еще более либеральные изменения. Представители аппарата публичной власти осознали, что сокращение числа политических партий, реально борющихся за голоса избирателей (т.е. за власть), приводит к нивелированию одной из основ государственного строя Российской Федерации — политического плюрализма и, как следствие, к неконкурентной партийной системе.

* * *

Парламентские выборы стали подготовкой к главным выборам в государстве — президентским, которые состоялись 4 марта 2012 года. В соответствии с требованиями, предъявляемыми к кандидату на должность Президента Российской Федерации, кандидатом на президентских выборах мог стать только гражданин Российской Федерации (ценз гражданства), достигший 35-летнего возраста (возрастной ценз), проживающий на территории России в течение не менее десяти лет (ценз оседлости), не имеющий иностранного гражданства и не находящийся в местах лишения свободы.

Баллотироваться на должность главы государства можно было двумя способами: путем представления своей кандидатуры в качестве самовыдвиженца, для чего необходимо было собрать инициативную группу поддержки из 500 человек и представить не менее 2 млн подписей избирателей (на один регион не может приходиться более 50 тысяч подписей); либо выдвижением от зарегистрированной политической партии, способной представить в ЦИК России аналогичное количество подписей избирателей. Парламентским партиям собирать подписи не требовалось. Еще 30 декабря 2008 года по инициативе Д.А. Медведева была внесена поправка в статью 81 Конституции Российской Федерации, увеличившая срок президентских полномочий с 4 до 6 лет.

В президентских выборах приняло участие пять зарегистрированных ЦИК России кандидатов: В.В. Путин (63,60% — свыше 45 млн избирателей), Г.А. Зюганов (17,18% — свыше 12 млн), бизнесмен-миллиардер М.Д. Прохоров (7,98% — свыше 5 млн), В.В. Жириновский (6,22% — свыше 4 млн) и лидер партии Справедливая Россия С.М. Миронов (3,85% — свыше 2 млн избирателей).

Выборы президента Российской Федерации в первом туре с большим численным перевесом выиграл В.В. Путин с результатом 63,6 процента от общего количества избирателей, принявших участие в голосовании, при общей избирательной явке 65,34 процента (число абсентеистов на президентских выборах составило 34,66%). Высокие результаты кандидата на должность В.В. Путина объясняются не только его популярностью политика, но и низкой политической конкуренцией и отсутствием сильных оппозиционных лидеров.

* * *

Незадолго до выборов седьмого созыва депутатов нижней палаты российского парламента был принят новый Федеральный закон от 22 февраля 2014 года № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», которым была снова установлена смешанная избирательная система, применявшаяся при выборах депутатов Государственной Думы на протяжении 10 лет, с 1993 по 2003 годы. В соответствии с данной избирательной системой половина депутатов (225 депутатов) избирается с использованием мажоритарной системы относительного большинства голосов (1 депутат — 1 округ) в одномандатных избирательных округах, а другая часть (225 депутатов) — по партийным спискам с использованием системы пропорционального представительства.

В соответствии с данным законом вся территория России была разделена на 225 одномандатных избирательных округов, которые формируются на основе единой нормы представительства избирателей. Данная нарезка избирательных округов призвана обеспечить примерное равенство округов по числу избирателей. Схема избирательных округов утверждается федеральным законом сроком на десять лет. Кандидаты на должность депутатов выдвигаются либо путем самовыдвижения, либо политическими партиями в составе федеральных списков кандидатов. Политическим партиям предоставляется право выдвигать кандидатами беспартийных граждан (но не более половины списка, включающего от 200 до 400 кандидатов), что должно способствовать упрощению процедуры регистрации. Партийные списки, а также кандидаты-одномандатники, выдвинутые политической партией, в определенных случаях регистрируются без сбора подписей избирателей. В частности, подписи не требуются, если на последних выборах в Государственную Думу федеральный список партии был допущен к распределению мандатов или получил не менее 3 процентов голосов избирателей. Либо, если список кандидатов партии был допущен к распределению мандатов в законодательном собрании хотя бы одного региона (т.е. субъекта Российской Федерации). В остальных случаях для поддержки партийного списка нужно собрать не менее 200 тысяч подписей с учетом того, что на один субъект Федерации может приходиться не более семи тысяч подписей избирателей, зарегистрированных в нем.

Кандидатам самовыдвиженцам нужно собрать не менее 3 процентов подписей избирателей, зарегистрированных на территории соответствующего избирательного округа, а если в округе менее 100 тысяч избирателей — не менее 3 тысяч подписей. Избранным по одномандатному округу признается кандидат, который набрал наибольшее число голосов. По результатам выборов по федеральному избирательному округу к распределению депутатских мандатов по общему правилу допускаются те политические партии, кото-

рые получили минимум 5 процентов голосов избирателей (на предыдущих выборах 2011 года действовал порог 7%).

Установлены дополнительные заградительные барьеры (цензы) для кандидатов на избрание депутатом Государственной Думы.

Баллотироваться в депутаты парламента нельзя не только при неснятой или непогашенной судимости за тяжкие и особо тяжкие преступления, но и в течение 10 и 15 лет со дня ее снятия (погашения) соответственно, что должно сократить попадание в высший орган законодательной власти лиц с криминальным прошлым. Все вышеперечисленные новации были опробованы при проведении парламентских выборов 18 сентября 2016 года.

В выборах приняло участие 14 политических партий, которые соответствовали предъявляемым законодательством требованиям. Из них лишь четыре партии, представленные в предыдущих трех созывах парламента, преодолели 5-процентный избирательный барьер и смогли принять участие в распределении депутатских мандатов. Таким образом, в Государственной Думе седьмого созыва были созданы фракции следующих партий: «ЕДИНАЯ РОССИЯ» (получившая в свою поддержку 54,20%), КПРФ (13,34%), ЛДПР (13,14 %) и Справедливая Россия (6,22 %). Ни одна из других десяти политических партий, принявших участие в парламентских выборах, не смогла даже приблизиться к требуемому избирательному барьеру для прохождения в нижнюю палату парламента. Из числа партий, не преодолевших заградительный барьер, лишь две партии — «Родина» и «Гражданская платформа» — получили возможность провести в одномандатных округах своих кандидатов, по одному от каждой из партий.

Явка избирателей на парламентских выборах 2016 года составила менее 50 процентов от общего количества зарегистрированных избирателей, составив всего 47,88 процента. Число абсентеистов превысило половину избирательного корпуса страны. Таким образом, Россия стала догонять страны, лидирующие по числу абсентеистов — США и Швейцарию [3], что, согласно данным Левада-Центра, объясняется целым рядом факторов: переносом выборов на осень, когда многие россияне занимаются дачными работами; неверием большинства избирателей в возможность с помощью выборов воздействовать на политические институты; ухудшением социально-экономической обстановки в стране, из-за затянувшегося кризиса и даже неблагоприятной погодой.

* * *

Применительно к выборам Президента Российской Федерации, в соответствии с поправками, внесенными в 2012 году в Федеральный закон Российской Федерации от 10 января 2003 года № 19-ФЗ, количество необходимых подписей для политических партий, не имеющих своего пред-

ставительства в Государственной Думе, сократилось с 2 млн до 100 тысяч (не более 2500 тыс. подписей на один субъект Российской Федерации), а для кандидатов самовыдвиженцев — с тех же 2 млн до 300 тысяч подписей (не более 7500 на один субъект Федерации). Определенные преференции допускаются в отношении политических партий, которые имеют представительство в Государственной Думе и/или в законодательных (представительных) органах государственной власти не менее чем в 1/3 субъектов Российской Федерации. Они могут выдвинуть своего кандидата без сбора установленного законом количества подписей [2]. Проверку подлинности подписей осуществляет ЦИК России, которая может проверить не меньше 20 процентов из представленных каждым кандидатом подписей. В том случае, если брак превышает 5 процентов, дополнительно проверяется еще 10 процентов подписных листов.

ЦИК России обладает правом отстранить от участия в выборах кандидатов, предоставивших подписные листы без достаточного запаса, поскольку одним из оснований для отказа в регистрации выступает требование, в соответствии с которым число представленных подписей, за вычетом бракованных, не может оказаться ниже установленного минимума.

* * *

Данные поправки впервые были апробированы на практике в ходе президентских выборов 18 марта 2018 года. Дата выборов совпала с четвертой годовщиной присоединения к России полуострова Крым и города-героя Севастополя. Это событие способствовало консолидации населения, подъему патриотических настроений в обществе, что способствовало более высокой явке избирателей, составившей 67,54 процента (тогда, как явка на выборах главы государства в 2012 году была 65,34%).

Победу в первом туре голосования из восьми кандидатов, принявших участие в выборах, одержал В.В. Путин, получивший в свою поддержку рекордные 76,69 процента (это — его лучший результат за четыре избирательных кампании, в которых он принимал участие). На наш взгляд, столь высокие результаты действующий Президент смог получить не только по причине всеобъемлющей поддержки населения проводимой им внешней политики, укрепления авторитета России на международной арене, но и в силу недостаточно высокой конкуренции и отсутствии серьезных кандидатов из числа оппозиционных партий.

* * *

Проанализировав способы избрания (виды избирательных систем) на примере избирательных кампаний более чем двух последних десятилетий, можно сделать вывод о том, что идеальной модели избирательной системы

(т.е. способа избрания) не существует. У каждой из них можно найти как достоинства, так и изъяны. Этим объясняется многообразие избирательных систем, применяемых в современном мире.

Какая же модель является наилучшей для современной России? В силу того, что Россия декларирует себя как правовое и демократическое государство, можно использовать несколько способов избрания во власть. Однако о способе квалифицированного большинства голосов (победитель должен заручиться поддержкой $2/3$ или $3/4$ от общего числа избирателей, принявших участие в голосовании) речи пока быть не может, так как политические партии (за исключением «ЕДИНОЙ РОССИИ») не смогут добиваться для своих представителей квалифицированного большинства голосов.

Наиболее приемлемыми способами избрания во власть в современной России, по нашему мнению, могли бы стать усовершенствованные смешанные способы:

а) способ абсолютного большинства на выборах главы государства при установлении явки не менее 70 процентов избирателей, то есть $2/3$ списочного состава избирателей, обладающих активным избирательным правом;

б) способ пропорционального представительства политических партий при «пороге прохождения» в 3 процента на парламентских выборах. Такой подход позволил бы не только проводить во власть малочисленные политические партии, но и значительно расширить электорат, то есть участие широких масс, получивших право выдвигать своих кандидатов от небольших по численности и электоральной поддержке политических партий.

С целью повышения явки избирателей, прежде всего на парламентских выборах, можно порекомендовать использование облачных технологий [4]. Электронное голосование и блокчейн могли бы отчасти решить проблему электорального абсентеизма с учетом того, что по отдельным вопросам местного самоуправления практика различных форм электронного голосования прочно вошла в нашу жизнь и вызывает интерес у молодого поколения. Технология «блокчейн» была успешно апробирована на президентских выборах в Сьерра Леоне [5], применяется в системе государственного управления таких стран, как США, Австралия и Новая Зеландия, использовалась на экзит-полл президентских выборов 2018 года в России. Электронное голосование и блокчейн также были бы решением проблемы для тех, кто не приходит к избирательным урнам в день голосования из-за плохой погоды, слабого здоровья, либо из-за загородных поездок. Широкое распространение Интернета позволило бы этим категориям граждан участвовать в выборах.

Список литературы

1. Алексеев Р.А. Избирательные кампании парламентских выборов (1993–2016 гг.) и особенности электорального поведения // Вестник Московского

- государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 195–206.
2. Алексеев Р.А. Политико-правовое обеспечение выборов Президента Российской Федерации: динамика развития и совершенствования избирательного законодательства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2017. № 3. С. 25–33.
 3. Абрамов А.В., Рыбина М.В., Давыдова Н.П. Абсентеисты как политическая страта современного российского общества // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. 2013. Т. 6. № 1 (15). С. 31–36.
 4. Федорченко С.Н., Федорченко Л.В. Власть и облачные технологии в России и США // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 2. С. 108–116.
 5. Алексеев Р.А. Блокчейн как избирательная технология нового поколения — перспективы применения на выборах в современной России // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 2. С. 3–10.

Н.В. ДЕЕВА

ЛИЧНОСТЬ И ГОСУДАРСТВО В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ОБЩНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРИРОДА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы взаимодействия личности и государства в процессе формирования гражданской общности как в западной политической практике, так в и России. Речь идет о правах человека, их обеспечении и реализации в России и за рубежом, об участии государства и СПЧ в этом процессе. Также анализируется роль волонтерского движения в формировании активной гражданской личности и влияние религиозной составляющей в гражданском обществе.*

***Ключевые слова:** личность, государство, гражданское общество, права человека, волонтерство, Совет при Президенте РФ по правам человека и развитию гражданского общества.*

THE INDIVIDUAL AND THE STATE IN THE PROCESS OF FORMATION OF CIVIL COMMUNITY IN MODERN RUSSIA: NATURE OF INTERACTION

***Abstract.** The article deals with the problems of interaction between the individual and the state in the process of formation of civil community both in Western political practice and in Russia. We are talking about human rights, their enforcement and implementation in Russia and abroad, the participation of the state and the HRC in this process. The role of the volunteer movement in the formation of an active civil personality and the influence of the religious component in civil society are also analyzed.*

***Keywords:** personality, state, civil society, human rights, volunteering, presidential Council on human rights and civil society development.*

Проблема взаимодействия личности и государства по-прежнему остается одной из актуальных проблем сегодняшнего дня. Современное состояние политики, а именно — международные отношения, вопрос о существовании национальных государств в условиях глобализации, степень вмешательства

ДЕЕВА Наталья Владимировна — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (МПГУ), г. Москва

***Сведения о поддержке.** Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-03-00644-ОГН «Гражданский и религиозный типы общности в современном политическом процессе».*

государства в жизнь личности и общества, функционирование социального государства создают новые вызовы и возможности как для личности, так и для государства.

В условиях опасности войны — мировой или локальной угрозы, ставшей уже постоянной за последние несколько лет, до определенного момента важно положение государств, их сила и эффективность. Однако при любом повороте событий роль личности возрастает — как во главе государств и международных организаций, так и личности, как части гражданского общества, и качества этой личности приобретают особо важное значение для будущего развития отдельных государств и мирового сообщества в целом.

Данную проблему можно относить к одним из наиболее разработанных — редко кто из авторов, пишущих о политике и политологии, обходит эту тему. Начиная с работ философов древности и заканчивая концепциями современных политологов, проблема государства и личности остается центральной в анализе политических процессов, при этом охватывается множество ее аспектов.

При размышлениях о личности в политике проблема народа, как правило, оставлялась за скобками, чаще всего речь шла о личности государя, военачальника, служителя культа и так далее. Неслучайно, расхожая формула «государство — это я», приписываемая французскому королю Людовику XIV (1643–1715), довольно долго отражала положение дел в реальной политике даже с учетом того, что первое лицо не всегда являлось истинным субъектом политического процесса. В России абсолютная монархия сохранялась до начала XX века, и для России роль личности в истории, безусловно, является особой.

С приходом в политическую жизнь партий на публичной арене вновь появляется личность (лидеры, сторонники), а вопрос о взаимодействии личности и государства начинает решаться посредством борьбы за власть. Логично, что многопартийности в России посвящен обширный круг научных исследований. Конкурентный период партий в начале XX века продлился недолго, но после значительного перерыва — уже в постсоветской России, появились новые политические лидеры и возникли партии.

Не меньшее внимание в политологической литературе уделено проблеме взаимодействия государства и общества. Возможности общественного договора рассматриваются как в Новое время (Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо), так и в XX веке (Д. Роулз). Из отечественных авторов, пишущих на тему взаимоотношений народа и власти, в качестве классика можно назвать А. Радищева. Из современных авторов активностью в данном направлении отличается А. Аузан.

При рассмотрении политической культуры и различных направлений идеологии трудно обойти вопросы особенностей формирования государства и гражданского общества в разных странах, которым, как в России, так и за рубежом, посвящен широкий спектр научных исследований.

В рамках небольшой статьи невозможно осветить все аспекты обозначенной нами проблемы, поэтому остановимся лишь на нескольких наиболее актуальных моментах, отличающих ситуацию в России на современном этапе.

Формирование гражданского общества связано с развитием гражданской общности, то есть ассоциативных образований, функционирующих на основании закона. Нельзя забывать о том, что у него есть и второй аспект — складывание религиозной составляющей, где в основе отношений лежит мораль.

* * *

С вступлением общества в капиталистическую стадию развития (в одних странах раньше, в других позже) формируются два подхода во взаимоотношениях личности и государства [1, с. 249–251]. В одном из них, который можно обозначить, как «мы» — народ, который создает государство и закрепляет в Конституции, принадлежащие «нам», народу, права (американский вариант), угадывается модель общественного договора Руссо. Другой подход, предполагающий, что «нас», народ, кто-то третий объединяет, дает или дарует права и свободы, возможно, не все, а только определенные, но дает и дарует (в качестве примера можно привести российский Манифест 17 октября 1905 г.).

При различных способах обретения прав возникают два отличных друг от друга комплекса прав и обязанностей. В первом направлении преобладает принцип свободы индивида по отношению к государству и обществу. Второй вариант основан (в зависимости от стран и политической культуры) либо на традиционном праве, что создает определенные ограничения для граждан, особенно в противостоянии с государством, либо на изначальном дискриминационном принципе, когда права и обязанности определяются исходя из их классового, социального назначения. Оба направления взаимодействия государства и личности формируют отношения между государством и гражданским обществом, кратко формулируемые как а) государство для индивида или б) личность для государства.

Именно конституцией во многих странах закреплено как право гражданина на труд, так и его обязанность трудиться на благо общества, в котором он живет. Российская же Конституция 1993 года, старательно уходя от советского прошлого, освободила своих граждан не только от принудительного труда, но и от обязательного труда. При этом пенсионная система сохраняется преимущественно солидарная. Соответственно, помимо общего старения населения и изменения соотношения между работающими и пенсионерами, изменяется и соотношение между занятым и трудоспособным населением. И это далеко не всегда является последствием безработицы, чаще проявляясь как отсутствие «солидарности», точнее, солидарной ответственности за все происходящее в стране.

Российское общество в силу многих причин исторически было построено на принципах редистрибуции (перераспределения) и реципрокации (обмена между равными). Именно поэтому менталитету россиян по-прежнему органичны такие ценности, как справедливость и солидарность. Правовой нигилизм, свойственный российской политической и правовой культуре, тоже подпитывается из этого источника: равенство прав отнюдь не гарантирует равенство возможностей, притом как стартовых, так и на протяжении жизни гражданина.

К сожалению, постсоветская ситуация породила у части российских граждан право без ответственности, откровенное туеядство. Наряду с отсутствием желания платить налоги государству возникают требования к государству о выполнении им своих социальных обязательств. Резкий переход от советского общества к либеральному без формирования ответственности за свою жизнь и деятельность, к сожалению, привел к парадоксальному восприятию свободы. Абсолютное соблюдение прав личности, индивида, меньшинства порой в ущерб большинству далеко не всегда является благом для общества, в чем россиян убедил их постсоветский опыт. Давно развеялись иллюзии Адама Смита о «невидимой руке рынка» и его саморегуляции; ярко выраженный индивидуализм в конечном счете не приносит особой пользы обществу.

В конце XX века формирование индивидуализма, разрушение традиционного мира, общины, соборности в России привело к крайней атомизации социума, девальвации, выхолащиванию многих понятий и ценностей, которые помогали сохранять общество и государство в самых сложных, порой катастрофических ситуациях. Поэтому сегодня российское государство берет на себя ответственность за восстановление, возрождение социума как коллектива. Для этого необходимо создание условий для развития гражданского общества, как правовой основы для существования личности.

Патернализм и сакрализация власти как специфика российской политической культуры с необходимостью делают Президента страны ответственным за все происходящее в стране. Неслучайно, что в России много комиссий и советов по разным проблемам, образованных при Президенте, осуществляют функцию обратной связи между обществом и властью. В частности, такой консультативный орган, как Совет при Президенте по правам человека и развитию гражданского общества (СПЧ), решает проблемы, возникающие на местах, доводя до сведения верховной власти то, что не решается местным руководством. В 2018 году Совет отметил двадцатипятилетие своей работы. И многие, кто работал в СПЧ разных лет созыва на различных этапах его функционирования, отмечают важность этой деятельности.

Можно согласиться с высказыванием В. Никонова, что «...государственность не исключает уважения к правам человека, оно его предполагает» [2]. Президент, как гарант Конституции, и вынужден, и просто обязан контролировать вопросы соблюдения прав человека. А нарушения в этой

сфере часто происходят именно потому, что на граждан возложено слишком мало обязанностей. Данное обстоятельство проецируется и на процесс воспитания будущих граждан: при постоянных разговорах о правах детей и практически нет речи об их обязанностях.

* * *

Безусловно, без участия личности в жизни общества и государства его успешное и эффективное существование невозможно. Одним из вариантов приобщения к демократической жизни и народовластию через децентрализацию власти является волонтерство. В последней четверти XX века на Западе добровольческие движения различной направленности получили широкое распространение именно тогда, когда население многих демократических стран обнаружило себя вне политической власти в силу распространения кадровых партий и профессиональных политиков.

Западный вариант волонтерства по мотивации участия примерно одинаков как для США и Канады, так и для Франции: желание помочь другим, любовь к безвозмездному труду, чувство долга, личное удовлетворение, помощь обществу. Однако появляются и другие причины, например, неприятие в действительность государственной политики, в результативность политической борьбы. Важно, что в гражданские общества объединяются выходцы из различных слоев социума, в основном из его средних слоев и, что более ценно, представители разных классов, которых в других условиях объединить бывает практически невозможно [3, с. 64–66].

Об этом писал еще в начале XX века М. Острогорский в работе «Демократия и политические партии». В его концепции формулируются и отстаивается идея «демократического лидерства», которая связана с активным, регулярным и эффективным участием граждан в процессе формирования политики. Поэтому вместе с задачей отбора и выдвижения «истинных» лидеров демократии он выдвигает проблему организации непосредственной и регулярной политической деятельности граждан. С появлением и развитием массовых общественных ассоциаций М. Острогорский связывал большое будущее. Участие в таких подвижных политических образованиях должно было, по его мнению, явиться мощным стимулом для подъема общественного сознания и индивидуальной ответственности граждан, роста их моральной свободы. Мнение народа, по Острогорскому, есть живое воплощение реальных, меняющихся, высказываемых по разным поводам убеждений. Высвобождение сознания от этого мистифицированного образа «общей воли» — чрезвычайно важная ступень развития политической культуры.

В Советском Союзе функцию формирования и развития волонтерства выполняли комсомольская и пионерская организации, направляемые партией. Они вовлекали подростков и молодежь в общественно-полезную деятельность; той же цели служили произведения для детей и юношества,

такие, например, как «Тимур и его команда» А. Гайдара или «ТВТ (Товарищество воинствующих техников)» Я. Мавра.

В России прошедший 2018 год был объявлен годом волонтера. Это было приурочено к проведению в стране чемпионата мира по футболу, однако это — не первое масштабное мероприятие, к которому в качестве добровольцев подключаются широкие слои населения. Государство вынуждено брать на себя функцию развития волонтерства, точнее, восстановления потребности граждан участвовать в жизни страны, что оказывает положительное влияние и на формирование гражданского общества.

Безусловно, изначально активность возникает у самих людей, которые объединяются в ассоциации для решения различных проблем — как своих, так и общества (это, в первую очередь, благотворительные фонды), а государство может направить эту активность в необходимое русло. Так, власть может:

- соединить желание людей улучшить условия, в которых они живут, с техническими возможностями (через такие инструменты, как мобильное приложение «Активный гражданин»);
- финансировать находящиеся в стадии реализации, положительно зарекомендовавшие себя проекты с участием граждан разных возрастов, носящие большей частью социальный характер (Фонд президентских грантов);
- активизировать готовность к взаимодействию и сотрудничеству, занятость и профориентацию молодежи (поддержка добровольческих движений в целом).

Однако сейчас в России мотивы участия в волонтерстве несколько иные, что связано как с возрастом граждан, вовлеченных в эту деятельность, так и со спецификой времени и изменившимися ценностями. «Почти для половины опрошенных (48%) мотивом является интересный досуг. Около трети становятся добровольцами, чтобы чувствовать себя полезными (37%), реализовать свои инициативы (32%), а также приобрести знания, навыки (31%). Три четверти волонтеров (77%) отметили, что получили поощрение за свою работу, как правило, в виде благодарностей или сувениров. При этом благодарности, подарки и пр. далеко не цель участия: 91 процент респондентов, получавших поощрения, сказали, что продолжили бы волонтерскую деятельность, даже если бы их не было. ... Наибольший интерес среди поощрений вызывают досуговые мероприятия, рекомендательная поддержка (обучение, рекомендации при поступлении в вуз, поиске работы), ... встречи с известными деятелями культуры, спорта, политики, возможность пройти обучение на курсах, приглашения на культурно-массовые мероприятия» [4].

* * *

Активность людей в процессе реализации прав личности иногда приводит к обострению противоречий между избирателями и властью, даже в государствах с законопослушными гражданами, где законотворчество основано

на многолетней традиции римского права. Это противостояние выливается в открытые протесты и использование властью легального насилия для ограждения одной — большей — части общества от другой, меньшей части, отстаивающей свои права. И хотя именно Россию обвиняют в строгости и произволе власти при разгоне несанкционированных митингов, в Европе и США подобные протесты подавляются практически жестоко. Ярким примером может послужить Франция, где в последние месяцы экономический протест «желтых жилетов» регулярно оборачивается беспорядками и суровым подавлением выступлений. Еще дальше пошла стремящаяся в Европу Украина, где фактически произошла передача нацистам права на легальное насилие, когда группы радикалов разными, в том числе и силовыми, методами объясняют населению, что можно, что нельзя, а полиция при этом просто наблюдает за происходящим. Не следует забывать, что именно в законопослушной Западной Европе зародился нацизм, а в середине XX века демократические государства довольно быстро присоединились к «коричневой чуме» фашизма.

Реализация различных замыслов руководства — удел граждан, как в России, так и за рубежом. И здесь возможны препятствия в виде реакции населения. Можно выделить ряд негативных моментов, с которыми может столкнуться российская власть при осуществлении своих задач.

С одной стороны, это вошедшее у некоторой части населения в привычку недоверие к руководству, ее настороженное отношение к государственным структурам, и в силу оторванности власти от масс убежденность немалого сегмента людей в том, что государство всегда преследует только свои интересы.

С другой стороны, и на современном этапе это наиболее заметно, рост индивидуализма обострил осознание гражданами своих интересов, которые далеко не всегда совпадают с интересами страны. Более того, затраты сил и средств потребуются раньше, чем участники получат отдачу от своего труда. А насущные проблемы граждан, особенно за последние 20 лет, стали для них гораздо важнее, чем призрачное «лучшее будущее». Опять-таки, обеспечивать достойное будущее для своих детей многие предпочитают сами и не в «этой стране». И с подобными установками выросло уже целое поколение россиян.

* * *

В условиях экономических санкций отношения государства и личности существенно корректируются с точки зрения геоэкономического подхода к политике, поскольку санкции обостряют как отношения внутри гражданского общества, так и общественный договор власти и граждан.

Если рассматривать общественный договор как национальный договор (то есть договор национального правителя (правительства) с населением данной страны по вопросам организации и осуществления власти), то в

условиях становления глобальной экономики он существенно трансформируется при развитии геоэкономических структур.

В атмосфере глобализации международное разделение труда между национальными хозяйствующими системами все больше превращается в межкорпорационное разделение труда. Транснациональные корпорации, активно действующие в интересах своих стран, становятся своеобразными группами интересов, влияющими на принятие тех или иных экономических и политических решений в регионах, ставших для них донорами ресурсов (сырьевых, трудовых, финансовых, интеллектуальных). Их влияние приводит к тому, что национальные правительства не могут контролировать внутриполитическую ситуацию, не управляют ею, сталкиваясь с активным сопротивлением населения правительственным реформам.

Многие государства в период кризиса отказываются от завоеваний социального государства, то есть эта модель работает не так эффективно, как прежде. Это происходит потому, что государство может распределять только то, что собирает в бюджет в виде налогов. Соответственно, и сокращать свои расходы для уменьшения государственного долга оно может только за счет государственного бюджета, а значит, бюджетных ассигнований на социальные программы: пенсии, субсидии, расходы на здравоохранение. Расходы эти во второй половине прошлого века возрастали тем более, чем сильнее ухудшалась демографическая ситуация в европейских странах (низкая рождаемость, старение населения, сокращение доли работоспособных граждан). Происходило перекалывание проблем выплаты государственного долга и внутренних расходов на будущие поколения.

В начале нынешнего века ситуация в Европе как никогда обострилась, поскольку сошлись воедино несколько экономических проблем: выплата государственного долга, экономический кризис и возросшее количество мигрантов. Переселенцы из стран Азии, Африки и Южной Америки стали новыми группами населения, требующими для себя «достойной жизни» (весьма расплывчатое понятие, которое в каждом государстве определяется по-разному, исходя из общего уровня жизни, возможностей государства и потребностей граждан).

В этих условиях новым содержанием наполняется и так называемая «проблема безбилетника». По мнению Д. Мюллера, «добровольное следование нормам поведения или предоставление общественных благ более вероятны в небольших сообществах, чем в крупных. Расчет на добровольное следование нормам в крупных сообществах или группах приводит к «безбилетничеству» и недостаточному предоставлению общественного блага (либо его отсутствию)» [5]. То есть, некоренное население, пользуясь в полной мере завоеваниями европейцев в вопросах равенства прав и возможностей, используют эти права против самих европейцев.

Основными субъектами современного общественного договора могут быть население, государство, элиты. Формат договора будет зависеть от

того, насколько качественно новым будет каждый из возможных субъектов. Трансформация национального состава как в США, так и в европейских странах, активно происходит, в том числе, в связи «с глобализацией (взаимодействием глобальной экономики с геоэкологией), интернационализацией (взаимодействием национальных хозяйств через мировой рынок), мондиализацией (интеграционно-воспроизводственными связями, составляющими целостность мировой экономики)» [6].

Население в силу качественно изменившегося состава, несомненно, будет требовать пересмотра условий общественного договора. В конечном счете, коренные европейцы могут остаться в меньшинстве и, согласно демократическим процедурам, власть перейдет к представителям бывших мигрантов. В данной ситуации основные разногласия между различными группами возникнут в сфере сочетания разных политических ценностей, отражающих противоречия политических ориентаций Запада и Востока. Коренному населению остается только приспособливаться к новым условиям.

* * *

Говоря о формировании гражданской общности, мы не должны забывать о религиозной составляющей этого процесса. В современной Европе мы видим явную секуляризацию, закрепленную соблюдением прав человека в абсолютном смысле (права различных меньшинств в ущерб правам большинства), что приводит к отказу от традиционных европейских ценностей, основанных на религиозных постулатах, и упадок христианской веры вкупе с усилением роли ислама среди неисламского населения.

В целом религиозные конфессии становятся в Европе все более слабыми, идут нападки на католических священников в разных частях света, причем, по мнению ряда исследователей, это — спланированная акция. Секуляризация в странах с преобладанием протестантизма тоже очевидна: неслучайно в той же Германии все чаще молодые девушки принимают ислам и связывают свои судьбы с экстремистки настроенными людьми. Тем опаснее нам кажутся процессы, происходящие на Украине. Безусловно, и в силу исторических и родственных связей, и в силу протяженности общих границ и необходимости обеспечивать свою национальную безопасность Россия не может не обращать внимания на эту ситуацию. И только в рамках своего государства народ может сохранить себя и свою специфику, свой суверенитет.

На Украине, руководство которой тяготеет к европейской модели, происходит подмена церковной власти властью политической. Получение так называемой автокефалии — попытка поднятия политических рейтингов действующей власти, что чревато в дальнейшем не только расколом среди верующих, но и, что гораздо опаснее, секуляризацией украинского общества, когда население осознает, что фактически «нет ничего святого», на что не могли бы повлиять политики. И в условиях кризиса политического и граж-

данского общества украинская власть выбивает почву из-под единственного перспективного якоря, способного удержать государственность этой страны.

При этом Россия, напротив, сохраняет христианские ценности как в общественной морали, так и путем укрепления позиции религии в обществе, ее роли в гражданских инициативах. Единство целей церкви и государства по ряду вопросов усиливает общество, способствуя его стабильности и мобилизации. По мнению А. Глинчиковой, гражданский и религиозный тип общности «развивались не просто параллельно и влияя друг на друга, а сменяя друг друга. Гражданский тип общности на определенном этапе впадал в кризис, в то время как религиозный выходил на первый план и выполнял общественно-образующие функции. Затем следовала новая смена, при которой гражданский компонент снова выходил на первый план в политическом процессе. Сейчас под влиянием глобализации мы переживаем следующий этап «смены цикла», когда гражданский компонент впадает в кризис и новая форма неструктурного типа общности должна прийти ему на смену» [7, с. 135].

Список литературы

1. Конституционное право развивающихся стран. М., 1990.
2. Никонов В. Государственничество не исключает уважения к правам человека, оно его предполагает // СПЧ: Искусство невозможного URL: <http://president-sovet.ru/files/82/c4/82c4a197e546f53d1419d6a31ce262b0.pdf>.
3. Дахин В.Н. Личность, общество, государство (проблемы развития гражданского общества). Дисс... д. ист. наук. М., 1992.
4. Что вдохновляет волонтеров? // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3455 от 1 сентября 2017. Опрос ВЦИОМ проведен 21 июля – 15 августа 2017 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3556>.
5. Мюллер Д. Об общественном договоре. URL: [http://www.seinstitute.ru/Files/Mue-2\[13-58\].pdf](http://www.seinstitute.ru/Files/Mue-2[13-58].pdf).
6. Геоэкономика и конкурентоспособность России: научно-концептуальные основы геоэкономической политики России. Научно-аналитический доклад / Под науч. ред. Э.Г. Кочетова. М.: Книга и бизнес, 2010.
7. Глинчикова А.Г. Соотношение гражданского и религиозного факторов в эволюции европейского модерна. Политика развития, государство и мировой порядок // Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов, 6–8 декабря 2018 года. М., 2018.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ: РИСКИ ДЛЯ РОССИИ

***Аннотация.** Современные глобальные трансформации и возрастающая степень дестабилизирующего вмешательства во внутренние дела суверенных государств со стороны стран, относящих себя к «коллективному Западу» на фоне возросшей в связи с появлением и глобальным распространением цифровых интегрированных коммуникаций степени манипулятивности и интрузивности в политические и социально-экономические процессы, ставят вопрос о возникающих для России новых рисках. Причем, как с ракурса ее текущей политики на мировой арене, так и с точки зрения возможности осуществления социальной модернизации внутри страны. Ключевым риском следует считать возможность подрыва легитимности России как государства и устойчивости ее социально-политической системы в силу целенаправленной политики США и их сателлитов по размыванию принципов государственного суверенитета через манипуляции, направленные на использование как средства делегитимизации внутренних социальных проблем и раскола в обществе. **Ключевые слова:** риски глобальных трансформаций, легитимность, система власти, пространственное развитие, сетевые структуры, глобальная конкуренция, информационные манипуляции.*

INFORMATIONAL MANIPULATIONS AND NATIONAL SOVEREIGNTY: RISKS FOR RUSSIA

***Abstract.** Contemporary global transformations and the increased capabilities of the destabilizing interference into the domestic affairs of the sovereign countries on behalf of the states that relate themselves to the “collective West” phenomenon is facilitated by the worldwide expansion of the digital integrated communications. All that increases the opportunities for the political manipulations and puts forward the issue of the new risks for Russia not only from the point of view of foreign policy potential but also from the point of view of the domestic social modernization. The key risk is the possibility of undermining of Russia legitimacy as a sovereign state and stability of its socio-political system as the result of the targeted policy of the US and its satellites for the erosion of the principles of*

the national sovereignty with the new global manipulation technologies that utilize the domestic social and political fractures.

Keywords: *risks of global transformations, political power system, geoeconomic spatial development, political legitimacy, net structures, global competition, informational manipulation.*

Необходимость междисциплинарного подхода

Трансформации операционного пространства глобальной экономики и, как следствие, политические процессы, связываемые с формированием системы «полицентричности», не являются однонаправленными и проявляются не только в мировой политике и экономическом развитии. Они отражают целый спектр тенденций, связанных не только с эволюцией системных связей между государствами, во многом соответствующих принципам «мир-системы» И. Валлерстайна [1], но и реализуются в мире конкуренции различных типов устройства геополитического пространства, в частности, через конкуренцию сетевых и иерархических моделей. Новая парадигма развития отражает и внутренние процессы развития государств, ставшие отражением относительной тупиковости эволюции государственных систем как в формате постиндустриализма, приведшего, в сущности, к глобальной сетевизации и размыванию роли и места государств в глобальной экономике, а затем, — и в политике к началу 2000-х годов, так и в классическом зрелом индустриальном формате, находившемся в кризисе даже без учета неизбежных последствий «четвертой промышленной революции»¹. Таким образом, современные глобальные трансформации представляют собой комплексную систему, создающую комплексные же вызовы как для всего человечества, так и для отдельных государств и сообществ на различных уровнях развития.

Трансформация мировой политики и кризис глобальных политических институтов становится не просто неизбежным, но естественным следствием трансформаций, формирующих пространство, характеризующееся четырьмя ключевыми факторами:

– Кризисом постиндустриализма, как образа будущего, нарастанием очевидных социально-экономических асимметрий, не решаемых в рамках существующих моделей развития современной экономики [3].

– Сохранением остаточной конкуренции иерархических и сетевых структур и возникновения «серых зон» доминирования моделей развития, способных в будущем стать источником социальной нестабильности. В качестве элементов «серых зон» начинают выступать транснациональные

¹ «Четвертая промышленная революция» является зонтичным термином, объединяющим кластер технологий, приводящих к существенному изменению как операционной составляющей экономических процессов, так и социальной составляющей [2]. Ключевым фактором становится изменение роли и места человека и рабочей силы (трудовых ресурсов) в экономических процессах, а следствием — изменение сути человека, как социального организма, а возможно, как биологической единицы.

анклавы, ранее рассматривавшиеся в качестве опорных точек сетевизированной глобализации.

– Ослаблением влияния всех глобальных политических и экономических межгосударственных и надгосударственных институтов и большинства региональных, причем ослабление политических институтов происходит существенно более быстрыми темпами, нежели экономических, что отражает в целом сохранение, как минимум, отдельных компонентов глобальной экономической взаимозависимости, в частности, в сфере финансов и инвестиций. В настоящее время отмечаются признаки осуществления США управляемой целенаправленной кампании по делегитимизации ООН.

– Возросшей ролью коммуникаций, как политического инструмента, причем не только с точки зрения кратко- и среднесрочного управления политическими и экономическими процессами, но и как инструмента формирования не только процессов, но и институтов². Это связано, в том числе и с тем, что главным фактором интеграции сетей является коммуникация, обеспечиваемая на базе новых коммуникационных технологий, обеспечивающих содержательную интеграцию в режиме, близком к реальному времени на базе, в том числе и каскадируемых управляемых нарративов [4, с. 189].

С политической точки зрения мировое сообщество и Россия, как его часть, сталкивается с глобальными процессами, формирующими, с одной стороны, комплексные феномены, а с другой, — феномены, в наибольшей степени проявляющиеся в пространстве коммуникаций, где наблюдается переход от создания краткосрочных манипулятивных элементов «дополненной реальности»³ (что, скорее, можно отнести к продвинутым формам дезинформации) к формированию новых, более сложных и долгоживущих видов «дополненной социальной реальности». Такие «дополненные социальные реальности» смогут определять, как минимум, среднесрочные векторы поведения значимых социально-вовлеченных слоев населения и обеспечивать долгосрочное фреймирование общества. Подобные реальности относительно легко трансформируются в глобально значимые политические

² Ключевым фактором развития современного информационного пространства становится принципиальная возможность существования социо-коммуникационных институтов, дающих возможность аффилирования с тем или иным общественным (общественно-значимым) процессом, в том числе, и геополитическим без прямого участия общества. Это принципиально меняет существующее понимание принципов социального вовлечения, как основы политического процесса и политической легитимности. С учетом того, что все основные каналы глобальных коммуникаций контролируются США, возникают практически неограниченные возможности для управления социо-коммуникационными институтами, способными использоваться в глобальной геополитике (например, «Белые каски»), а в перспективе — для формирования системы «конкурирующих международных легитимностей» (через, например, перехода от выборов к интернет-опросам, как источникам директивных решений).

³ Классическим примером такой дезинформации является информационная манипуляция с созданием, вбросом и последующим поддержанием информационного фейка, связанного с падением Триполи в ходе гражданской войны в Ливии, осуществленный телеканалом «Аль-Джазира». Но главная черта такой манипуляции — сугубо прикладной характер и расчет на моментальный или близкий к моментальному эффект.

феномены, вполне пригодные для использования в процессе обеспечения благоприятного характера глобальных изменений.

Очевидно, что такие процессы не могут оцениваться только с юридической или только с политической точки зрения. Становится принципиально важным анализ того пространства, где происходят рассматриваемые процессы, то есть, современное информационное общество в его соприкосновении с социальным пространством и социальными институтами. Это ставит на повестку дня необходимость методологической междисциплинарности и при оценке тенденций глобального развития, так или иначе связанных с вопросом операционной легитимности, и при выработке политики России.

Проблематизация явления

В возникающих динамических глобальных условиях под сомнение может быть поставлен не только сам принцип государственного суверенитета, что уже происходило в ходе поздних волн глобализации, связанных с мировой сетевизацией, но и механизм его политического оформления и репрезентации, являющийся основой деятельностью государств на мировой арене.

Целесообразно в складывающихся глобальных условиях ввести политологическую категорию «глобальной легитимности», предварительно определяемой как *восприятие политической власти той или иной страны, правомочной осуществлять внешнеполитические и внешнеэкономические действия, в том числе, и связанные с принятием решений о распоряжении различными ресурсами за пределами своей национальной территории.*

Глобальная легитимность может быть разделена на «полную», долгосрочную свои части, что является, безусловно, категорией международного права и выходит за рамки нашего исследования, и «операционную» легитимность, то есть, складывающуюся в результате действий отдельных государств и групп государств, международных и/или надгосударственных институтов, реализующуюся только в сфере текущей политики и не имеющую безусловной правовой универсальности. Политика США направлена на подмену, а в перспективе — на полную замену классической глобальной легитимности, реализуемой в рамках единого понимания и толкования международного права, операционной, присвоив себе (напрямую и через и контролируемые международные институты) функции определения этой легитимности и последующей политической (на деле — политико-информационной) легитимизации соответствующей политической системы, даже если она не соответствует формальным требованиям, применяемым к понятию «государство».

Автор выдвигает следующую гипотезу:

Глобальные трансформации, наблюдаемые нами в системах глобальной экономики и результирующие в мировую политику с точки зрения роли и места ключевых глобальных институтов, приводят к кризису понятия

«международная легитимность» в отношении государств. Это накладывает на принципиально большую степень манипулятивности в политике и особенно экономике [5], причем как на макро-, так и на микроуровне, формируя пространство гибридных рисков, в рамках которого разделение рисков на внутренние и внешние приводит к нарастанию организационной неэффективности и запаздыванию реакций. Ключевая проблема глобального развития, таким образом, может быть определена, как возникновение эффекта «новой глобальной» легитимности, становящейся нарастающе контекстной и все более зависящей от степени социально-политической репрезентативности системы власти⁴. *Реальный, глобально операционно пригодный национальный суверенитет начинает все больше зависеть от внутренних факторов, прежде всего, факторов социальной и социально-политической устойчивости, нежели от внешних юридических институтов, механизмов и процессов.* Для России это обстоятельство обостряется еще больше за счет сращивания внутренних и внешних вызовов развития страны и неадекватности современной пространственной архитектуры потребностями текущего геоэкономического развития.

Глобальная операционная легитимность превращается в каскадируемый эмоционально окрашенный нарратив, когда рациональные факторы формирования (генезиса) играют подчиненную роль по сравнению с коммуникационно репрезентируемой социальной средой. Ключевым фактором развития феномена «операционной легитимности» становится то пространство, в котором оно развивается, то есть, — современное информационное общество, основанное на глобализированных каналах коммуникаций⁵. Не исключено, что стратегической целью США является размывание понятия «легитимность» до стадии превращения его в политико-коммуникационное понятие. И противодействие этому процессу только с использованием правовых инструментов и аргументов в складывающейся глобальной ситуации становится, как минимум, недостаточным.

Ключевым риском для России в мире становится возникновение принципиальной возможности глобальной делегитимизации с использованием

⁴ «Казус Венесуэлы», связанный с возникновением ситуативного двоевластия, что не является революционным феноменом, в сочетании с ситуативной политической и операционной легитимностью (доступ к находящимся в системе глобальной экономики финансовым ресурсам в зависимости от аффилированности с той или иной системой неполной глобальной легитимности), что является относительно новым фактором развития глобальной политики и экономики, ждет своего междисциплинарного исследования с использованием комплексных методологических подходов. Во всяком случае, феномен конкурирующих в глобальном пространстве «легитимностей» — а именно так взаимодействуют с внешним миром Н. Мадуро и Х. Гуайдо — может оказаться важнейшим феноменом транзитной политической системы.

⁵ Особенностью этих каналов является то, что они в основном развиваются в правовом пространстве, сформированном на базе американского законодательства, к глобализации которого США прилагают существенные усилия на государственном уровне. Иными словами, по сути, операционная легитимность, в том числе операционная легитимность государств, определяется в пространстве, регулируемом во многом американским внутренним законодательством и отражающим внутриамериканские политические процессы.

внутренней социально-политической деструкции и фактора общественной нерепрезентативности государственной власти.

Проблема формирования нового, более комплексного понимания глобальной легитимности, выходящее за рамки юридической трактовки понятия и будет в существенно большей степени опираться на внутреннюю социально-экономическую устойчивость, давая возможность более эффективного глобального маневрирования. Для России это означает, с одной стороны, нарастающие ограничения возможностей легитимизации своих глобальных геополитических (и геоэкономических) претензий (запросов) через ранее сложившуюся систему международного права и соответствующих институтов. Думается, это уже стало очевидным для российской политической элиты. С другой стороны, возникает ситуация принципиальной неразделимости внутренних и внешних рисков безопасности и развития России, системной увязанности глобальной легитимности нашей страны, как ключевого игрока в глобальной политике, и ее внутренней социальной и социально-политической устойчивости, степени социальной репрезентативности ее элиты и власти.

Антироссийская пропаганда как многослойное явление

Применительно к России проявляются несколько специфических проблем, обостряющие проблему глобального государственного суверенитета и легитимности. Часть этих проблем является следствием текущих политических процессов, отражающих переход взаимоотношений России со странами «коллективного Запада» от конкуренции к конфронтации, то есть от «торговли» по частностям к модели взаимоотношений, близкой в настоящее время к модели «игры с нулевой суммой», но эти специфические проблемы в существующих глобальных условиях могут приобрести статус мировых тенденций. Тем не менее, большинство факторов, оказывающих влияние на положение России и перспективы ее восприятия в мире, как ключевого игрока, являются специфическими проявлениями общеглобальных процессов и тенденций. Перечислим ключевые тенденции, оказывающие влияние на пространство мировой политики и возможности суверенной российской внешней политики.

- Глобальная экономическая и военно-политическая ситуация развивается по линии усиления попыток дискредитации государственного суверенитета как такового, и народа, как источника легитимности политической системы, что является отчасти следствием инерции глобализации [6] и кризисом глобализма, как модели развития, но, отчасти — результатом трансформации моделей взаимодействий ключевых государств мира. В частности, ключевым фактором, приводящим к эрозии принципов государственного суверенитета, является переход к построению глобальных политических и экономических коалиций вокруг ключевого игрока, что противоречит принципам формальной геополитической равноправности, характерным

для глобального развития в последние 35 лет⁶. В этом смысле, говорить о новой архитектуре глобальной политики, как о некоей версии Вестфальской системы, было бы ошибочно.

- Главным источником таких процессов выступают США и их политические сателлиты, но такому развитию ситуации способствуют и глобальные экономические процессы, а также деятельность наднациональных политических структур (например, Еврокомиссии), стремящиеся перенести экономическую наднациональность в политическое пространство. Ключевым фактором такого подхода является то обстоятельство, что источником глобальной легитимности является международное признание (на практике, — признание со стороны «коллективного Запада»).

- Современную ситуацию можно определить как попытку «набора прецедентов», причем «качество», то есть, публично-политическая легитимность такого рода «прецедентов» не имеет принципиального значения для инициаторов процесса. Речь идет о том, что процессы глобализации американского внутреннего законодательства начинают распространяться на аспекты международного права, определяющие пределы государственного суверенитета. Казус Венесуэлы говорит о готовности США действовать в этом направлении даже в условиях реального появления риска перехода политической игры в военный конфликт.

- Все это происходит на фоне глобального деклассирования ключевых социально вовлеченных слоев развитых индустриальных, предпостиндустриальных и постиндустриальных государств мира и формирования моделей структурирования соответствующих обществ на иной модели, нежели отношение к собственности и в целом к экономическим процессам⁷. Встает естественный вопрос: насколько десоциализированные массы населения могут быть источником реальной, операционной легитимности государства и государственной власти, проявляемой в процессе глобальной политики и глобальной экономической конкуренции. Не говоря уже о том, что такого рода деклассированные слои являются естественными объектами среднесрочных политических манипуляций (Украина, страны Латинской Америки,

⁶ Называемыми рядом авторов «мегапартнерствами» [7, с. 137], такие объединения представляют собой разностатусные коалиции (даже ЕС является таковой), сформированные вокруг военного, политического или инвестиционного потенциала лидера, и черпающие свою глобальную легитимность из партнерских отношений с таким лидером. «Мегапартнерства», как система геополитических отношений, принципиально предусматривают размывание, как минимум, отдельных компонентов национальной легитимности.

⁷ Примером попыток такого неэкономического структурирования является концепция прекарната, содержащая в себе не только идею неограниченной социальной мобильности, то есть, экономического оправдания пауперизации и деклассированию, но и концепцию «резидентства» в противовес концепции гражданства. А это, по крайней мере, в первичной форме, обозначало идею различного доступа к политическим инструментам, то есть, к возможностям участвовать в легитимизации власти. [8, с. 275]. Президентство же может быть интерпретировано, как некая форма «экономического подданства», что принципиальным образом меняет механизм и суть легитимизации политической власти.

страны Восточного Средиземноморья, не сумевшие осуществить вторую промышленную и догоняющую социальную модернизацию).

- Внутренняя ситуация в России оценивается конкурентами России и на Западе, и на Востоке как сложная и неустойчивая, а российская элита, как слабая, коррумпированная и готовая на компромисс с Западом на условиях Запада. Информационно-политические манипуляции рассматриваются как целесообразный и относительно эффективный инструмент лишения России свободы маневра. И это стимулирует действия экономических конкурентов России, направленные на сужение возможностей ее маневра.

- Информационные манипуляции по демонизации России имеют некоторый успех, создавая сложности и в Евразии, и особенно за ее пределами, негативно отражаясь на инвестиционной привлекательности России. Попытки контрпропаганды зачастую еще больше актуализируют эти риски, как это, например, произошло с попытками информационной контригры России по «делу Скрипалей» [9], но, во всяком случае, позитивного политико-экономического результата не дают. Есть признаки переноса политики демонизации России на информационно-политические площадки крупнейших стран развивающегося мира (Иран, Бразилия, некоторые исламские государства и т.д.). Россия со своей стороны пока не попыталась обозначить комплексный образ будущего, продолжая оставаться даже в пропагандистской парадигме в модели «скорректированного» или «справедливого западничества», не вполне осознавая, вероятно, что западничество, как таковое, как идеологическая парадигма начинает «выгорать», хотя и сохраняется, как источник позиции о необходимости реализации принципов «ограниченного суверенитета» в условиях глобализации по различным гуманитарным соображениям.

- В качестве инструмента, ограничивающего возможности дальнейшей активной политики России, со стороны Запада начинает просматриваться не только «расшатывание ситуации» с использованием дружественных элитных групп, но и глобальной делегитимизации России как ключевого игрока во внешней политике. Эта линия включает в себя существенный блок обвинений, связанных с принципиальной легитимностью поведения России во внешней политике, причем по вопросам, напрямую связанным с проблематикой легитимизации политической власти (вмешательство в выборные процессы в различных странах «коллективного Запада»). То есть, Россия позиционируется как страна, препятствующая реализации национальных возможностей политически репрезентативной легитимизации систем власти. На этом фоне происходит системное наращивание степени интрузивности вмешательства Запада в процессы, связанные с легитимизацией российской власти, переход к прямой делегитимизации выборного процесса как такового, за счет его интернационализации [10].

Констатируем, что России навязано комплексное политическое противостояние, ключевым компонентом которого стали не столько тактические

пропагандистские действия, сколько возможность размыwania с использованием коммуникационных инструментов восприятия внешнеполитических действий России как легитимных сперва на международной арене, а затем и внутри страны. Это должно предельно усложнить встраивание России в ключевые глобальные геоэкономические тенденции и доступ к перспективным центрам экономического роста, а в более далекой перспективе — создать условия для осуществления социоконструктивистских действий, направленных на закрепление и политическую репрезентацию складывающихся расколов в российском обществе.

**Вместо заключения:
синергичность вызовов — синергичность ответа**

На сегодняшний день мы наблюдаем энергичные попытки США через разновекторные информационные кампании обеспечить начало процесса операционной делегитимации России как государства, выступающего за сохранение существующих принципов международного права. Пока России не удалось сформировать вокруг себя полноценной коалиции, противостоящей политике США по размыванию принципов глобальной легитимности и суверенитета. Подобную ситуацию сложно назвать изоляцией, тем не менее она демонстрирует политическую сложность положения России, стремящейся действовать в рамках классической политики защиты международного права.

Одинокство России в борьбе за суверенитет является продолжением ее политического положения в контексте ключевых процессов глобального развития⁸. Это одинокство политической силы, ограниченной в своем геополитическом маневре структурными и пространственными обстоятельствами. Россия, будучи жестко иерархической системой, выступает объектом экспансии и давления сетевых структур. Одновременно она, по своей экономической природе — классическое общество-система индустриального модерна, социально несет внутри себя элементы и постиндустриального общества, и анклавов с явным вектором на архаизацию, ставшую результатом глубокой деиндустриализации 1990-х — начала 2000-х годов и соответствующей десоциализации значительных масс населения.

Нельзя, впрочем, не отметить, что неудача России в формировании коалиции за сохранение базовых норм международного права связана не только со степенью агрессивности поведения США, но и с тем, что американцы опираются на объективно существующие в глобальной политике факторы: ожидание возникновения новой глобальной политической и эко-

⁸ Цивилизационное «одинокство», о котором говорит В. Сурков [11], безусловно, является объективным фактом глобального развития, но отражает ситуативно сложившийся феномен, проявившийся в момент максимальной концептуальной и цивилизационной атомизации пространства глобальной политики, когда ни у одной масштабно значимой силы просто не сформировалось полноценного образа будущего и утрачивался «образ настоящего».

номической архитектуры, в рамках которого многие традиционные нормы международного права будут «обнулены». Россия пока не вписывается в структуру современных геополитических и геэкономических процессов, что в условиях виртуализации и «твиттеризации» глобальной политики создает значимые среднесрочные риски⁹.

Россия слишком сильна и слишком стремится к независимой внешней политике и внутреннему суверенитету, чтобы стать частью одной из оформляющихся коалиций, действующих на базе, как уже говорилось, «усеченного суверенитета», во всяком случае, в качестве единого централизованного государства. Но пока слаба, чтобы стать ядром собственной коалиции, если не считать возможности формирования коалиции в пространстве постсоветской Евразии, что может быть связано с чрезмерными издержками и ресурсными затратами при неочевидном, а, как минимум, непропорциональном результате. Архитектура внутреннего экономического пространства не позволяет эффективно бороться за встраивание в наиболее значимые регионализированные центры экономического роста. При этом отсутствие внутреннего консенсуса, который бы заменил и, при наилучшем сценарии, упрочил бы «крымский консенсус», а также наличие очевидных факторов социального и даже социально-регионального расслоения делают применение против России стратегии «селективной легитимности» практически оправданным, как минимум для ограничения потенциала российских властей для активных действий на мировой арене.

Принцип «селективной легитимности» уже давно апробируется «коллективным Западом» выходя за рамки операционного «двойного стандарта» и превращаясь в важнейший глобальный политический инструмент управления трансформациями [13, с. 132]. Но «венесуэльский прецедент», как модель «ситуативной международной легитимности» на базе социального раскола, может создать совершенно новую основу подрыва легитимности власти на базе выявления, организационного структурирования, возможно, на базе коммуникационных технологий и последующей глобальной политической репрезентации через контролируемые США глобальные каналы коммуникаций ситуативных легитимных политических или даже социальных групп, в качестве формально конкурирующих систем по отношению к той или иной государственности, не исключая и российскую¹⁰.

⁹ О феномене «параллельной России» в социальном плане убедительно говорит С. Кордонский [12], но этот социальный феномен имеет своим истоком конкретные экономические процессы, характерные не только для России, но и для других стран, например, с тем же успехом мы можем говорить о «параллельных США», но проявляется не только в «параллельности» социальной жизни, но и формировании особых механизмов взаимодействия социального пространства и политической среды, одной из которых становится эмансипирование общества от политических процессов при резком повышении их информационной доступности.

¹⁰ Важным обстоятельством является история признания Российской Федерации правопреемником СССР в международных органах, произошедшая преимущественно по политическому решению при спорных правовых обстоятельствах. Легитимизация российской власти до принятия Конституции 1993 года происходила по факту признания Российской Федерации правопреемником СССР в

В отношении России Запад близок к переходу к модели комплексного экономико-политического сдерживания с элементами сдерживания военно-политического [14] (носившего в период «холодной войны» наименование containment), которая предусматривает в качестве интегрального компонента разрушение внутренней социально-экономической, а как результат, и социально-политической устойчивости российской государственности. Это приводит к операционной делегитимизации государственности, возможно, как и в конце 1980-х годов — с формированием системы политического двоевластия и конкуренции легитимностей, но в гораздо более динамичном глобальном контексте и на существенно более эффективном уровне коммуникационных манипуляций, используя упомянутый выше фактор существования «параллельной России», которую с использованием современных манипулятивных методов вполне можно трансформировать из чисто социального явления в политическую действительность.

Ключевым выводом из проведенного анализа, вероятно, следует считать констатацию принципиального усложнения формирования государственной легитимности. Принципиально важным в этой связи является вывод российского исследователя Ю.А. Веденеева о том, что источником права, а соответственно, — и легитимности, причем не только внутренней, но и внешней должны быть не только формалистические нормы, но и целый комплекс обстоятельств:

«Правогенез — симбиоз социогенеза и культуругенеза или совместного развития систем нормативных практик и систем исторических языков представлений о должном или недолжном порядке социальных отношений. Право определяет себя не только тем, что является его предметом, но и в том, что и как оно воспринимает в качестве своего предмета» [15, с. 9]. Правогенез в современных информационных условиях будет осложнен особенностями глобального развития информационного общества и его страновых вариантов и степенью деструктивности, формирующихся там процессов.

С этих позиций пространственное развитие России, о котором много говорят в настоящее время и которое должно способствовать преодолению неадекватности структуры внутренней экономики России перспективной архитектуре глобальной экономики [16] и обеспечить устойчивое подключение экономики России к наиболее важным центрам регионализованного экономического роста, должна рассматриваться как *средство не только экономической, но и социальной модернизации, создавая вокруг новых экономических пространств новые социальные и социально-политические*

международных институтах, то есть, источником легитимности были внешние, прежде всего, политические обстоятельства, а не внутренняя социально-политическая консолидация и формирование репрезентативной политической системы. Повторение этой модели в обратном порядке с поправкой на позицию России и КНР происходит сейчас в отношении Венесуэлы. В дальнейшем эта модель «обратной глобальной легитимизации» может быть еще более развита за счет коммуникационно-манипулятивных инструментов и без оглядки на глобальные правовые и политические институты.

пространства, являющиеся источником легитимности для политической власти через гражданскую активность, сопряженную с результативной экономической деятельностью, а не концентрирующуюся только в пространстве социальных коммуникаций.

Пространственное развитие России только тогда может считаться эффективным и осмысленным, если оно обеспечивает укрепление и пространственное расширение (пространственная манифестация, если говорить в терминологии коммуникативистики) нового социально-экономического консенсуса, становясь одним из важнейших источников легитимности власти, причем одновременно обращенным и внутрь России, минимизируя возможности социальных манипуляций, так и во внешне геополитическое и геоэкономическое пространство, укрепляя глобальную легитимность нашей страны. Пространственное развитие является инструментом расширения зоны присутствия не только современных и легализованных экономических отношений, но также и пространства современного «гражданского общества» в различных его проявлениях, сформированного вокруг экономических процессов и до известной степени защищенных от внешних информационных манипуляций.

В то же время встает вопрос о необходимости адаптации нормативно-правовой базы к новому комплексному подходу к управлению внутренним развитием в контексте внешних (политических и экономических) рисков и вызовов. И это — большая задача, требующая отказа от ранее распространенных стереотипов, в частности, о критичности соблюдения формальных норм международного права для получения операционной легитимности и о необходимости подкреплять внутреннюю, вернее, внутренне сформированную легитимность через одобрение.

Список литературы

1. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. Пер. с англ. / Вступительная статья и приложения Г.М. Дерлугьяна. Изд. 2-е, испр. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018. 304 с.
2. Шваб К., Дэвис Н., Технологии четвертой промышленной революции. Пер. с англ. М.: ЭКСМО, 2018. 320 с.
3. Стиглиц Дж. Великое разделение. Неравенство в обществе или Что делать оставшимся 99% населения. Пер. с англ. М.: Эксмо, 2016. 480 с.
4. Кастельс М. Власть коммуникации. Пер. с англ. М.: Издательский дом «Высшая школа экономики», 2016. 564 с.
5. Акерлоф Дж., Шиллер Р. Охота на простака. Экономика манипуляций и обмана. Пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 320 с.
6. Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка. Пер. с англ. М.: Издательство АСТ, 2017. 704 с.
7. Шереметьев Д.В. Мегатренды развития современной миросистемы и интересы безопасности России // Власть. № 1. 2019. С. 133–141.

8. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
9. Манойло А.В. «Дело Скрипалей» как операция информационной войны // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). № 1. 2019. URL: www.vestnik-mgou.ru Цитируется по: Блог Андрея Манойло. Режим доступа: https://www.andreymanoylo.com/single-post/2019/03/17/Дело-Скрипалей?fbclid=IwAR1BHTi9srOuHNXetwHbI JrZ9IRAjfn0jxоT1fn1T2-STycB_z3sP0OyFJg. Дата обращения: 20.04.2019.
10. Манойло А.В., Авдеева Н.В., Лавринов Б.Б. Внешнее вмешательство в выборы как угроза безопасности Российской Федерации // Гражданин. Выборы. Власть, № 3. 2018. С. 58–91.
11. Сурков В. Одиночество полукровки // Россия в глобальной политике. Электронный ресурс. 9 апреля 2018 года. Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/global-processes/odinochestvo-polukrovki-14-19477>. Дата обращения: 03.04.2019.
12. Кордонский С. Промысел и бунт. Вместо бизнеса — промысел, вместо статистики — наблюдения: Социолог Симон Кордонский о параллельной России // Яндекс-Дзен. CODA. Электронный ресурс. 15 марта 2018 года. Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/codaru/promysel-i-bunt-5aaa2184a8673145f483cad>. Дата доступа: 04.04.2019.
13. Ежов Д.А. Демократические выборы и референдумы в условиях трансформации мирового порядка // Гражданин. Выборы. Власть. № 3. 2018. С. 123–135.
14. Dobbins Shatz H., Wyne A. Russia Is a Rogue, Not a Peer; China Is a Peer, Not a Rogue. Different Challenges, Different Responses // Rand Corporation: Perspectives. Expert insights on a timely policy issue. October 2018. Режим доступа: https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE310.html?fbclid=IwAR1Bj3ut8KG2CS3waVfrfjuM_cZyDrmippcMEP28qH79jwP4qCJV99SGAsc. Дата обращения: 10.03.2019.
15. Веденеев Ю.А. Эпистемология права: между догматическим наследием и языком новой аналитики // Гражданин. Выборы. Власть. № 1(11). 2019. С. 17–41.
16. Евстафьев Д. Постглобализация и пространственное развитие России // Эксперт. № 14 (1114). 1–7 апреля 2019 года. С. 70–75.

ПОТЕНЦИАЛ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЦИФРОВОЙ ПУБЛИЧНОЙ УПРАВЛЯЕМОСТИ

***Аннотация.** Управляемость понимается автором статьи как способность государства реагировать на вызовы общественно-политического развития, причем ответственность за результативность и качество современного публичного управления возлагается не только на государство, но и на гражданское общество. Повышение управляемости автор связывает с развитием коммуникации, диалога и сотрудничества в обществе, предлагая понятие «гражданские способности» как деятельностные характеристики граждан в публичном взаимодействии, однако процессы сетевизации и цифровизации общества не только порождают новые возможности для эффективной коммуникации, но и создают угрозы. Гражданская наука (citizen science), как концепция проведения научных исследований с привлечением широкого круга граждан-добровольцев к сбору и обработке информации в самых разных отраслях науки, не только способствует приращению научных знаний и повышению уровня образования, но и обладает значительным потенциалом общественного развития, содействуя совершенствованию гражданских способностей в условиях сетевого, цифрового общества. Автором исследуются ценностные основания гражданской науки и обосновывается важность поддержки ее проектов в современной России в связи с процессами цифровизации общественного пространства.*

***Ключевые слова:** публичная политика, государственная управляемость, гражданское участие, гражданские способности, гражданская наука, цифровое общество, сетевизация.*

POTENTIAL OF CIVIL PARTICIPATION IN ENSURING OF DIGITAL PUBLIC MANAGEMENT

***Abstract.** Governability is understood by the author as the ability of the state to respond to the challenges of social and political development. The responsibility for the effectiveness public administration depends not only on the state, but also on the civil society structures. The author connects the increasing of governability with the development of communication, dialogue and collaboration in the society, suggesting the concept of “civil capacities” as activity characteristics of citizens in public interaction, but the processes of networking*

ВОЛКОВА Анна Владимировна — доктор политических наук, доцент, доцент кафедры политического управления, Председатель научной комиссии в области политических наук факультета политологии Санкт-Петербургского Государственного университета (СПбГУ), г. Санкт-Петербург
***Сведения о поддержке.** Исследование выполнено по гранту РФФИ 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости»*

and digitalization of society not only generate new opportunities for effective communication, but also create threats. Citizen science as a concept for conducting scientific research involving a wide range of volunteer citizens in collecting and processing information in various fields of science not only contributes to the growth of scientific knowledge and education, but also has significant potential for social development and contributes to the improvement of civil capacities in a networked, digital society. The author researches the value bases of citizen science and substantiates the importance of supporting citizen science projects in contemporary Russia in connection with the processes of digitalization of society.
Keywords: public policy, governability, civil participation, civil capacities, citizen science, digital society, networking.

Процесс цифровизации затрагивает сегодня все аспекты жизни человека: он порождает исключительные возможности, меняет привычки, способы коммуникации, социализации и самоидентификации граждан. Сетевизация и цифровизация общества оказывают серьезное влияние на языковые практики, а по сути — трансформируют ценностно-смысловую парадигму современного общества.

Концепция государственной управляемости возникла в 1970-х годах. Как один из вариантов ответа на кризис государства всеобщего благосостояния она вновь актуализировалась в контексте менеджеральных административных реформ на рубеже веков и приобрела особое значение в связи с процессами цифровизации общественных процессов в начале XXI века. В последующие три десятилетия она эволюционировала под влиянием новых информационно-коммуникационных технологий. Информационно-коммуникационные технологии первого, второго и третьего поколений определили государственную управляемость с функциональной (электронные публичные услуги), организационной (электронное участие) и коммуникативной (мониторинговая демократия) позиций. Теоретический фундамент данного исследования составляют такие концепции, как «governance» и сетевая теория публичного управления, обеспечившие радикальную концепцию «управление без правительства». Курс на интенсификацию цифровизации общества порождает ряд научных проблем и, прежде всего, проблему неопределенности политико-институциональной природы цифровых технологий и выбора адекватных дизайнов совместимости этих технологий с государственным управлением для обеспечения управляемости публичной сферой.

Современный интерес к сетевому цифровому публичному управлению связан с теми значительными возможностями в развитии различных форм гражданского участия и гражданского контроля, которые оно стимулирует. В связи с развитием сетевой методологии все большее значение начинают приобретать исследование практики внедрения новых информационных технологий, основанных на Web 1.0, 2.0 и 3.0. За счет высокой степени охвата и вовлечения граждан, обеспечения открытости (прозрачности) процедур и коммуникативных практик, формирования сетевой культуры и этики

цифровое публичное управление преодолевает границы национальных государств и культурных стереотипов.

Сегодня институты государственного управления испытывают серьезное давление со стороны общественности с ее постоянно растущими требованиями, с запросами на справедливость, равенство, сотрудничество и доверие. Движение «желтых жилетов» во Франции, ситуация с президентскими выборами 2019 года на Украине, проявления сетевой «коммуникативной власти» гражданского общества придают дискуссии о государственной управляемости новые оттенки и смыслы: она выступает критерием успеха стратегии административных реформ и государственного управления в целом, а также актуализирует проблемы ответственности и сотрудничества власти и общества в условиях цифровизации. Следует выделить, по крайней мере, два основных аспекта исследований управляемости сегодня: способность правительств эффективно и законно реагировать на запросы сегментированного (в плане интересов) общества, и адаптация к активности самоорганизующегося гражданского общества, которое повышает свою сплоченность и стремится (в отдельных случаях) стать контр-властью для правительства.

Среди множества коммуникативных общественных инноваций гражданская наука (*citizen science*) обладает значительным своеобразием и, на наш взгляд, ее потенциал как значимого стимула общественного развития сегодня недостаточно исследован. Гражданская наука — это концепция, в рамках которой к исследованиям привлекаются добровольцы, а веб-краудсорсинг и волонтерство дают им возможность поучаствовать в серьезных исследовательских проектах и программах. Примечательно, что в зарубежной научной литературе гражданской науке, ее видам, функциям, значению уделяется существенное внимание, в то время как для отечественных социальных наук тема является новой.

Единого определения гражданской науки нет. Оксфордский словарь английского языка определил ее как «сбор и анализ данных, относящихся к миру природы, представителями широкой общественности, как правило, в рамках совместного проекта с профессиональными учеными» [https://en.oxforddictionaries.com/definition/citizen_science]. Идея участия в научных исследованиях любителей, самоучек, подвижников не нова, но базируясь на таких ценностях, как *знание, сотрудничество, доверие и взаимопомощь*, гражданская наука стала возможна как массовое явление, благодаря процессу сетевизации общества и технологическим достижениям. Внедрение портативных технологий, таких как GPS и обработка изображений, позволяет любознательным неспециалистам с помощью смартфонов принимать участие в сборе данных. Такая деятельность рядовых граждан (разного возраста, уровня образования, социального статуса) наряду с социальными сетями, связывающими людей во всем мире, означает, что профессиональным ученым-исследователям может помочь большая команда, организованная по сетевому принципу.

За последние 20 лет во всем мире возникли тысячи гражданских научных проектов с участием миллионов участников в сборе и обработке данных. Лидирующие позиции — у естественных наук, которые сделали ставку на обычное любопытство человека и на его стремление наблюдать за окружающим миром и явлениями природы (начиная от растений и птиц возле своего дома до гражданских обсерваторий для эффективных наблюдений за планетами). Наличие персональных гаджетов наряду с возможностями, представленными сетевизацией и цифровизацией, позволяют фиксировать, документировать и мгновенно передавать полученную информацию, а заинтересованным научным структурам — обобщать и систематизировать большие объемы данных, что дает основания говорить о гражданской науке как об исследовательской революции [1;2].

Гражданские научные проекты повышают осведомленность общественности о разнообразии научных исследований и дают более глубокие знания для увлеченных участников, что соответствует современной идеологической установке на формирование институтов общественного развития и стратегию инклюзивного роста, подразумевающую улучшение положения людей, в том числе, за счет подключения их к сетям, которые делают их более успешными. Важно, что гражданская наука акцентирует внимание социума на социально значимых направлениях и выполняет важную пропагандистскую функцию, обеспечивая внимание граждан всего мира к экологическому мониторингу, вопросам рационального использования природных ресурсов [3].

Потенциал гражданской науки в социально-политических процессах состоит также в том, что она может внести позитивный вклад в формирование общественного благополучия через обеспечение общественного консенсуса и солидаризацию общества, как, к примеру, часто бывает при принятии локальных решений по экологическим проблемам [4;5;6]. Улучшение социального климата происходит и за счет изменения мнения граждан, участвующих в проектах гражданской науки, о ценности своего голоса и повышения их самооценки. Многие участники проектов реализуют свои мечты, присоединяясь к глобальным исследованиям НАСА, участвуя в изучении Марса или поисках захоронения Чингисхана, поскольку сетевая коммуникация раздвигает границы возрастных или территориально-государственных ограничений. В пространстве Европейского Союза гражданская наука развивается как область исследований с участием различных дисциплин, содействуя инновациям в науке, обществе и политике. Европейцы делают акцент на том, как новые и традиционные способы работы граждан с учеными могут обеспечить преобразующий потенциал для усиления гуманитарно-политического и социального воздействия, технического прогресса, повышения научной грамотности и расширения гражданских прав и возможностей в современных обществах. Такие проекты зачастую организованы по принципу «мозгового штурма»: они обеспечивают обмен

разумными идеями, прорывными технологиями и знаниями, формируют новую проблематику и новый спектр проблем и вопросов исследования.

Гражданские научные проекты обладают значимым потенциалом развития взаимодействия структур различных научных дисциплин, образования, бизнеса, государственных структур и гражданских активистов. Это — возможности актуализации ряда экологических проблем [6] или, к примеру, поиски стратегий развития современных мегаполисов, особенно в случаях конфликта интересов.

Коллективные поля коммуникации, создаваемые гражданской наукой, могут открыть возможности как для профессиональных, так и для добровольных партнеров. К примеру, возникает эффект социального обучения или «научения»: люди приобретают опыт, вовлекаются в процесс сотрудничества, учатся сотрудничать, задумываются о своей деятельности в контексте постановки общезначимых целей и публичных ценностей, получают навыки выработки коллективных суждений и, тем самым, развивают свои персональные, личностные и гражданские способности.

Именно с этих позиций для России проекты гражданской науки представляют интерес и обладают значительным потенциалом общественного развития и социального обучения. Сегодня в нашей стране краудсорсинг развивает начала децентрализации и демократизации [7], базируется на таких публичных ценностях, как *сотрудничество* и *доверие*, оказывает поддержку принципиально важным государственным или гражданским инициативам по информированию, консультированию, кооперации и взаимопомощи. Инициатива по развитию этого направления исходила от государства, поскольку оно обеспечивает институциональные рамки такого взаимодействия. Примерами могут послужить информационно-коммуникационные площадки и отдельные гражданские проекты, возникающие спонтанно и благодаря энтузиазму отдельных людей, желающих принимать участие в публичном управлении и улучшении работы органов власти. Эти проекты помогают гражданам защищать свои интересы. Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество», разработанная для создания целостной и эффективной системы использования информационных технологий, и принятая распоряжением Правительства России № 815-р от 20 октября 2010 года, позволила достичь следующих результатов:

- выросла средняя степень информационной открытости федеральных органов власти;
- увеличивается количество услуг полного цикла (есть возможность осуществлять платежи и оплачивать штрафы с помощью мобильных телефонов);
- федеральные органы власти перешли на систему электронного взаимодействия при оказании услуг гражданам;
- созданы единая система идентификации и аутентификации, сервис проверки сертификатов и ключей электронной подписи.

Благодаря реализации программы повышается значение такой ценности, как подотчетность в деятельности государственного аппарата и муниципальных структур: любые решения становятся более доступными для критики со стороны общества. Государство приходит к пониманию того, что интересы граждан уже невозможно не учитывать в принятии тех решений, которые прямо направлены на проблемы взаимодействия с обществом, иначе возможности информационно-коммуникационных технологий могут быть использованы в деструктивных целях. В то же время потребности и запросы гражданского общества зачастую опережают готовность государства идти на контакт, что порождает параллельную электронную реальность, которая уже проявляла себя в ходе электоральных циклов 2011–2012 и 2018 годов. В публичной политике социальные сети могут быть признаны одним из эффективных видов связи государства и гражданского общества, но их нельзя воспринимать в качестве завершённых образований; они являют собой процесс, предполагающий перманентное развитие инновационных решений, постоянную работу над проводимыми мероприятиями, поиск новых коммуникационных каналов и социальное научение.

На этапе информатизации, когда обмен знаниями и технологиями становится жизненно важным для развития каждой организации, отрасли и национальных экономик, приходит понимание необходимости управления знаниями и социально-информационными процессами. Идея таких современных сетевых проектов (в Санкт-Петербурге примерами могут быть «Северо-Запад — новое гуманитарное измерение» или «Балтика. Паруса мира») состоит в том, что культурные ресурсы могут стать точкой роста для современных программ развития территорий, качественного улучшения среды и уровня жизни и даже налаживания трансграничного сотрудничества.

Установка на *понимание*, режим горизонтальной коммуникации, принципиальная *открытость, прозрачность, доверие, способность к кооперации, соучастие* — все это в отдельности и в совокупности относится как к практике организационного управления, так и к *этическому императиву*. Благодаря сетевым организациям в публичной сфере открываются новые возможности для развития гражданского общества, преодоления личностной изоляции граждан, фрагментации общества, ангажированности органов государственной власти, неразвитости социальных коммуникаций. Современное развитое гражданское общество — это сетевое гражданское общество, характеризуемое Ю. Хабермасом открытостью, установлением широких, многомерных связей коммуникации, спонтанностью, свободным формированием, текучестью. В широком смысле свою воспитательную функцию гражданское общество выполняет с помощью продуцирования в обществе этических норм и правил. Оно формирует основные нравственные добродетели людей, способствует выработке цивилизованного поведения и социальной ответственности, что позволяет современным исследователям говорить о «коммуникативной власти гражданского общества» [7].

Неслучайно, что в европейской политической науке сегодня так популярны исследования гражданских добродетелей: «способность и спонтанная готовность граждан к продуктивной деятельности составляют жизненные силы основы свободного общества» [8, с. 48]. Иными словами, есть понимание того, что ответственность за эффективность публичного управления не определяется одними только способностями государства, — часть ответственности за управляемость, результативность и качество управления возлагается на гражданское общество. Среди исследователей континентальной Европы в качестве одного из направлений поиска проследивается стремление актуализировать «публичное» в связи с исследованиями публичных ценностей, то есть исследовать и развивать потенциал прямого участия граждан для оказания ими помощи в определении и понимании общественных ценностей. Фактически, они провозглашают движение в сторону делиберативной демократии в условиях сложности и плюральности публичного пространства [9].

Резюмируя эти исследования, можно отметить, что сегодня общественные (а не индивидуальные и «клиентские») ценности воспринимаются в качестве основы государственного управления, они определяют публичное пространство и содействуют достижению публичного блага. Но они же провоцируют повторяющиеся конфликты, так как в плюралистическом (сложном) обществе ценности отдельных лиц и групп часто противоречат друг другу, кроме того, разные люди в разное время и при разных обстоятельствах могут поддерживать разные ценности.

Для России актуальны и проблема изначальной вовлеченности граждан в публичность, и налаживание системы гражданских контактов с помощью средств электронной коммуникации. В связи с этим необходимым представляется постановка вопроса об исследовании состоятельности гражданского общества (или гражданских способностей). Это понятие близко по звучанию юридическому термину «гражданская правоспособность», понимаемая как «способность иметь гражданские права и нести обязанности», то есть — как способность быть субъектом этих прав и обязанностей, возможность иметь любое право или обязанность из предусмотренных или допускаемых законом. Согласно Гражданскому Кодексу РФ, правоспособность признается за всеми гражданами страны, она неотделима от человека, поскольку возникает в момент его рождения и прекращается с его смертью. Но понятие «гражданская правоспособность» является узкоспециализированным и недостаточным с точки зрения возможности его использования при анализе социально-политических процессов и оценки уровня развития гражданского общества.

Дж. Ролз употребляет понятие «гражданственность» или «цивильность» («civility») и описывает его так: «Эта обязанность включает готовность выслушать другого человека и благородную склонность, если дело к тому идет, принять решение о разумности уступок по отно-

шению к взглядам другого» [Цит. по 10, с. 47]. Идея о состоятельности граждан в смысле их созидательной общественной силы граждан. Так Ю. Хабермас предлагает понятие «гражданственное поведение (*ziviles Verhalten*)», которое «выступает скорее в модусе решения поведенческих конфликтов», в то время как толерантное поведение рассчитано на их предотвращение [10, с. 47]. В связи с проблемой управляемости государства возможно использование понятия «состоятельность граждан», ведь общественное благо зависит от работы, от усилий, от порядочности граждан, действующих не по распоряжению государства, а по собственной инициативе, по собственному плану [8, с. 45].

Мы будем понимать *гражданские способности* в качестве деятельностных характеристик граждан в публичном взаимодействии [11] (и важный фактор повышения управляемости государства в условиях цифровизации), предполагающих:

- способность дискутировать и формировать публичные ценности;
- умение формировать позитивную политическую повестку;
- сотрудничать на горизонтальном уровне, развивая социальный капитал гражданского общества в целом, а не только его отдельных групп;
- взаимодействовать с органами государственного управления в целях повышения эффективности публичного управления;
- использовать и продвигать гуманитарные (а не манипулятивные) технологии взаимодействия;
- проявлять протестную активность в рамках правового поля.

Формирование и развитие гражданских способностей в современных условиях — процесс неоднозначный, поскольку процессы сетевизации и цифровизации общества, наряду с новыми возможностями, таят в себе и новые угрозы. Несмотря на популярность идеи гуманитарного мышления, на пропаганду личностной (социальной, гражданской, интеллектуальной) свободы и знания, большинство исследователей при анализе современного политического процесса в качестве основной проблемы выделяет господство манипулятивных технологий различного уровня, в том числе и господство таких же коммуникативных стратегий как основного инструмента управления публичной политикой. Важно отметить, что управляемой становится сама социальная история человечества. «Целенаправленное формирование представления о содержании исторического процесса понимается двояко. С одной стороны, как факт регулирования социальных отношений современности и отражение его в головах масс участников; с другой стороны — как изменение представления об уже имевших место исторических событиях, явлениях и процессах» [12, с. 45]. Несмотря на формализованную в ряде государственных программ в России ориентацию на развитие гуманитарного типа мышления и гражданских способностей, манипулятивные коммуникационные технологии в условиях цифровизации выходят на новый организационный уровень.

* * *

Только возникнув, гражданская наука, приобрела как сторонников и последователей, так и значительное число критиков. Дискуссия по проблеме существования и о перспективах ее развития является достаточно острой, хотя и разворачивается преимущественно в Интернете. Вопросов много: действительно ли граждане могут доверять заявленным в исследовательских проектах целям; не возникнут ли в этом направлении манипуляторные практики; где гарантии защиты от обмана или введения в заблуждение граждан? Тем более что ряд исследований (составление карт, взятие проб воды или почвы) могут иметь отношение к государственной тайне и противоречить принципам национальной безопасности. Наконец, возникает ряд морально-этических проблем, связанных с правомерностью и этичностью использования неоплачиваемого труда граждан (налогоплательщиков) академическими структурами или научными коллективами, которые получают от государства деньги, как в форме зарплат сотрудников, так и в форме различных правительственных и неправительственных грантов. Отвечая на эту критику, организаторы проектов гражданской науки разрабатывают систему нематериальных поощрений для гражданских активистов (предоставление информации, приглашения на университетские лекции, распространение электронных книг и иных информационных ресурсов и т.д.).

В заключение следует отметить несколько существенных моментов:

1. Современные вызовы обусловили интерес к проблеме управляемости государства, спровоцировав острую дискуссию по вопросу исследования его функциональной состоятельности и оценки способностей (компетенций) в теории и практике государственного управления, в том числе в связи с проблемой формирования публичных ценностей. Можно утверждать, что управляемость государства сегодня определяется его способностью организовать эффективный коммуникативный процесс с гражданским обществом для определения системы публичных ценностей [13] и повышения эффективности публичного управления.

2. Сетевизация и цифровизация общества предъявляют новые требования к компетенциям современного человека и выводят на первый план его способности к поиску нестандартных решений в условиях многозадачности, нелинейности и бесконечности потоков информации.

3. Феномен гражданской науки, возникший во многом благодаря распространению социальных сетей и цифровизации общества, важен как в плане развития форм социального взаимодействия, так и для научного изучения. Перспективы этого исследования обусловлены тем, что наряду с повышением уровня образования и интереса к науке, проекты гражданской науки способствуют приобретению опыта публичного согласования интересов, формированию общей системы ценностных ориентиров, а также предполагают совместную ответственность не только за результат конкретного

научного проекта, но и за свою территорию проживания, и шире — за всю планету, если принять во внимание экологические проекты межгосударственного масштаба.

4. Несмотря на то, что далеко не все существующие гражданские научные проекты предназначены для достижения большей степени общественного понимания науки, социальных изменений или улучшения отношений между наукой и обществом, эти проекты выступают стимулами повышения гражданской активности, гражданского сотрудничества и ответственности. Возникает вопрос о возможности и перспективах расширения проблемного поля гражданской науки и активизации проектов в социально-политической сфере. Представляется, что наиболее перспективными направлениями для гражданской науки в политической сфере являются вопросы развития территорий и стратегическое планирование, «умное регулирование», процедуры оценки регулирующего воздействия и электоральные исследования.

Список литературы

1. Bonney R., Phillips T.B., Ballard H.L. and Enck J.W. 2016. Can citizen science enhance public understanding of science? *Public Understanding of Science*, 25(1): 2–16. DOI: <https://doi.org/10.1177/0963662515607406>.
2. Bull R., Petts J. and Evans J. 2008. Social learning from public engagement: dreaming the impossible? *Journal of environmental planning and management*, 51(5): 701–716. DOI: <https://doi.org/10.1080/09640560802208140>.
3. Chapman C. and Hodges C. 2017. Can Citizen Science Seriously Contribute to Policy Development?: A Decision Maker’s View. In: Luigi, C. and Jaume, P. (eds.), *Analyzing the Role of Citizen Science in Modern Research*, 246–261. Hershey, PA, USA: IGI Global. DOI: <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-0962-2.ch012>.
4. Hecker S., Bonney R., Haklay M., Hälker F., Hofer H., Goebel C., Gold M., Makuch Z., Ponti M., Richter A., Robinson L., Iglesias J.R., Owen R., Peltola T., Sforzi A., Shirk J., Vogel J., Vohland K., Witt T. and Bonn A. 2018. Innovation in Citizen Science – Perspectives on Science-Policy Advances. *Citizen Science: Theory and Practice*, 3(1): 4, pp. 1–14, DOI: <https://doi.org/10.5334/cstp.114>.
5. Lawrence A. 2006. “No personal motive?” Volunteers, biodiversity, and the false dichotomies of participation. *Ethics Place and Environment*, 9(3): 279–298. DOI: <https://doi.org/10.1080/13668790600893319>.
6. Peltola T., Akerman M., Bamberg J., Lehtonen P. and Ratamäki O. 2017. Emergent publics and affects in environmental governance. *Journal of Environmental Policy and Planning*. DOI: <https://doi.org/10.1080/1523908X.2017.1343135>.
7. Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. Сетевая публичная политика: контуры предметного поля // *Полис. Политические исследования* 2017. № 2. С. 82–102.
8. Иензее Й. Гражданская свобода и гражданская добродетель — важнейшие условия функционирования демократической общности // *Политическая*

- философия в Германии: сборник статей / Под ред. Изензее Й., М.: Современные тетради. 2005. С. 43–52.
9. Bartels K. Public Encounters: the History and Future of Face-to-face Contact between Public Professionals and Citizens // Public Administration. 2013. 11 February. DOI: 10.1111/j.1467-9299.2012.02101.x.
 10. Хабермас Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий // Социс. 2006. № 1. С. 40–49.
 11. Волкова А.В. Управляемость государства и гражданская состоятельность // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 4–1 (42). С. 44–47.
 12. Карасев В.И. Право и политика в демократическом обществе: некоторые аспекты методологии и теории современного исследования // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 1. С. 42–65.
 13. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона / Перевод с англ. А. Захарова. М.: Московская школа политических исследований, 2002. 302 с.

С.В. ВОЛОДЕНКОВ
В.В. МИТЕВА

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ МОДЕЛЕЙ МАССОВОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЭВОЛЮЦИИ ТЕХНОЛОГИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

***Аннотация.** Статья посвящена особенностям трансформации моделей массового потребления информации в связи с интенсивным внедрением в современную политическую практику цифровых информационно-коммуникационных технологий. В работе показано, что на сегодняшний день в современном обществе сформирован запрос на простые объяснительные медиа-модели политической реальности. С развитием цифровых технологий появляются серьезные возможности для таргетирования информационно-коммуникационного воздействия, что позволяет создавать индивидуальные «информационные капсулы», максимально учитывающие ценностно-смысловые и поведенческие особенности конкретных индивидов и групп людей. Сделан вывод о том, что данные возможности определяют существенное увеличение манипуляционного потенциала цифровых информационно-коммуникационных технологий в сфере современного политического управления.*

***Ключевые слова:** массовое сознание, цифровая коммуникация, медиа-модели реальности, политическое управление, Big Data.*

THE TRANSFORMATION FEATURES OF MODELS OF MASS INFORMATION CONSUMPTION IN THE CONDITIONS OF POLITICAL COMMUNICATION TECHNOLOGIES EVOLUTION

***Abstract.** This article is devoted to the peculiarities of transformation of mass consumption models of information in connection with the intensive introduction of digital information and communication technologies into contemporary political practice. The paper shows that today in contemporary society a request has been formed for simple explanatory media models of political reality. With the development of digital technologies, there are serious opportunities for targeted information and communication influence, which allows creating*

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва
МИТЕВА Виктория Валентиновна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

individual “information capsules” that take maximum account of the value-semantic and behavioral characteristics of specific individuals and groups of people. The paper concludes that these opportunities determine a significant increase in the manipulative potential of digital information and communication technologies in the field of contemporary political governance.

Keywords: *mass consciousness, digital communication, media models of reality, political management, Big Data.*

На сегодня можно констатировать факт, что в мире сформировалось глобальное пространство массового потребления медиапродуктов — заменителей реальности, обладающих такими характеристиками как удобство, высокая скорость и низкая стоимость потребления, а также привлекательность контента, доступность и распространенность «точек потребления». Такие медиазаменители, которые быстро, просто и непротиворечиво объясняют социально-политическую реальность, транслируются в массовое сознание в разнообразных видах — как общественно-политические ток-шоу, информационные, новостные и аналитические теле- и радиопрограммы, публикации в печатных СМИ, а также на онлайн-площадках.

Проблема появилась не вчера. Английский литератор Самюэль Батлер в середине XIX века писал о том, что «общественность покупает свои мнения так же, как покупают молоко, потому что это дешевле, чем держать собственную корову. Только тут молоко состоит в основном из воды» [1]. В свою очередь, американский социолог Джордж Ритцер в конце XX века в работе «Макдональдизация общества» показал глобальный тренд в современном общественном развитии на рационализацию как процесс постоянного увеличения «калькулируемости» и управляемости поведением индивидов и институтов. При этом «макдональдизация» процессов потребления направлена на выработку и поддержание эффективных технологий и практик управляемого функционирования современного общества [2].

В пространстве современной публичной политики проблема выбора содержательных целей уступает место вопросу эффективности достижения целей. А современная медиаиндустрия и глобальный интертеймент в лице телевизионных каналов, прессы, радиостанций, общественно-политических и информационных интернет-ресурсов ориентируются в первую очередь на «сбыт» массовых медиапродуктов.

И следует отметить, что спрос на объяснительные медиапродукты на социально-политическом рынке весьма высок. При этом массовый потребитель, как правило, не задается вопросами о качестве продукта, будучи поглощенным непосредственно процессом комфортного потребления. Применительно к медиаиндустрии таким продуктом становятся так хорошо всем знакомые теле- и радиопрограммы, а также публикации в прессе и Интернете.

Ведущие СМИ, по сути, функционируют в формате генераторов моделей квази-действительности, предлагая конечному потребителю ограниченную линейку медиапродуктов для создания иллюзии свободы выбора источников информации о социально-политической реальности, за которой скрывается рационально сконструированная архитектура управляемого выбора из весьма ограниченного набора альтернатив. Большинству потребителей доступен лишь ограниченный пул популярных телеканалов с таким же ограниченным пулом программ (что справедливо и по отношению к радиостанциям, печатным СМИ, интернет-изданиям), которые транслируют опять же строго лимитированный набор объяснительных медиаконцепций, «разъясняющих» массовому потребителю в максимально доступной и легкой форме содержание и особенности актуальной социально-политической повестки. При успешном осуществлении цензуры объяснительная медиаконцепция может оказаться вообще единственной.

При этом речь идет не столько о формировании, но в большей степени об удовлетворении уже существующего массового спроса на такого рода «объяснительный товар». Как говорил один из создателей корпорации Apple Стив Джобс, «когда ты молод и смотришь телевизор, то думаешь, что телекомпании сговорились и хотят сделать людей тупыми. Но потом ты взрослеешь, и приходит понимание: люди сами этого хотят. И это гораздо более пугающая мысль. Заговор — это не страшно. Ты можешь пристрелить ублютков, начать революцию! Но нет никакого заговора, телекомпании просто удовлетворяют спрос»¹. «Макдональдизация» сферы публичной политики является мощнейшим глобальным трендом, направленным на сужение горизонтов суждений и массовых представлений о социально-политической реальности. По сути, речь идет о формировании пула пользующихся популярностью и высоким уровнем доверия «медиаизоляторов», в которых обеспечивается регулярное «питание» «заключенных», которые при этом не осознают ограничения своей собственной свободы. При этом даже существует своего рода «меню» из доступных для потребления средств массовой информации, способное разнообразить потребительский рацион.

Безусловно, в подобных условиях желание «приготовить собственное блюдо» неумолимо исчезает, равно как и соответствующие этому желанию навыки и возможности. Готовый «медиабургер» можно получить быстрее и дешевле, а зачастую — вообще бесплатно. Таким образом, происходит глобальный переход к цивилизации «человек медийный», в которой массовый спрос на сложные аналитические тексты, требующие размышления и формирования собственного мнения, неуклонно снижается. Наоборот, максимально визуализированный контент в развлекательном формате с минимальной аналитической составляющей, мгновенно предлагающий

¹ Hadley Stern. Steve Job's Stanford Commencement Address. URL: http://www.applematters.com/article/steve_jobs_stanford_commcement_address (дата обращения 15.03.2019).

готовые и привлекательные мнения и суждения о различных процессах и явлениях в сфере экономики и политики, становится все более востребованным со стороны масс.

Сегодня как никогда ранее становятся актуальными слова американского писателя Чака Паланика: «Большой брат не следит за тобой. Большой брат поет и пляшет. Достает белых кроликов из волшебной шляпы. Все время, пока ты не спишь, Большой брат развлекает тебя, отвлекая внимание. Он делает все, чтобы не дать тебе время задуматься. Он делает все, чтобы тебя занять. Он делает все, чтобы твоё воображение чахло и отмирало. Пока окончательно не отомрет. Превратится в бесполезный придаток типа аппендикса. Большой брат следит, чтобы ты не отвлекался на что-то серьёзное. Но лучше бы он следил за тобой, потому что это значительно хуже, когда в тебя столько всего пихают. Когда столько всего происходит вокруг, тебе уже и не хочется думать самостоятельно. Ты уже не представляешь угрозы. Когда воображение атрофируется у всех, никому не захочется переделывать мир»².

Сможет ли Homo Sapiens в будущем сохранить свои традиционные возможности и способности познания реальной действительности, отстаивать право на собственные мнения и суждения, не являющиеся «скалькулированным» результатом внешнего информационно-коммуникационного воздействия — весьма важный и актуальный вопрос в аспекте рассуждений об эволюционных трендах современного общества.

При этом современные технологии коммуникации во многом определяют специфику распространения и формы потребления информации, позволяя в совершенно немыслимых ранее форматах осуществлять информационно-коммуникационное взаимодействие между конечными пользователями.

Под массовыми политическими коммуникациями в современном обществе мы понимаем системные процессы разнаправленной конкурентной трансляции контента с целью формирования виртуального пространства ценностей, смыслов, идей, образов и представлений, касающихся ясного и объективного восприятия всеми взаимодействующими участниками информационно-коммуникационных отношений социально-политической реальности и происходящих в ней процессов и явлений.

В процессе современного политического управления, основой которого и выступает массовая коммуникация, эти цели — одни из ключевых.

При этом само общество становится активным потребителем моделей медиареальности, предлагаемых в информационном пространстве, и использует в качестве основного (как правило, единственного) источника знаний о реальной социальной действительности средства массовой коммуникации, транслирующие ценностно-смысловой контент в общественное сознание.

В целом можно говорить о том, что в условиях современного информационного общества уже сформировалась устойчивая и глобальная среда

² Паланик Ч. Колыбельная. М.: АСТ, 2003. 285 с.

массового потребления виртуальных образов, представлений и смыслов, которые не просто выступают заместителями реальных, а приобретают собственную самостоятельную ценность, которая, в свою очередь, также виртуальна.

«Человек коммуникационный» живет за счет постоянного обмена информацией с внешней средой, который ему жизненно необходим. При этом новые средства и технологии массовой коммуникации (включая и цифровые) непосредственным образом могут влиять на изменение нашего восприятия окружающей реальности. Средства хранения и передачи информации не являются нейтральными, а «способ организации и передачи наших знаний о мире сильнейшим образом влияет на природу восприятия мира и то, каким образом мы познаем мир» [3, с. 14]. Данное представление во многом созвучно известному маклюэновскому выражению «the medium is the message» (средство коммуникации — это сообщение). И «...поскольку коммуникации являются жизненно важной частью человеческого существования, постольку любые изменения в способах коммуникации имеют существенные последствия для распределения власти внутри общества, для изменения индивидуального и социального сознания, а также для пересмотра общественных ценностей» [4, с. 64].

Детальное рассмотрение актуальной политической практики позволяет выявить происходящий технологический перелом в сфере массовой трансляции политического контента. Речь идет об окончательной победе онлайн-ресурсов социальных медиа над традиционными СМИ, доминирование которых в пространстве публичной политики еще недавно казалось незыблемым.

Анализ проведенной штабом Дональда Трампа информационной интернет-кампании позволяет сделать ряд важных выводов, которые во многом объясняют электоральный эффект, вызванный агитационно-пропагандистской работой в пространстве социальных медиа. И здесь надо сказать о SMM-технологиях (от англ. Social Media Marketing — привлечение внимания к продукту или явлению с помощью социальных медиа).

В первую очередь следует отметить, что в отличие от традиционных медиа, имеющих вполне определенную политическую ориентацию, а также четко зафиксированную и устойчивую аудиторию потребителей информации, социальные медиа позволили SMM-специалистам Д. Трампа получить ключи доступа к такой важнейшей электоральной аудитории, как неопределившиеся. Как показывают результаты электоральных исследований последних лет, доля тех, кто не имеет четкой позиции по отношению к той или иной политической силе, кандидату, партии и так далее, как правило, составляет весьма значительную долю электората. Президентские выборы в США не стали исключением.

Возможности практически точечного таргетинга, которые представляют ресурсы социальных медиа, позволили четко транслировать необходи-

мый политический контент в сознание целевых аудиторий неопределившихся, подобно боеголовке с лазерным наведением, в отличие от традиционных медиа, имеющих широкий охват, но не позволяющих осуществлять настолько «узкий» таргетинг. Возможности такого рода «снайперской» работы позволили штабу Д. Трампа успешно осуществить эффективное сценарирование пропагандистских кампаний с максимальным учетом особенностей моделей восприятия, потребностей, ожиданий и структуры информационного потребления целевых аудиторий коммуникационного воздействия.

Точному попаданию пропагандистского контента в мишень, то есть в сознание целевых аудиторий, способствовало и применение технологических решений, заключавшихся в своего рода хантинге — выслеживании целевых интернет-пользователей и их профилировании с использованием методов анализа пользовательского поведения в Сети с последующей незамедлительной таргетированной информационной атакой на них со стороны SMM-специалистов штаба Д. Трампа. При этом речь в данном случае уже идет не только об аудитории неопределившихся, которая, по нашему мнению, и сыграла решающую роль в победе нового американского президента, но и о целевых электоральных аудиториях Хиллари Клинтон, в отношении которой была проведена успешная контрпропагандистская кампания, направленная на дискредитацию соперницы Трампа именно внутри ее электорального ядра, что предотвратило возможный рост электоральных рейтингов Х. Клинтон среди традиционно лояльных к демократам избирателей.

С высокой степенью вероятности подобный успех Д. Трампа привлечет внимание к сетевым технологиям массовой политической коммуникации и российских специалистов, еще недавно в большинстве своем свысока наблюдавших за попытками отдельных политиков и партий вести электоральную борьбу в интернет-пространстве. Остаточный принцип, по которому задействовались ресурсы социальных медиа в большинстве отечественных политических кампаний, вероятнее всего, будет изменен в ближайшем будущем. И хотя ориентация на главный доминирующий в России медиаресурс — «телевизор» — в определенной степени сохранится, тем не менее ответственные за проведение президентских выборов специалисты явно не будут готовы повторить путь Клинтон и ее штаба и, очевидно, извлекут соответствующие уроки из прошедшей в США президентской кампании, что неминуемо приведет к формированию новых групп «цифрового влияния» на российский электорат в тех или иных форматах.

Безусловно, в нашей стране имеется собственная специфика сетевого пространства, начиная от неравномерного доступа к интернет-ресурсам (и вообще их востребованности) в различных регионах России, особенно на Дальнем Востоке, и заканчивая традиционно низкой технологичностью предыдущих политических кампаний, в рамках которых использовались

социальные медиа. Однако, если учесть тот факт, что протестный и потенциально протестный электорат, состоящий в значительной степени из молодежи и представителей среднего класса, обитает в первую очередь в мегаполисах и крупных городах с развитой интернет-инфраструктурой и способен оперативно мобилизовываться посредством ресурсов социальных медиа (что весьма ярко было продемонстрировано на примере целого ряда цветных революций последних лет), мы можем с определенной степенью уверенности предположить, что в ближайшие годы нас ожидает существенная активизация политического потенциала Рунета со стороны соответствующих интересантов. Причем как в аспекте привлечения дополнительных электоральных групп из числа неопределившихся, так и в аспекте демобилизации протестных групп интернет-пользователей и их перевода в разряд «умеренных» и «нейтральных», что с позиций политической стратегии представляется весьма перспективным.

Говоря о высоком потенциале и перспективах применения современных технологий цифровой коммуникации в онлайн-пространстве в рамках политических кампаний, следует отметить и «обратную сторону медали». Так, эксперты чаще обращают внимание на то, что социальные медиа все в большей степени начинают выступать в качестве источника серьезных рисков, вызовов и уязвимостей. Одна из таких проблемных компонент — активное использование персональных данных онлайн-пользователей. Эта информация может применяться в сетевом пространстве для эффективного воздействия на граждан с учетом личностных особенностей каждого [5; 6; 7; 8; 9].

По сути, речь идет о сборе и применении заинтересованными силами массивов информации, описывающих ключевые характеристики пользователей, включая их предпочтения, особенности психотипа, специфику моделей поведения. Например, компания Cambridge Analytica, которая специализируется на анализе Big Data, принимала активное участие в формировании массовых настроений в кампании по выходу Великобритании из Евросоюза. В США за последние три года она участвовала в 44 выборах различного уровня. Эта фирма, только по официальным данным Facebook, получила профили 87 млн пользователей данной социальной сети из США, Филиппин, Индонезии, Великобритании, Мексики, Канады, Индии, Бразилии, Вьетнама и Австралии. Такие данные активно использовались в ходе политических кампаний для воздействия на общественное мнение.

Однако это лишь вершина айсберга. Так, хранилище данных i-360 с 250 млн профилей американских избирателей имеют в своем бизнес-активе миллиардеры братья Кох, традиционно поддерживающие консерваторов. Экс-директор Google Эрик Шмидт запустил проект The Groundwork. Его основная задача сводилась к построению технологической инфраструктуры для сбора информации об избирателях, «политической версии

системы управления взаимоотношениями с клиентами». И это — лишь малая часть тех проектов, которые нацелены сегодня на сбор и использование больших данных в политических процессах.

Здесь вырисовывается целый круг проблем, требующих внимательно-го рассмотрения. В первую очередь следует признать, что сбор информации о пользователях осуществляется постоянно и, как правило, без их ведома. Так называемые «цифровые следы» оставляет практически каждый присутствующий в социальных медиа [10]. В конечном счете сформированные на базе таких «следов» персональные «цифровые профили» позволяют понять о человеке больше, чем знают о нем ближайшие родственники. Отметим, что люди по своей инициативе активно делятся в своих профилях информацией. И ее более чем достаточно для того, чтобы выявить личностные характеристики, которые пользователи вряд ли хотели бы разглашать.

При этом, по сути, мы имеем дело с новым видом цифрового неравенства. Происходит разделение людей на так называемые «дата-классы»: тех, кто генерирует информацию (простые пользователи), тех, кто способен собирать и хранить массивы цифровых профилей, тех, кто способен эти массивы анализировать с различными целями, и, наконец, тех, кто способен использовать все предыдущие «дата-классы» в своих интересах [11]. Так происходит отчуждение персональных данных от их носителей, а само общество разделяется по уровню доступности и возможностей использования Big Data. Такой тип цифрового неравенства способен порождать новые эффекты в общественно-политической сфере.

В первую очередь речь идет о возможности выстраивания «цифрового Паноптикума». В его рамках любая онлайн-активность является записью в массиве данных, находящемся под контролем заинтересованных представителей элитарного «дата-класса», способного применять пользовательские Big Data в своих интересах. Заметим, что такой элитой могут быть не обязательно представители государства, но и представители крупных корпораций, а также неофициальных структур.

На основе анализа профилей пользователей можно не только контролировать человека в пассивном режиме, полностью отслеживая его действия в Сети, но и активно навязывать ему «удобные» мировоззренческие и ценностно-смысловые модели, а также «правильные» модели политического поведения. Основой такого информационного «форматирования» сознания становятся личные психологические и поведенческие особенности человека, его предпочтения, стереотипы, особенности мышления как такового. Это значительно повышает манипуляционно-пропагандистский потенциал технологий воздействия на индивидуальное сознание [12; 13; 14].

В результате человек получает полностью персонализированный контент, свою личную «информационную капсулу», в которой понятия добра и зла, «правильного» и «неправильного» строго дозированы и тщательно

подобраны в индивидуальной пропорции программным алгоритмом, не требующим дальнейших самостоятельных размышлений.

Очевидной становится степень общественно-политических рисков, связанных с формированием такого рода информационной реальности, становящейся во многих случаях инструментом политической манипуляции массовым сознанием.

Однако, существуют и иные серьезные риски, угрозы и вызовы, связанные с интенсивным внедрением технологий массовой цифровой коммуникации в жизнедеятельность современных государства и общества. Глобальные поисковые сервисы, социальные сети, площадки блогосферы являются на сегодняшний день активными игроками в сфере управления цифровыми информационными потоками, на основе которых и формируются массовые представления о социально-политической реальности.

В связи с этим вполне показательным примером является конфликт главы США с ведущими американскими IT-компаниями. Президент США выступил с обвинением Google, Facebook и Twitter в необъективности и подтасовке результатов поисковой выдачи и публикаций в новостной ленте. Он написал в своем Twitter-аккаунте о том, что «Google и другие подавляют голоса консерваторов, скрывают хорошую информацию и новости. Они контролируют то, что мы можем и не можем видеть. Это очень серьезная ситуация...»³.

Безусловно, компании отвергли претензии Д. Трампа, настаивая на том, что используемые ими алгоритмы работы объективны и беспристрастны. Однако, насколько обозначенная американским лидером проблема реально существует, и насколько она способна влиять на массовое сознание в глобальных масштабах?

Данный вопрос представляется весьма актуальным, ведь, как показывают данные исследований, Google, Facebook и Twitter популярны не только в США, но и в России, а также во многих странах мира.

Отметим, что алгоритмы поисковой выдачи и формирования новостной ленты во многом непрозрачны и закрыты от постороннего взгляда. И возможности манипуляции информационным потоком со стороны крупнейших площадок социальных медиа помещены в своего рода «черный ящик», на выходе из которого мы и получаем конечный контент. Насколько данные возможности используются компаниями — вопрос, не имеющий на сегодняшний день очевидного ответа. Тем не менее, существует значительное число примеров того, что поисковая выдача Google порой весьма своеобразна. Например, еще несколько лет назад в Интернете широко обсуждалась история, когда, получив запрос «три белых подростка», поисковик Google выдал стоковые изображения улыбающихся и весе-

³ Аккаунт Президента США Д. Трампа. URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump> (дата обращения: 15.03.2019).

лых тинейджеров, в то время как на запрос «три чернокожих подростка» появились фотографии чернокожих молодых людей, задержанных полицией, что было многими воспринято как проявление расизма.

И таких примеров искажения поисковой выдачи можно привести достаточно много. В том числе и тех, которые имеют непосредственное отношение к России. Так, в 2017 году исполнительный директор Google Эрик Шмидт на форуме по международной безопасности в Галифаксе заявил о том, что Google снизит выдачу сайтов с «российской пропагандой»: «Мы стараемся перенастроить систему и предотвратим это [влияние российской пропаганды]». Поисковик намерен бороться с российскими сайтами, попадающими в поисковую выдачу Google News, в первую очередь с телекомпанией RT и агентством Sputnik.

Таким образом, даже на основе официальных заявлений можно сделать вывод о том, что поисковая выдача Google будет в определенной мере «смещена» и управляема, по крайней мере, в отношении российских ресурсов (хотя на самом деле масштаб проблемы значительно шире). Принимая во внимание тот факт, что Twitter запретил RT и Sputnik публиковать на своей площадке рекламу, о равных возможностях для различных новостных ресурсов в пространстве социальных медиа говорить не приходится.

В том же 2017 году Google объявил о глобальном запуске механизма проверки новостей на фейки и вбросы FactCheck⁴. В итоге результаты поисковой выдачи будут сразу снабжаться оценкой «правдивости», которая может варьироваться от «Правда» до «Ложь» с несколькими промежуточными стадиями. Но самое интересное заключается в том, что работа по «оценке правдивости» передана на аутсорс некоему «международному сообществу репортеров», включающему в себя 115 активных организаций по всему миру (при этом ни одной из России). Тот же конфликт в Донбассе в плане правдивости сообщений должны оценивать четыре украинские организации, что, безусловно, сделает информацию о реальных событиях ангажированной и смещенной к украинской версии происходящего.

Аналогичная ситуация выстраивается и в отношении конфликта в Южной Осетии в 2008 году. Результаты поисковой выдачи по данному вопросу должна проверять грузинская организация, финансируемая европейскими фондами и посольством США в Грузии.

Перечисление примеров можно было бы продолжить, но даже на основе приведенной информации можно сделать вывод о том, что манипулятивные возможности современных глобальных онлайн-сервисов весьма высоки. Выдача контента, заранее отрегулированная в интересах определенных акторов, приведет к превращению многих социальных медиа и поисковиков в глобальные инструменты манипуляции и пропаганды. С их

⁴ Fact Check now available in Google Search and News around the world. URL: <https://blog.google/products/search/fact-check-now-available-google-search-and-news-around-world/> (дата обращения: 15.03.2019).

помощью крупные политические игроки смогут оказывать прямое влияние на массовое сознание в онлайн-пространстве. Многие пользователи активно потребляют готовую информацию и зачастую неспособны критично воспринимать контент. По сути, мы можем говорить об опасности появления уже в недалеком будущем основанного на современных цифровых технологиях политического режима сетевого тоталитаризма. Ведь, как писала в одной из своих работ Ханна Арендт, «сила тоталитарной пропаганды заключается в ее способности отсекалть массы от реального мира». Самым же парадоксальным в этой ситуации является то, что массовый спрос на простые и удобные в употреблении объяснительные медиа-модели социально-политической реальности будет, по нашему мнению, лишь увеличиваться, что порождает и рост манипулятивного потенциала современных цифровых информационно-коммуникационных технологий в сфере современного политического управления.

Список литературы

1. Butler S. The Notebooks of Samuel Butler. Auckland: The Floating Press, 2011. 311 p.
2. Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5. М.: Праксис, 2011. 592 с.
3. Heyer P. Communications and History: Theories of Media, Knowledge, and Civilization. N.Y.: Greenwood Press, 1988. 197 p.
4. Deibert R.J. Parchment, Printing, and Hypermedia: Communications in World Order Transformation. N.Y.: Columbia University Press, 1997. 329 p.
5. Соловей В.Д. Цифровая мифология и избирательная кампания Дональда Трампа // Полис. 2017. № 5. С. 122–132.
6. Одинцов А.В. Социология общественного мнения и вызов Big Data // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 30–43.
7. Bolsover G., Howard P. Computational Propaganda and Political Big Data: Moving Toward a More Critical Research Agenda // Big Data. 2017. Vol. 5, № 4. P. 273–276.
8. Журавлева Е.Ю. Современная социология в сетевой цифровой среде: от вычислительных и электронных социальных наук к цифровым социальным исследованиям // Социс. 2015. № 8. С. 25–34.
9. Bakardijeva M. Do Clouds Have Politics? Collective Actors in Social Media Land // Information, Communication & Society. 2015. Vol. 18, № 8. P. 983–990.
10. Kosinski M., Matz S. C., Gosling S.D., Popov V., Stillwell D. Facebook as a research tool for the social sciences: opportunities, challenges, ethical considerations, and practical guideline // American Psychologist. 2015. Vol. 70, № 6. P. 543–556.
11. Manovich L. The Science of Culture? Social Computing, Digital Humanities and Cultural Analytics [Электронный ресурс] // Manovich: site: Electronic data. 2015. URL: http://mano-vich.net/content/04-projects/088-cultural-analytics-social-computing/cultural_analytics_article_final.pdf (дата обращения: 15.03.2019).

12. Дружинин А.М. От диалога к манипуляции: критический анализ современных медиа-практик [Электронный ресурс] // Философская мысль. 2017. № 1. С. 1–16. Электрон. версия печат. публ. URL: <https://doi.org/10.7256/2409-8728.2017.1.18534> (дата обращения: 15.03.2019).
13. Черникова В.Е. Манипуляция массовым сознанием как феномен информационного общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 141–144.
14. Gourley S. Get ready for the robot propaganda machine [Электронный ресурс] // WIRED: site Electronic data. 2015. URL: <http://www.wired.co.uk/article/robot-propaganda> (дата обращения: 15.03.2019).

П.Я. ФЕЛЬДМАН

«ПОСТПРАВДА» И «ФЕЙК-НЬЮЗ» В СОВРЕМЕННОМ КОММУНИКАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИКО- ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье предпринимается попытка концептуализации понятия «правда» применительно к современной стадии эволюции публичного коммуникационного пространства, а также осуществляется поиск действенных механизмов политико-правового регулирования информационных потоков. Автор приходит к выводу о том, что в условиях стремительного развития коммуникационных технологий традиционные научные принципы дифференциации истины и лжи уступают место прагматическому и аксиологическому подходам, в рамках которых под правдой понимается то, что соответствует субъективным интересам и ценностям политических акторов. Главным критерием достоверности в эту эпоху становится готовность масс уверовать в реальность определенных событий. На этом релятивистском фоне лишь нормы права способны прочертить границу между «деструктивными фейками» и «настоящими новостями». Осознавая всю философскую условность подобных границ, автор воспринимает их существование как неизбежный атрибут цифровой эпохи.
Ключевые слова: постправда, фейк-ньюз, фейковые новости, закон о борьбе с фейками, политическая манипуляция, политические технологии, Интернет.

POST-TRUTH AND FAKE NEWS IN THE MODERN COMMUNICATION SPACE: PERSPECTIVES OF POLITICAL AND LEGAL REGULATION

Abstract. This article attempts to conceptualize the concept of “truth” in relation to the modern stage of evolution of the public communication space, and also searches for effective mechanisms of political and legal regulation of information flows. The author comes to the conclusion that in the conditions of rapid development of communication technologies, traditional scientific principles of differentiation of truth and falsehood give way to pragmatic and axiological approaches, within the framework of which truth means what corresponds to the subjective interests and values of certain political actors. The main criterion of authenticity in this era is the willingness of the masses to believe in the reality of certain events. On this relativistic background, only the rule of law is able to establish rigid regula-

ФЕЛЬДМАН Павел Яковлевич — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии социально-гуманитарного факультета Академии труда и социальных отношений, заместитель директора Института стратегических исследований и прогнозов Российского университета дружбы народов, г. Москва

tory boundaries between “destructive fakes” and “real news.” Realizing the philosophical convention of such boundaries, the author perceives their existence as a conscious necessity.
Keywords: *post-truth, fake news, fake news, anti-fake law, political manipulation, political technology, the Internet.*

За последние несколько лет российские законодатели предприняли ряд попыток правового упорядочения весьма чувствительной сферы, касающейся свободы распространения сообщений в средствах массовой информации и Глобальной сети. С точки зрения формального целеполагания, никаких претензий к парламентариям не возникает: вряд ли кто-то решится утверждать, что в публичной информационной среде должна циркулировать ложь, тем более представляющая угрозу для жизни и здоровья граждан. Степень общественной опасности тех или иных посылов, транслируемых на широкую аудиторию, определить не так уж и сложно, однако любые попытки проведения нормативно-правового «водораздела» между правдивыми и фейковыми (поддельными) новостями упираются в серьезные эτικο-философские преграды. В сущности, депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации сталкиваются с необходимостью разрешения хрестоматийного спора между Сократом и софистами, который разворачивался две с половиной тысячи лет назад.

Софисты с позиции крайнего релятивизма устами своего наиболее выдающегося представителя Протагора утверждали: «Человек — мера всех вещей — существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют» [1, с. 32]. Сократ же, отрицая субъективизм в вопросах морали и нравственности, полагал наличие неких неизменных сущностей вроде абсолютной добродетели, абсолютной красоты или абсолютной истины (впоследствии у Платона эти сущности будут названы «идеями»). На протяжении 20 веков сократовский абсолютизм оставался краеугольным камнем христианской философии, и даже И. Кант со своим гносеологическим пессимизмом не осмелился бросить ему вызов в вопросах этики и морали. Однако с наступлением эпохи постмодерна пришло «время Протагора». В доведенном до крайности софистическом мировосприятии ложь окончательно уравнилась с правдой. В результате их конвергенции возникло синтетическое понятие «постправда», обозначающее обстоятельства, при которых объективные факты являются менее значимыми при формировании общественного мнения, чем обращения к эмоциям и личным убеждениям. В 2016 году, по версии Оксфордского словаря, «постправда» была признана «словом года». Характерно, что в широкое употребление оно вошло на фоне выборов Президента США и проведения референдума о Brexit.

В 2017 году проблематика постправды обращает на себя внимание представителей отечественного научно-экспертного сообщества. Так, С.В. Чугров в работе «Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии» высказывает опасение, что в эпоху

постправды «такая неоспоримая ценность либерального общества, как свобода слова, очевидно, рискует деградировать и превратиться в фикцию» [2, с. 42]. С лингвистической позиции термин «post-truth» рассматривает О.В. Корецкая, по мнению которой он в современном англоязычном медиадискурсе обладает выраженными отрицательными коннотациями [3, с. 137]. А.И. Щербинин и Н.Г. Щербинина находят постправду порождением «эпохи деконструкции». Рассматривая сущностные аспекты соответствующего явления через призму событий «киевского Майдана», указанные авторы справедливо констатируют размывание концептуальных границ между «правдой» в ее традиционном понимании и «post-truth» [4, с. 134]. По мнению Ю.А. Черненко, с наступлением «цифровой эпохи» так называемый «сторителлинг» (рассказывание историй о текущих политических событиях) превратился в инструмент «политики постправды», применяемый для управления общественным сознанием [5, с. 73].

Значительно более обширный пласт работ посвящен теме «фейковых новостей» и их роли в современных политических процессах. Л.Р. Рустомова и Б.А. Барабаш рассматривают «фальшивые новости» как неотъемлемый атрибут политики постправды [6, с. 23]. По мнению И.В. Лебедевой, фейк, «став типичным явлением социальной действительности», проявляется «в политике, учебной литературе, науке и журналистике» [7, с. 157]. Подавляющее большинство российских авторов воспринимает дезинформацию в качестве угрозы для общественной безопасности и политической стабильности. В частности, А.В. Борхсениус предлагает государству выработать «критерии оценки степени дезинформационного воздействия», дабы «реалистично оценивать ущерб и просчитывать возможные шаги противника в информационном и когнитивном пространствах» [8, с. 232]. Технологические аспекты противодействия подобным вызовам и угрозам подробно рассматривает А.В. Манойло в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации [9, 10].

Вне зависимости от ценностного восприятия феноменов постправды и «фейк-ньюз» теми или иными авторами, практически все российские исследователи демонстрируют солидарность в отношении трех принципиально важных моментов: во-первых, они констатируют наступление некой «новой информационной реальности», в которой истина и ложь теряют свою прежнюю антагонистическую природу; во-вторых, данное явление, как правило, связывается с развитием телекоммуникационных технологий и Интернета; в-третьих, авторы не оставляют попыток выработки критериальных параметров для дифференциации «фейковых» новостей и достоверной информации.

Ключевой принцип использования политических технологий в эпоху постправды пророчески сформулировал М. Горький. На вопрос одного из персонажей о реальности существования бога герой его пьесы «На дне» старец Лука отвечает «Коли веришь, — есть; не веришь, — нет... Во что веришь, то и

есть...»¹. Подобное изречение, восходящее к традиции античных мыслителей Протагора и Горгия, могло бы претендовать на роль девиза современных медиа. Почему же в XIX и XX веках дело обстояло иначе? Было бы наивно полагать, будто средства массовой информации той эпохи отличались от современных каким-то повышенным стремлением к объективности, или сами граждане питали меньший интерес к слухам и частным домыслам. Вероятно, причина кроется в том, что до появления Интернета традиционные СМИ и книги выступали едва ли не единственными источниками знаний об окружающей действительности. Это привилегированное положение налагало на них репутационную ответственность за каждое слово, опубликованное в печати или сказанное в эфире. Кроме того, даже в демократических странах пресса, телевидение и радио до сих пор подвергаются регулирующему воздействию государства (если не в формате откровенной цензуры, то как минимум, в виде проверки материалов масс-медиа на соответствие требованиям законодательства).

Создание виртуальной информационной среды привело к разрушению монополии традиционных СМИ на формирование общественного мнения. Вещательная модель массовой коммуникации ушла в прошлое, уступив место технологиям Web 2.0 и 3.0. Время от рождения идеи до ее восприятия широкой аудиторией радикально сократилось: в считанные секунды информация, распространяемая частным лицом, может стать достоянием мировой общественности. Помимо электронных изданий на просторах Интернета уже довольно давно появились социальные сети, представляющие собой безбарьерную коммуникационную среду, где в роли журналиста и лидера мнений может выступить любой пользователь. Для новых медиа, де-факто, не существует межгосударственных границ и национальных юрисдикций. С технической точки зрения, их модерирование со стороны государства пока остается практически невозможным. Идеи, свободно циркулирующие в глобальной сети, достигают такого уровня плюралистичности, что у каждого общественно значимого тезиса мгновенно появляется не менее убедительная антитеза. Стремительно возросшее количество трактовок одних и тех же событий (не важно, случились они в далеком прошлом или мгновение назад) сводит на нет возможность постулирования тех или иных утверждений в качестве единственно верных.

Неограниченная свобода движения информации от источника к получателю, на первый взгляд, должна была способствовать демократизации и повышению транспарентности политических процессов. Однако на практике оказалось, что гигантское многообразие мнений не так уж и сильно отличается от информационного монополизма. Бесчисленное множество противоречащих друг другу сообщений сливается для аудитории в «белый шум», состоящий из непроверенных новостей, сомнительного качества

¹ Горький М. На дне. СПб.: Издание товарищества «Знание», 1903. С. 77.

аналитики, рекламы, развлекательного контента и так далее. Фильтрация и верификация массовой информации оказывается непосильной задачей не только для рядовых потребителей, но и для представителей научно-экспертного сообщества. Неспособность контрольно-надзорных органов, судов и специальных служб навести порядок в виртуальном пространстве могла бы считаться их сугубо ведомственной проблемой, если бы «фейковые новости» не представляли угрозы для национальной безопасности.

Автор не является сторонником теории глобального заговора против России и не считает, что гипотетическая западная угроза может служить апологией для сокращения объема демократических прав и свобод граждан, в том числе права на свободу слова. Однако следует признать тот непреложный факт, что вирусное распространение недостоверной информации о «техногенных катастрофах», «эпидемиях», «потерях на фронте», «террористических атаках», «грядущем голоде», «надвигающихся репрессиях» и т.д. может быть использовано как инструмент гибридной войны в целях мгновенного подрыва политической стабильности и подготовки благоприятного фона для иностранной интервенции. Наиболее яркий пример использования подобной технологии мы находим в российской истории, когда «фейковые новости» о нехватке продовольствия в Петрограде и введении карточек на хлеб в феврале 1917 года спровоцировали «хлебные бунты», послужившие спусковым крючком для двух революций.

Теоретики, занимающиеся изучением технологий государственных переворотов, зачастую ошибочно полагают, будто катализатором массовых антиправительственных выступлений может служить ненависть к власти или желание перемен. Подобный мотив способен побудить к протесту лишь несколько тысяч заговорщиков, маргиналов и пассионариев в крупных административных центрах. Конформистски настроенные массы может направить в революционное русло лишь самый сильный и естественный мотив человеческой деятельности — страх. Само по себе участие в многомиллионных акциях протеста с неизбежной давкой, насилием и столкновениями с полицией отпугивает рационального индивида, не доведенного до крайности нищетой. Как показывает практика, «глубинный народ» превращается в неорганизованную революционную массу лишь тогда, когда оставаться дома ему страшнее, чем выходить на улицы.

В начале прошлого века триггерами массовой паники послужили слухи и прокламации о надвигающемся голоде. Питательной средой для их культивирования стали военные части, коллективы крупных промышленных предприятий, рынки и иные публичные места. В современном мире любой информационный вирус можно в считанные секунды транслировать миллионам граждан посредством Интернета (электронных СМИ, социальных сетей, мессенджеров и т.п.). При этом первоначальный деструктивный посыл будет неизбежно обрастать дополнительными шокирующими подробностями. В социальном сегменте глобальной паутины общественно опасные фейки

распространяются по цепной реакции — лавинообразно, поскольку сами граждане охотно делятся информацией об угрозах для их жизни и здоровья, катастрофах, эпидемиях, массовых смертях и многом другом. В данном случае работает сформированная в человеке эволюционным путем система быстрого взаимного оповещения об опасности (благодаря этой системе наши далекие предки смогли выжить в окружении хищников). Природный страх, гнев и ощущение скорби не позволяют трезво оценивать степень достоверности новостей, делая человека идеальным объектом для манипуляции. Особую силу подобным фейкам придают формулировки «власть скрывает правду», «государство замалчивает», «федеральные СМИ лгут» и т.д. Таким образом, на фоне массовой паники активизируется свойственное обывателю чувство недоверия к институтам власти.

Итак, мы установили, по крайней мере, два обстоятельства. Первое: проблема деструктивных фейков является злободневной и социально значимой. Второе: она нуждается в политико-правовом регулировании. Осознание вышеуказанных обстоятельств возвращает нас к необходимости принципиального разграничения понятий «правда» и «ложь» применительно к информационно-коммуникационной среде. Несмотря на всю философскую глубину данного вопроса, его надлежит решить с максимальной долей определенности. Однако, прежде всего нужно отметить, что семантика слова «правда» определяется выбором подхода к его интерпретации. С нашей точки зрения, подобных подходов может быть не менее пяти.

1. Научный подход (*правда — истина*). С научной точки зрения, правдой является то, что соответствует действительности, не зависит от воспринимающего субъекта и поддается верификации. Объективность научного суждения должна подтверждаться опытно-экспериментальным путем, что крайне затруднительно в отношении явлений и процессов, разворачивающихся в социуме (тем более в духовном мире конкретного индивида). С нашей точки зрения, научная правда-истина не имеет ничего общего с общественно-политической жизнью и, тем более, с публичным дискурсом средств массовой информации.

2. Исторический подход (*правда — достоверность*). История, в отличие от точных наук, пребывает в прямой зависимости от интересов правящей элиты. Наиболее объективной категорией исторического знания служит сухой факт, который сам по себе — без его интерпретации — ничего не значит. Если аутентичность документов более или менее поддается эмпирической проверке, то определение степени достоверности событий прошлого оказывается крайне затруднительным. Но даже когда это удается сделать, то зачастую не представляется возможным установить все многообразие интересов, движущих сил и скрытых мотивов, послуживших причиной масштабных исторических свершений. Правда-достоверность всегда должна сопровождаться оговоркой «с высокой долей вероятности». Именно поэтому наиболее громкие преступления перед человечеством (захватнические

войны, геноциды, гонения) осуждаются не только в учебниках истории, но и на законодательном уровне, что позволяет исключить субъективность в оценке подобных событий. Так, например, в Уголовном Кодексе Российской Федерации предусмотрено суровое наказание за отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания нацистских преступников. Таким образом, исторический подход к пониманию правды не может быть использован в борьбе с деструктивными фейками без должного правового сопровождения.

3. Аксиологический подход (*правда — справедливость*). Еще в начале XX века Н.А. Бердяев указал на нетождественность «правды-истины» и «правды-справедливости» [11, с. 23]. Первое понятие лежит в плоскости науки, а второе — в области морали и духовности. Субъективная природа духовных ценностей ставит категорию справедливости в тотальную зависимость от господствующей идеологии, социальной структуры общества, политической культуры и сотни других факторов, включая классовую и конфессиональную принадлежность индивида. В рамках аксиологического подхода правдой принято считать то, что является высоконравственным, с точки зрения конкретной личности, социальной группы, этноса или целой цивилизации. Непостоянство, пластичность и чрезвычайная вариативность человеческих представлений о справедливости не позволяют сделать из данной категории сколь-нибудь надежный фундамент для борьбы с фейками и дезинформацией (только в течение XX века ценностное восприятие частной собственности и предпринимательства в России менялось дважды, причем весьма радикальным образом).

4. Прагматический подход (*правда — выгода*). Подобный подход, берущий свои истоки в философии Ч. Пирса, приводит к отождествлению правды с интересом. В данном случае вопрос объективности суждений уходит на второй план, а во главу угла ставится практическая польза от реализации той или иной идеи. В системе современных международных отношений правдивым считается то, что соответствует национально-государственным интересам конкретных стран. С учетом нарастания глобальной конфронтации и «реинкарнации» блоковой системы мышления правящих элит, одни и те же события трактуются разными странами по-разному. Например, существует, как минимум, два диаметрально противоположных взгляда на вхождение Крыма в состав Российской Федерации, конфликт на Юго-востоке Украины, покушение на Скрипалей в Лондоне, гражданскую войну в Сирии и т.д. Официальная позиция государства по этим и иным вопросам определяется не степенью достоверности фактов и не их ценностным восприятием, а национальными интересами в том виде, как их понимает власть.

Сильная сторона прагматического подхода заключается в его универсальности. Очевидно, что политическая стабильность выгоднее «цветной революции»; порядок лучше хаоса; суверенитет и безопасность предпочтительнее иностранной интервенции и тому подобное. Если политическое

руководство страны обладает высоким уровнем легитимности и доверия со стороны граждан, то интересы правящей элиты, государства и общества с определенной долей условности можно признать тождественными. В таком случае национальные приоритеты, зафиксированные в официальных документах стратегического характера, определяют «меру правдивости» тех или иных явлений. Рядовой потребитель информации может и сам провести подобную оценку, задав себе ряд вопросов: «Выгодна ли эта правда мне? Выгодна ли она моей семье? Наконец, выгодна ли она моей стране?». В рамках подобной логики даже взаимоисключающие суждения о явлениях общественно-политической жизни могут одновременно считаться истинными. Например, для Соединенных Штатов Америки антиправительственные силы Сирийской арабской республики являются «умеренной оппозицией», а для России они же выступают «террористическими группировками». Имея общее представление о национальных интересах и политических приоритетах определенных стран, можно с высокой точностью установить, какую версию одного и того же события они будут оценивать как «правдивую».

5. Юридический подход (*правда — легальность*). Данный подход зиждется на четкой нормативно-правовой дифференциации категорий «правда» и «ложь». При его использовании фактор субъективности стремится к нулю, поскольку отношение государства и общества к определенным проблемам определяется буквой закона. Как уже отмечалось выше, применительно к итогам Второй мировой войны Уголовный Кодекс Российской Федерации запрещает любые попытки публичного оправдания преступлений нацистов перед человечеством. Зная о наличии данной статьи, гражданин может представить себе последствия, которые повлечет за собой ее нарушение. Проблем с установлением состава преступления и поиском доказательной базы в данном случае, как правило, не возникает. Эффективность применения юридического подхода к пониманию «правды» напрямую зависит от уровня доверия граждан к органам законодательной власти и юстиции. Например, сложившаяся в США правовая культура располагает к отождествлению судебных решений с «истиной в конечной инстанции». Как справедливо отмечает российский экономист и политолог М.Г. Делягин, западный человек понимает под правдой «то, что выгодно ему в данный момент времени и лживость чего еще не доказана судом»². Впрочем, данный тезис может применяться и не только по отношению к представителям «коллективного Запада».

При всей своей аксиологической ущербности юридическое понимание правды, по крайней мере, характеризуется высокой степенью определенности, чего нельзя сказать о законопроектах из так называемого «Пакета сенатора Клишаса», которые были приняты в начале 2019 года. В одном из

² Михаил Делягин: Financial Times призвала российских олигархов устроить переворот и устранить Путина [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://izborsk-club.ru/10827>.

них предлагается введение административной ответственности за публичное распространение информации, выражающей «явное неуважение к обществу, государству, официальным символам РФ, Конституции РФ и органам, осуществляющим государственную власть в РФ»³. При этом категория «явное неуважение» не получает развернутой правовой интерпретации, что позволяет прокуратуре интерпретировать ее предельно субъективно. В лучшем случае, подобная законодательная инициатива принудит журналистов и блоггеров к самоцензуре, а в худшем — вызовет всплеск того самого «неуважения к органам, осуществляющим государственную власть в РФ» (то есть, возымеет обратный эффект). В некотором смысле, полное отсутствие нормативного регулирования определенных сфер лучше, чем наличие закона, который может быть трактован произвольным образом.

В конечном счете мы приходим к выводу о том, что применительно к публичной информационно-коммуникационной среде понятие «правда» следует рассматривать в контексте прагматического и формально-юридического подходов, понимая под ним степень соответствия того или иного явления национальным интересам и нормам права. В свете данного обстоятельства следует дать оценку еще одному законопроекту из «Пакета Клишаса». По существу, его правотворческие новеллы, предназначенные для борьбы с деструктивными фейками, представляют собой две небольшие поправки к уже действующему Закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Кодексу об административных правонарушениях (КоАП).

В России, как и в любом другом демократическом государстве, законы принимаются в двух случаях: во-первых, если за ними стоят определенные группы интересов; во-вторых, если объективная реальность заставляет привести существующие правовые нормы в соответствие с новыми вызовами времени. В данном конкретном случае, вероятно, справедливы оба утверждения. Возможность субъективной трактовки ключевых положений «Закона о борьбе с фейками» расширяет полномочия контрольно-надзорных органов, позволяя им применять его произвольным образом и, следовательно, осуществлять адресные карательные меры в отношении неудобных субъектов. Иными словами, принятие данного нормативного акта отвечает интересам некоторых силовых структур. В то же время, тиражирование «фейковых новостей» в информационно-коммуникационной среде является подлинным вызовом для общественной безопасности и нуждается во внятном правовом ответе со стороны законодателей.

С юридической точки зрения, качество любого нормативного документа определяется точностью используемых в нем формулировок и однозначностью трактовки ключевых положений. Встречающаяся в Законе категория

³ Федеральный закон от 18.03.2019 № 30-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»» [Электронный ресурс] // СПС Консультант-плюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

«недостоверная общественно значимая информация, распространяемая под видом достоверных сообщений» может быть интерпретирована предельно субъективно. Это создаст дополнительную нагрузку на суды, которые после блокировки медийных ресурсов будут вынуждены самостоятельно определять не только степень достоверности информации, но и тяжесть гипотетических последствий для общества от ее распространения. Возникнут неизбежные парадоксы и даже комичные ситуации. Допустим, синоптики в электронных СМИ ошибочно сообщают о грядущем потеплении, и автолюбители, раньше времени поменяв шипованную резину на летние шины, сотнями попадают в аварии на льду. В результате имеют место человеческие жертвы и транспортный коллапс. Будет ли это достаточным основанием для привлечения недобросовестных журналистов и тех, кто репостил их прогнозы в социальных сетях, к административной ответственности?

Причины вышеописанных правовых коллизий становятся понятны после ознакомления с пояснительной запиской к законопроекту, в которой не дается четкого и развернутого обоснования необходимости его принятия. Отсылка к аналогичному европейскому опыту и «негативным аспектам распространения ложной информации» не может считаться убедительной. Для того чтобы доказать целесообразность столь резонансной законодательной инициативы, следовало внятно обозначить проблемы, которые предполагается решить с ее помощью. Тем более, данные проблемы являются реальными, а не мнимыми, как полагают многие представители либерального сообщества. Речь идет об умышленном вирусном распространении в информационно-коммуникационной среде лжи и непроверенных слухов, которые потенциально способны спровоцировать массовую панику, необоснованные протестные акции, социальные конфликты, насилие и экономические потрясения. Осознание потребности в подобных правовых нормах наступило после наводнения в Крымске, кемеровской трагедии и взрыва газа в Магнитогорске.

Во всех перечисленных случаях определенные силы целенаправленно вбрасывали в глобальную сеть ложные сведения, кратно преувеличивая количество жертв и тяжесть последствий от случившегося. При этом дезинформация «сдабривалась» фейками о «неэффективной работе спасателей», «грузовиках с трупами», «вопиющем бездействии властей», «пренебрежении к пострадавшим со стороны чиновников» и т.д. Авторы конспирологических теорий еще задолго до завершения следственных мероприятий выдавали техногенные и природные катастрофы за террористические акты (разумеется, не неся за это никакой правовой ответственности). В отдельную категорию следует выделить фейки, провоцирующие массовую панику граждан в экономической сфере: сообщения о якобы надвигающемся «обвале рубля», продуктовом дефиците, фатальном повышении цен на товары первой необходимости, крахе банковской системы и так далее. Появляясь в электронных СМИ и новостных лентах одиозных блоггеров, подобные

фейки охотно тиражировались рядовыми пользователями, которые при этом зачастую исходили из самых искренних и благих побуждений: сострадания, неравнодушия, желания установить истину. Их мотивы, к сожалению, не играют в данном случае никакой роли. Важно лишь то, что последствия от распространения подобной дезинформации оказались негативными. Нужно ли пресекать подобные явления? Безусловно!

Дух и буква любого закона, направленного на борьбу с деструктивными новостными фейками, должны быть нацелены на то, чтобы журналисты, блоггеры и, самое главное, рядовые пользователи социальных сетей осознали неизбежность наказания за распространение общественно опасной дезинформации и основательно задумывались, прежде чем ее тиражировать. Страх перед административными арестами и денежными штрафами отрезвляюще подействует на физических лиц, воспитает в них осторожность и критическое отношение к непроверенным данным. Главная проблема заключается в том, что это не остановит разного рода ботов, «троллей», владельцев фейковых аккаунтов, недобросовестных журналистов и профессиональных провокаторов. Кроме того, действие закона не удастся распространить на иностранные средства массовой информации, вещающие из-за рубежа (например, такие, как зарегистрированная в Латвии Meduza или Русская служба BBC).

Принимая во внимание все вышесказанное, так называемый «Закон о борьбе с фейками» следует рассматривать как попытку решения важной и давно назревшей общественной проблемы. Однако он нуждается в качественной переработке, детализации и конкретизации. Для того чтобы инициатива о защите граждан «от недостоверной общественно значимой информации, распространяемой под видом достоверных сообщений», увенчалась успехом, необходимо указать, какие именно сообщения попадают под данную категорию⁴. К таковым логично будет отнести лишь те «фейковые новости», которые провоцируют массовую панику, насилие, остановку производственного процесса, паралич объектов инфраструктуры при помощи запугивания граждан ложными сведениями о террористических актах, природных и техногенных катастрофах, эпидемиях и прочих инцидентах, представляющих угрозу для жизни и здоровья населения. В перечень соответствующих правонарушений следует включить:

- распространение заведомо ложной информации, существенно преувеличивающей количество жертв и степень общественной опасности террористических актов, природных и техногенных катастроф, эпидемий и прочих инцидентов, представляющих угрозу для жизни и здоровья граждан;
- распространение заведомо ложной информации, искажающей действия государства, направленные на борьбу с последствиями террористических

⁴ Федеральный закон от 18.03.2019 № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»» [Электронный ресурс] // СПС Консультант-плюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

актов, природных и техногенных катастроф, эпидемий и прочих инцидентов, представляющих угрозу для жизни и здоровья граждан;

– распространение частных предположений, гипотез и версий о причинах и последствиях природных и техногенных катастроф, актов терроризма, эпидемий и прочих инцидентов, представляющих угрозу для жизни и здоровья граждан, под видом доказанных фактов, если их достоверность не подтверждена судом.

В любом случае, представляется целесообразным подключить к доработке «Закона о борьбе с фейками» журналистов, представителей экспертного сообщества, религиозных и духовных лидеров, деятелей искусства и других заинтересованных лиц, дабы наполнить его конкретным содержанием и отточить некоторые формулировки. С процессуальной точки зрения, столь резонансную законотворческую инициативу следовало бы заблаговременно провести через процедуру «нулевых чтений» в Общественной палате Российской Федерации. Вероятно, теперь Закон придется дорабатывать уже в свете имеющейся правоприменительной практики.

Так или иначе, приходится констатировать полноценное формирование новой политико-коммуникационной реальности, ассоциирующейся с феноменом постправды. В данной реальности традиционные научные принципы дифференциации истины и лжи уступают место прагматическому и аксиологическому подходам, в рамках которых под правдой понимается то, что соответствует субъективным интересам и ценностям политических акторов. Главным критерием достоверности в эту эпоху становится готовность масс уверовать в реальность определенных событий. На этом релятивистском фоне лишь нормы права способны прочертить границу между «деструктивными фейками» и «настоящими новостями». Осознавая всю философскую условность подобных границ, автор воспринимает их существование как неизбежный атрибут цифровой эпохи. Именно наличие четко прописанных в законе табу делает возможным административное или уголовное наказание за их нарушение. В свою очередь, предельно расплывчатые и неопределенные формулировки, допускающие произвольную интерпретацию норм права, следует рассматривать как «ловушки», расставленные для адресного применения административных санкций в отношении частных лиц и средств массовой информации.

Список литературы

1. Платон. Теэтет. М.: СОЦЭКГИЗ, 1936. 192 с.
2. Чугров С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 42–59.
3. Корецкая О.В. Концепт post-truth как лингвистическое явление современного англоязычного медиадиска // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7-3(73). С. 136–138.

4. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. «Правда» и «постправда» в революционно-ценностном конфликте на Украине // Русин. 2017. № 4(50). С. 134–151.
5. Черненко Ю.А. Political Storytelling in Digital Culture: a Tool for Post-Truth Politics? // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2017. Т. 2. № 1. С. 73–85.
6. Рустамова Л.Р., Барабаш Б.А. Информационное воздействия в эпоху «постправды» и «фейк-ньюз» // Вопросы политологии. 2018. Т. 8. № 5(33). С. 23–30.
7. Лебедева И.В. Фейк как социокультурное явление современного общества // Гуманитарные исследования. 2013. № 2(46). С. 157–165.
8. Борхсениус А.В. Дезинформация как технология информационно-психологических войн. Фейк и антифейк // Вопросы политологии. 2016. № 2(22). С. 232.
9. Манойло А.В. Технологии современных информационных войн // Политическая наука. 2017. № 5. С. 306–325.
10. Манойло А.В. Структура современных операций информационной войны // Вестник Российской нации. 2018. № 4(62). С. 197–255.
11. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990. С. 5–26.

Д.И. БЕРЕЗЮК

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТА

***Аннотация.** Настоящая статья посвящена концептуализации современных научных подходов к теоретическому осмыслению института президента (с фокусом на постсоветском пространстве). Анализ российских и зарубежных источников приводит автора к выводу о том, что разработанные западными исследователями теоретические конструкты не обладают всеобъемлющей универсальностью и нуждаются в эмпирической проверке. Такие термины, как «патримониализм», «неопатримониализм», «суперпрезидентализм», являются слишком абстрактными и идеологически окрашенными. Патерналистские черты института президента в ряде постсоветских стран служат опорами для институционального строительства политических систем и выработки курсов как для правящих элит, так и для общества в целом.*

***Ключевые слова:** президентство, институт президентства, президентализм, президентура, парламент, правительство, институционализация.*

CONCEPTUALIZATION OF MODERN APPROACHES TO STUDY THE INSTITUTION OF THE PRESIDENT

***Abstract.** This article is dedicated to the conceptualization of modern scientific approaches to the theoretical understanding of the institution of the presidency (with a focus on the post-Soviet space). An analysis of Russian and foreign sources leads the author to the conclusion that the theoretical constructs developed by Western authors do not have comprehensive universality and need empirical testing. Terms such as “patrimonialism”, “neo-patrimonialism”, “super-presidentialism” are too abstract and ideologically colored. The paternalistic features of the presidency institution in a number of post-Soviet countries serve as supports for the institutional construction of political systems and the development of courses for both the ruling elites and the society as a whole.*

***Keywords:** president, presidential institution, presidentialism, presidency, parliament, government, institutionalization.*

На протяжении последних тридцати лет внимание многих представителей отечественного научно-экспертного сообщества приковано к про-

БЕРЕЗЮК Дмитрий Иванович — аспирант кафедры философии и социологии социально-гуманитарного факультета Академии труда и социальных отношений, г. Москва

блеме реализации президентской власти. Однако, при всем многообразии работ, посвященных указанной тематике, не до конца проясненными остаются существенные вопросы концептуально-терминологического характера. В частности, необходимо дифференцировать близкие по смыслу, но не тождественные, понятия «президентство», «институт президентства», «президентализм» (или «президентализм») и «президентура». Первое из перечисленных понятий, с нашей точки зрения, носит наиболее общий характер, подразумевая под собой набор формальных и неформальных правил, специфическую форму правления, внутри- и внешнеполитический курс главы государства. Именно в последнем понимании данный термин наиболее часто используется в научной литературе, когда авторы оперируют такими формулировками, как «президентство В.В. Путина», «президентство Д. Трампа», «особенности российского президентства», «специфика американского президентства» и так далее. Нередко термином «президентство» обозначают период полномочий того или иного политического лидера, во время которого реализуются определенные политические процессы (к примеру, российско-американские отношения в период президентства Дж. Буша, экономическое развитие страны в президентство В.В. Путина).

В.Е. Чиркин полагает, что термины «президентство» и «президентура» уместно использовать только применительно к коллегиальным и структурным формам, тогда как термин «президент» следует употреблять по отношению к единоличному главе государства в республике [1]. Значительно чаще употребляемый термин «институт президентства» заимствован политологией из юридических наук. Он может быть определен как совокупность устойчивых политико-правовых норм, упорядочивающих процесс формирования и функционирования президентской власти. В данном контексте под институтом президентства принято понимать набор формальных правил, в соответствии с которыми президент страны осуществляет свою деятельность. Заслуживает внимания и неоинституциональный подход, не ограничивающий изучение президентства нормативно-правовыми рамками данного явления. Сторонники неоинституционализма концентрируют внимание на неформальных полномочиях главы государства и сетевых механизмах его взаимодействия с элитами. С точки зрения С.Г. Паречинной, институт президентства должен рассматриваться политической наукой, прежде всего, как совокупность властных полномочий президента в системе государственного управления. Данные полномочия зависят как от конституционно-правовых норм, определяющих ключевые принципы реализации президентской власти, так и от конкретной практической деятельности главы государства [2]. Тем не менее, для более детального разграничения правового (институционального) и политологического (неоинституционального) подходов к интерпретации рассматриваемого феномена целесообразнее использовать понятие «президентализм».

Согласно Оксфордскому словарю, в своем первоначальном значении термин «президентализм» указывает на системные и практические аспекты президентского правления. Наиболее раннее его употребление восходит к тридцатым годам прошлого века. Зачастую понятием «президентализм» определяется такая форма правления, при которой глава исполнительной власти избирается посредством всенародного голосования на конкретный (фиксированный) срок исполнения полномочий. Специфической чертой президентализма с большой долей вероятности может считаться соблюдение принципа разделения законодательной и исполнительной властей: правительства и парламента. Мы полагаем, что соответствующий термин должен использоваться в более широком семантическом поле, нежели понятия «президентская форма правления» или «институт президентства» в его нормативно-правовом понимании. В сущности, президентализм представляет собой специфическую форму организации государственной власти, которая зиждется на принципе доминирования президента над легислатурами и правительством. Анализируя настоящий феномен, следует учитывать взаимообусловленность формальных и неформальных полномочий президента, а также его фактический статус в системе институтов государственной власти.

В сущности, президентализм характеризуется невозможностью четкого отнесения главы государства к той или иной ветви власти. Как правило, он рассматривается исследователями через призму теорий трансформации политических режимов. При этом авторов интересуют не столько преимущества конкретных систем правления, сколько их взаимосвязь и влияние на эволюцию политических институтов. В рамках транзитологической парадигмы президентализм рассматривается как механизм, обеспечивающий постепенный переход от диктатуры к демократии. Еще реже в научных источниках встречается понятие «президентура». Под ним обычно понимается конкретный срок полномочий соответствующего должностного лица, либо его резиденция. Так, в Республике Молдова термином «президентура» обозначается место, где глава государства осуществляет свою работу.

Выбор того или иного понятия из перечня схожих по смыслу формулировок «президентализм», «президентство», «президентура», «институт президентства» определяется рядом факторов. Во-первых, спецификой объекта, о котором идет речь; во-вторых, научным подходом, в рамках которого осуществляется исследование; в-третьих, локальными языковыми и политико-правовыми особенностями. Тем не менее, мы предлагаем под президентством в широком смысле слова понимать совокупность институционализированных норм и правил реализации президентской власти, включая ее формально-правовые (конституционные), неформальные и даже теневые аспекты. В свою очередь, развитие президентства может быть отождествлено с эволюцией соответствующего института, которая

выражается не только в изменении его правовых оснований, но и в постепенной трансформации сложившихся практик властвования. Подобной семантикой, например, наделяет данное понятие Д.А. Ежов, анализируя различные сценарии эволюции президентства в России [3].

Наряду с конкретным политическим институтом, под президентством может пониматься и специфическая форма (система) правления, отражающая актуальное соотношение сил парламента, правительства и, собственно, президента. М. Шугарт и Дж. Кэри классифицируют существующие формы правления на основе таких критериев, как «власть президента над правительством» и «степень независимости правительства от парламента». В рамках данного подхода они выделяют четыре «системы правления» [4]:

- 1) президентскую,
- 2) парламентско-президентскую,
- 3) премьер-президентскую,
- 4) парламентскую.

Вышеуказанные авторы предлагают также учитывать «законодательные» и «незаконодательные» полномочия главы государства. На основании комплексного политико-правового анализа президентских систем они предположили, что режимы с обширными законодательными полномочиями президента подвержены существенному количеству угроз. С точки зрения М. Шугарта и Дж. Кэри, слишком «сильное» президентство порождает конфликты между высшим должностным лицом страны и парламентом, ставя под удар всю политическую систему страны. Теоретические выкладки указанных авторов не находят практического подтверждения в современной России, где обе палаты Федерального Собрания демонстрируют высокий уровень поддержки В.В. Путина. За последние 10–15 лет в условиях российского президентализма не возникло ни одного значимого конфликта между главой государства и парламентом.

Американский политолог А. Лейпхарт, классифицируя существующие формы правления, использует такие критерии, как уровень доверия к правительству со стороны парламента, способ замещения должности главы исполнительной власти и степень внедрения принципов коллегиальности в работу правительства. Принимая во внимание данные критерии, он выделяет президентскую, парламентскую и шесть смешанных форм правления. По мнению А. Лейпхарта, реализация первой модели может привести к персонифицированию президентского поста, который постепенно начинает ассоциироваться с именем конкретного политического лидера [5]. Аналогичная мысль находит развитие в известной работе Х. Линца «Опасности президентства», положившей начало бурным дискуссиям о влиянии президентской формы правления на функционирование демократических институтов. Американский политолог утверждает, что в условиях жесткого президентализма высшее должностное лицо сочетает в себе

символические и реальные полномочия, что создает угрозу для стабильного воспроизводства политической системы. Кроме того, в данных обстоятельствах излишне обостряется конкурентная борьба за президентский пост, а также повышается вероятность взаимного блокирования решений президентом и парламентом, если в нем доминирует партия, оппозиционная главе государства [6].

Некоторые угрозы, перечисленные Х. Линцом, действительно, имеют место в период президентства Д. Трампа, находящегося в состоянии конфронтации с демократическим большинством в Конгрессе США. В январе 2019 года противоречия между президентом и парламентом даже привели к блокировке работы правительства страны («шатдаун» продлился более месяца). Тем не менее, «сложные взаимоотношения» Д. Трампа с американскими парламентариями объясняются не институциональной несостоятельностью президентализма, а его сугубо личной (весьма конфликтной) манерой реализации президентской власти и трансформациями электоральных предпочтений граждан США [7, 8]. При определенных обстоятельствах, вопреки сложившейся на Западе либеральной традиции, фактор персонификации президентской власти можно рассматривать как позитивный. В частности, он может способствовать росту доверия граждан к главе государства и сплочению общества вокруг фигуры национального лидера.

Еще один американский исследователь — Дж. Мак-Грегор — разделяет полномочия президента на три группы: политические, церемониальные и кадровые (возможность назначать и увольнять подчиненных) [9]. В свою очередь, Д. Фортин отмечает, что в расчет следует принимать лишь наиболее существенные полномочия (право вето, эксклюзивное право законодательной инициативы, возможность отправить правительство в отставку, право формирования кабинета министров, право роспуска парламента и т.д.) [10]. Указанный автор полагает, что сила президента заключается не в количестве (объеме), а в качестве (содержании) делегированных ему конституцией полномочий. Большой вклад в изучение президентских функций внес российский исследователь О.И. Зазнаев, который разработал десять критериев, позволяющих вычислить так называемый «индекс формы правления». На основе данного индекса можно установить степень предрасположенности политической системы к президентской или парламентской форме правления [11]. Учету подлежат такие полномочия главы государства, как назначение премьер-министра и других членов правительства, право законодательной инициативы, право вынести вотум недоверия правительству, право роспуска парламента и так далее.

Основная проблема индексного подхода к изучению президентства, на наш взгляд, заключается в его сугубо формальном характере. Так, во многих странах постсоветского пространства на первый план выходят не

конституционные полномочия президента, а авторитет и политическое влияние конкретных лиц, занимающих данный пост.

Североамериканские политологи Д. Ишияма и Р. Кеннеди посредством проведения ряда эмпирических исследований приходят к выводу о том, что воздействие президентализма на развитие демократических институтов и партийных систем несколько преувеличено. С их точки зрения, широкие полномочия Президента Российской Федерации не помешали формированию развитой партийной системы в стране, тогда как слабость института президентства, констатируемая на Украине, сочетается с неразвитой партийной системой и хаосом в органах законодательной власти [12]. Похожей позиции придерживается А.В. Лихтенштейн, по мнению которой президентализм создает разнонаправленные стимулы для динамического развития партийной системы, препятствуя становлению мощных политических партий, способных взять под контроль законодательный процесс [13].

Подобные выводы представляются нам не вполне обоснованными, поскольку вышеназванный автор не вполне адекватно оценивает роль Президента России в формировании современной партийной системы, основанной на естественном доминировании наиболее популярной политической партии в органах законодательной власти всех уровней. Полагаем, что наличие в стране сильного национального лидера, пользующегося поддержкой большинства граждан, неизбежно ведет к установлению гегемонии партии, с которой он ассоциируется.

С большой долей вероятности можно констатировать, что окончательного вывода в спорах о преимуществе президентской либо парламентской формы правления, в том числе для трансформирующихся режимов, на данный момент не существует. Сравнительно недавно возникло новое направление исследований, обусловленное стремительной «президентализацией» политики. В данном случае под «президентализацией» следует понимать сложный и многоплановый процесс, протекающий во многих демократических государствах мира, который представляет собой неуклонное укрепление президентской власти без институционального изменения формы правления. Данный процесс выражается в коренной трансформации принципов взаимодействия между органами власти и актуализации черт, свойственных «чистому» президентализму в условиях его формального отсутствия. Соответственно, усиление главы государства сопровождается укреплением его электоральной базы, возрастанием его независимости от legislatures и правительства в принятии решений, а также снижением ответственности правительства перед парламентом.

Весьма оригинальной и достойной внимания представляется нам «теория патронажного президентализма» Г. Хейла, в которой акцент сделан на цикличности колебаний между демократическими и авторитарными тенденциями развития института президентства [14]. Автор вводит концепт

«патронализма», понимая под ним наличие широких конституционных полномочий главы государства и высокую степень концентрации неформальной власти, основанной на патрон-клиентских отношениях, в руках президента. В рамках данной модели государство зиждется на сохранении президентской власти посредством морального и материального вознаграждения лояльных сторонников лидера, а также наказания его противников. По мнению российского исследователя П.Я. Фельдмана, клиентелизм (патрон-клиентские отношения) может рассматриваться не только как один из механизмов теневого представительства групповых интересов, но и как системообразующий принцип функционирования политических режимов [15, 16].

С точки зрения Г. Хейла, «патронализм» есть не что иное, как «социальный эквilibrium, где ключевым средством для достижения политических и экономических целей служит система личных поощрений и наказаний, распределяющихся по цепочке родственных связей и знакомств» [14, р. 28]. Соответственно, «высокопатронажными» могут считаться режимы, в которых неформальные связи и обязательства обретают главенствующее значение в процессе принятия властных решений. В подобных обществах зачастую наблюдаются прочные дружеские или семейные узы, пренебрежение нормами закона, коррупция, отсутствие технологического прогресса, кумовство, nepotизм и кронизм. При этом наиболее влиятельные политические сети концентрируют свои ресурсы вокруг одного патрона, наделяемого функциями арбитра. Так называемый конституционный президентализм предполагает фиксацию подобного положения в Основном законе страны. Основная проблема «патронажного президентства», с точки зрения американского исследователя, заключается в том, что оно делает невозможным цивилизованный и бесконфликтный транзит власти от президента к его потенциальному приемнику. Практический опыт свидетельствует о том, что опасения Хейла не всегда оказываются оправданными. Так, например, «высокопотронажный» режим Казахстана в 2019 году достаточно спокойно пережил транзит президентской власти от Н. Назарбаева к К.-Ж. Токаеву.

На постсоветском пространстве для описания политических режимов нередко используется термин «суперпрезидентализм». С. Фиш наделяет его следующими признаками:

- 1) органы исполнительной власти превосходят прочие органы власти по объему политических и материальных ресурсов;
- 2) президент контролирует большую часть распределительных функций государства;
- 3) парламент не имеет возможности отменить президентские указы и не может контролировать главу исполнительной власти;
- 4) по конституции вынесение импичмента президенту оказывается практически невозможным;

5) судебная система контролируется президентом и постепенно трансформируется в репрессивный механизм [17].

Либеральная западная традиция изучения мощных президентских режимов пронизана скептицизмом и даже страхом по отношению к последним. Ее сторонники полагают, что при наличии сверхпрезидентской системы равносторонний треугольник «президент — правительство — парламент» опасно деформируется. В руках главы государства концентрируются чрезвычайно широкие полномочия, которые не ограничиваются ни законом, ни парламентом, ни оппозицией, ни гражданским обществом. Легислатуры превращаются при этом в сугубо совещательные институты. Полагаем, что данные опасения объясняются, прежде всего идеологическими, а не объективными социально-политическими причинами. Следует признать, что тенденция к укреплению института президентства в ряде государств обусловлена их экономическими и политико-культурными особенностями, а также обострением внутри- и внешнеполитических угроз, парирование которых требует наличия жесткой вертикали президентской власти. Следовательно, формирование «суперпрезидентализма» для одних стран может быть злом, а для других — благом.

* * *

В современный политологический дискурс постепенно входит понятие «неопатримониализм» возникшее на материале постколониального развития ряда африканских, латиноамериканских и постсоветских государств. Данный термин восходит к веберовскому пониманию патримониализма и султанства. М. Вебер отмечал, что патримониализм возникает, главным образом, в условиях традиционного господства, когда органы власти и армия оказываются под контролем одного «хозяина». На основе этого теоретического посыла возникла концепция «султанства» как одного из наиболее характерных типов недемократических режимов. В качестве основных его признаков можно выделить политический и экономический «монизм», а также манипулирование идеологическими штампами в целях возвышения правителя.

С нашей точки зрения, адаптированное к современным политическим реалиям веберовское понятие «патримониализм» обладает серьезным эвристическим потенциалом при интерпретации особенностей политического развития стран Азии, Африки и Латинской Америки. Ключевыми характеристиками неопатримониальной модели властвования являются формирование патрон-клиентских отношений между бюрократией и группами интересов; использование административного ресурса для подавления конкурентов; «замирание» социальных лифтов; клановый характер государственной кадровой политики.

Функция президента в неопатримониальных системах заключается в том, что он лично осуществляет распределение общественных ресур-

сов среди своего окружения, устанавливая формальные и неформальные «правила игры». При этом его власть опирается на собственный авторитет, массовую поддержку и патрон-клиентские практики. Он может волюнтаристским образом осуществлять назначение и смену региональных элит, контролировать ключевые позиции в административно-государственном аппарате, сохранять персональную лояльность руководителей силовых министерств и специальных служб. Посредством выстраивания разветвленных патронажных сетей подобный лидер обеспечивает себе поддержку со стороны групп давления (крупного бизнеса, религиозных институтов, массовых общественных организаций). Реализуя функцию главного патрона, президент выступает верховным посредником во внутриэлитных коммуникационных процессах и конфликтах.

Польский исследователь Р. Чахор делает вывод о воспроизводстве неопатримониальных режимов на постсоветском пространстве в рамках перехода от султанистского типа режимов к более плюралистическим формам [18]. Однако российский ученый Г.Л. Тульчинский полагает, что использование субъективных, оценочных категорий в парадигме неопатримониализма неизбежно ведет к тому, что явления, которые не укладываются в рамки данной концепции, воспринимаются как отклонения от некой «нормы» или «демократического стандарта» [19]. Выявление данных отклонений западными и российскими авторами влечет за собой выдвижение соответствующих рекомендаций по корректировке реальности в сторону демократизации. В свою очередь, осуществление подобных корректировок не всегда представляется уместным. Зачастую искусственная демократизация и либерализация режима «сверху» провоцирует ослабление государства и возникновение противоречий между властным курсом элиты и политической культурой масс.

* * *

Очевидно, что разработанные западными (преимущественно, американскими) авторами теоретические конструкты не обладают всеобъемлющей универсальностью и нуждаются в эмпирической проверке, на которую могут уйти десятки лет. По крайней мере, ряд терминов, касающихся функционирования института президентства («патримониализм», «неопатримониализм», «суперпрезидентализм»), представляются нам слишком абстрактными, расплывчатыми и идеологически окрашенными. Их употребление в американском и европейском научном дискурсе применительно к России сопряжено с негативными коннотациями и историческими ассоциациями. Политические системы постсоветских стран до сих пор пребывают в стадии становления. Патерналистские традиции и сильные лидеры (президенты) при этом служат своего рода опорами для институционального строительства и выработки политических курсов как для правящих групп, так и для всего общества. Однако, определяющим

фактором эволюции политических систем в постсоветских державах, с нашей точки зрения, является специфика их экономического базиса, глубоко пропитанного государственно-монополистическими чертами.

Таким образом, при изучении тенденций и трансформаций президентства на постсоветском пространстве нужно отказаться от одномерных попыток объяснения всех институциональных изменений особенностями «политической культуры», «уникальной ментальностью» или «советским наследием». Необходимо перенести акценты на объяснение устойчивости президентализма через фундаментальные экономические критерии, а также некоторые положения элитологии, теории политических сетей и групп интересов. В любом случае, кажущаяся избыточность научных трудов, посвященных развитию института президентства в России, не должна препятствовать его дальнейшему политологическому анализу и осмыслению.

Список литературы

1. Чиркин В.Е. Глава государства. Сравнительно-правовое исследование. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014. 240 с.
2. Паречина С.Г. Институт президентства: история и современность. Мн.: ИСПИ, 2003. 163 с.
3. Ежов Д.А. Институт российского президентства: сценарии эволюции // Власть. № 6. 2012. С. 31–34.
4. Shugart M.S., Carey J.M. Presidents and assemblies: constitutional design and electoral dynamics. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 322 p.
5. Lijphart A. Constitutional Design for Divided Societies // Journal of Democracy. 2004. № 15. pp. 96–109.
6. Linz J. The Perils of Presidentialism // Journal of Democracy. Vol. 1. № 1. 1990. pp. 72–84.
7. Ежов Д.А. Тенденции трансформации электоральных предпочтений в западных демократиях // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 308–310.
8. Электоральные процессы в России и Европе: новые практики, институты и технологии: коллективная монография (под общ. ред. М.Е. Родионовой, С.Ю. Белоконева, П.С. Селезнева, Д.А. Ежова). 2018. М.: КноРус. 344 с.
9. McGregor J. The Presidency in East Central Europe // RFR Research Report. 1994. № 2. pp. 12–16.
10. Fortin J. Measuring presidential powers: some pitfalls of aggregate measurement // International political science review. 2013. № 1. pp. 91–112.
11. Зазнаев О.И. Осмысление форм правления в зарубежной политической науке: новейшие дискуссии // Политическая наука. 2014. № 1. С. 10–33.
12. Ishiyama J., Kennedy R. Superpresidentialism and Political Party Development in Russia, Ukraine, Armenia and Kyrgyzstan // Europe-Asia Studies. 2001. № 8. pp. 1177–1191.
13. Лихтенштейн А.В. Институциональные условия возникновения и функционирования «партий власти» в России и Украине: сравнительный анализ: дис. ... канд. полит. наук. М., 2003.

14. Hale H. 25 years after the USSR: what's gone wrong? // *Journal of Democracy*. 2016. Vol. 27. № 3. P. 24–35.
15. Фельдман П.Я. Лоббизм: теория и практика. М.: Горячая линия-Телеком, 2015. 120 с.
16. Фельдман П.Я. Лоббизм в системе социальных и политических институтов современной России // *Международные отношения*. 2014. № 3. С. 392–397.
17. Fish M.S. The Executive deception: superpresidentialism and the degradation of Russian politics // *Building the Russian State: institutional crisis and the quest democratic governance* / ed. by V. Sperling. Boulder, 2000. pp. 177–192.
18. Czachor R. Postradzieckie reżimy polityczne w perspektywie neopatrymonialnej: wstęp do badań. Wrocław, 2015. S. 261–262.
19. Тульчинский Г.Л. Объяснение в политической науке: конструктивизм vs позитивизм // *Публичная политика*. 2017. № 1. С. 76–98.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАЙМЕРИЗ: ВОСПРИЯТИЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СМИ (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

***Аннотация.** В статье изложены результаты дискурс-анализа региональных СМИ Санкт-Петербурга. Жители города, которые пользуются Интернетом, чаще всего получают информацию из социальной сети ВКонтакте и подписаны на новостные паблики региональных СМИ именно в этой сети. Сегодня СМИ оказывают очень большое влияние на формирование общественного мнения. Поэтому автор статьи исследовал дискурс региональных СМИ Санкт-Петербурга на тему «праймериз/предварительное голосование». С опорой на проведенный анализ автор делает вывод о необходимости выработать стандарты по информационно-разъяснительному сопровождению кампаний праймериз с целью популяризации данной процедуры среди граждан.*

***Ключевые слова:** демократия, выборы, праймериз, предварительное голосование, общественное мнение.*

REGIONAL EXPERIENCE IN PRIMARIES: PERCEPTION THROUGH THE PRISM OF THE MEDIA (ON THE EXAMPLE OF ST. PETERSBURG)

***Abstract.** The article presents the results of the discourse-analysis of the regional media of St. Petersburg. Citizens, who use the Internet, most often receive information from the social network VKontakte and subscribe to the news of the regional media in this network. Today, the media have a great influence on the formation of public opinion. Therefore, the author of the article investigated the discourse of regional media in St. Petersburg on the topic "primaries / primary election". Based on the analysis, the author concludes that it is necessary to develop standards for informational support of the primary campaigns in order to popularize this procedure among citizens.*

***Keywords:** democracy, elections, primaries, primary election, public opinion.*

В 2019 году партией «Единая Россия» в Санкт-Петербурге планируется проведение предварительного голосования (назначено на 16 июня),

по результатам которого победители будут выдвинуты в кандидаты на генеральное голосование (в западной терминологии — см. ниже по тексту) в органы местного самоуправления (назначено на 8 сентября 2019 года). Относительно недавно, в 2016 году «Единая Россия» провела масштабную предвыборную кампанию с использованием процедуры предварительного голосования перед выборами в Государственную Думу VII созыва. Для анализа адаптации процедуры, применявшейся в 2016 году, нами был выбран город Санкт-Петербург.

Данный регион был выбран не случайно: политический процесс региона имеет свою специфику — особый режим управления, довольно высокая политическая активность граждан, динамичная борьба групп интересов за распределение ресурсов управления. В силу своей специфики регион является открытым для внедрения передовых инновационных политических, в том числе электоральных, решений.

В России понятие «праймериз» в публичном политическом дискурсе появилось относительно недавно, само его применение в нашей стране имеет небольшую биографию. Все же это явление, как один из основных элементов избирательного процесса, в свое время было подробно исследовано российским ученым М.Я. Острогорским. В работе «Демократия и политические партии» он изложил результаты своего исследования праймериз [1, с. 361–540].

«Праймериз» в переводе с английского означает предварительные выборы (primary election), которые предшествуют основным выборам (general election). Данная процедура появилась в США в XIX веке, и ее применение насчитывает уже вековую историю.

Стоит уточнить также понятие «генеральные (основные) выборы», так как в нашей стране данное понятие используется редко. Генеральные выборы — официально закрепленная в законодательстве процедура назначения выборного лица на должность в исполнительные или законодательные органы власти в результате всеобщего голосования. По результатам генеральных выборов победитель голосования официально вступает в свои полномочия по реализации власти, тогда как по результатам праймериз (предвыборного голосования) победители становятся только кандидатами на выдвижение для участия в генеральных выборах.

Согласно Острогорскому, изначально primaries («первичные» или «низовые» собрания) являлись совещательным органом и занимали самую нижнюю ступень в структуре партии, но затем они начали приобретать характер выборной процедуры с целью упорядочивания принятия решений по назначению кандидатур в вышестоящие органы партии [1, с. 361–368]. Один из известных политических деятелей, кто предложил элемент выборности включить в процесс ротации кадров партии, Эндрю Джексон, участвовал в создании Демократической партии США. «Первичные» собрания и процесс назначений в них должны были стать новым способом продвижения делегатов от граждан, которые работали бы на благо их интересов [2, с. 1–2].

Подробный обобщающий материал по применению «праймериз» в США представлен в современной литературе [3].

По американским избирательным процедурам в случае победы кандидатов на предварительном голосовании партия выдвигает их на генеральные выборы. На современном этапе развития демократии в России главная цель праймериз — обновленный механизм ротации кадрового состава в исполнительные и законодательные органы власти.

По форме участия избирателей «праймериз» делят на [3, с.143]:

– открытые, в которых могут участвовать все избиратели вне зависимости от их партийной принадлежности, но только — на «праймериз» одной партии;

– закрытые, где имеют право принимать участие только избиратели, являющиеся сторонниками партии и официально зарегистрированные в качестве таковых;

– общие, по которым в предварительном голосовании разрешается участвовать всем избирателям вне зависимости от их принадлежности к той или иной партии, то есть избиратели могут участвовать в «праймериз» всех (официально зарегистрированных) партий без ограничений.

Именно в США явление «праймериз» сегодня наиболее активно исследуются, так как там данная процедура получила самое широкое распространение. В частности, Эрик Макги, Сет Маскет, Борис Шор, Стивен Роджерс, Нолан Маккарти [4] выделили особую категорию для анализа — «кросс-свойтеров», — то есть избирателей, которые на время праймериз голосуют за кандидата с партийной идентификацией, отличной от партийной идентификации самого избирателя (например, гражданин является членом или сторонником одной партии, но на данных выборах по каким-либо причинам голосует за другую партию или ее кандидата). Феномен «кросс-свойтерства» может быть связан с возможностью манипулирования электоральным поведением или же, наоборот, — с рациональным поведением избирателя, которое побуждает голосовать за кандидата, гарантирующего, по мнению избирателя, защиту его интересов в данный период времени независимо от партийной принадлежности (в данном случае очень важную роль играет коммуникация, в ходе которой у электората формируются те или иные предпочтения).

Влияние информации на стимул изучения потенциальными избирателями предлагаемых кандидатами (партиями) программ и их идеологии исследовала другая группа ученых: Ш. Хирано, Г. Ленц, М. Пиньковский и Дж. Снайдер [5]. Они выделили 3 вида предвыборных кампаний праймериз (отличие которых строилось на близости/разности идеологических программ):

1. Baseline — когда идеологические различия между программами кандидатов в ходе предвыборной кампании особенно сильны;

2. Placebo — при котором между программами кандидатов существуют минимальные идеологические различия;

3. Incumbents — участниками таких кампаний являются только лица, до этого избранные и занимающие данную выборную должность.

Исследователями были произведены расчеты для каждого вида кампаний. В результате анализа было выявлено, что самые успешные предвыборные кампании осуществляются в ходе «baseline», так как в нем проявляется настоящая конкуренция, и для кандидатов таких гонок важно проводить в СМИ максимально различающийся дискурс с четко определенным идеологическим содержанием. В ходе гонок placebo и incumbents подобные результаты не были обнаружены. В первом случае (placebo) избиратель слабо различает идеологические платформы кандидатов, что не вызывает интереса к дальнейшему их изучению (недоверие к лжеконкуренции). Во случае с incumbents избиратель считает, что довольно хорошо изучил позиции кандидатов, пока те занимали соответствующие государственные должности, и ему нет необходимости в ходе предвыборной кампании обращаться к дополнительной информации об этом кандидате. Следовательно, в ходе гонок данных видов коммуникационные технологии оказывают на электоральное поведение слабое влияние.

Продолжая раскрывать роль коммуникационных технологий в ходе кампании праймериз, необходимо отметить результаты исследования М. Кима и К. Гарретта [6]. С помощью интернета ученые проанализировали воздействие получаемой информации в ходе дебатов, транслируемых по телевизору/в интернете, на формирование предпочтений в пользу того или иного кандидата. Для анализа учеными были взяты дебаты Б. Обамы и Х. Клинтон во время праймериз 2008 года.

В ходе исследования было выявлено, что такая коммуникационная технология, как дебаты, способна оказывать очень сильное воздействие на формирование образа кандидата, а также может стимулировать выбор в пользу того или иного кандидата. Во время дебатов реципиент (тот, кто получает информацию) видит и слышит кандидата, то есть оценивает имиджевый капитал, который кандидаты стараются продемонстрировать чаще всего.

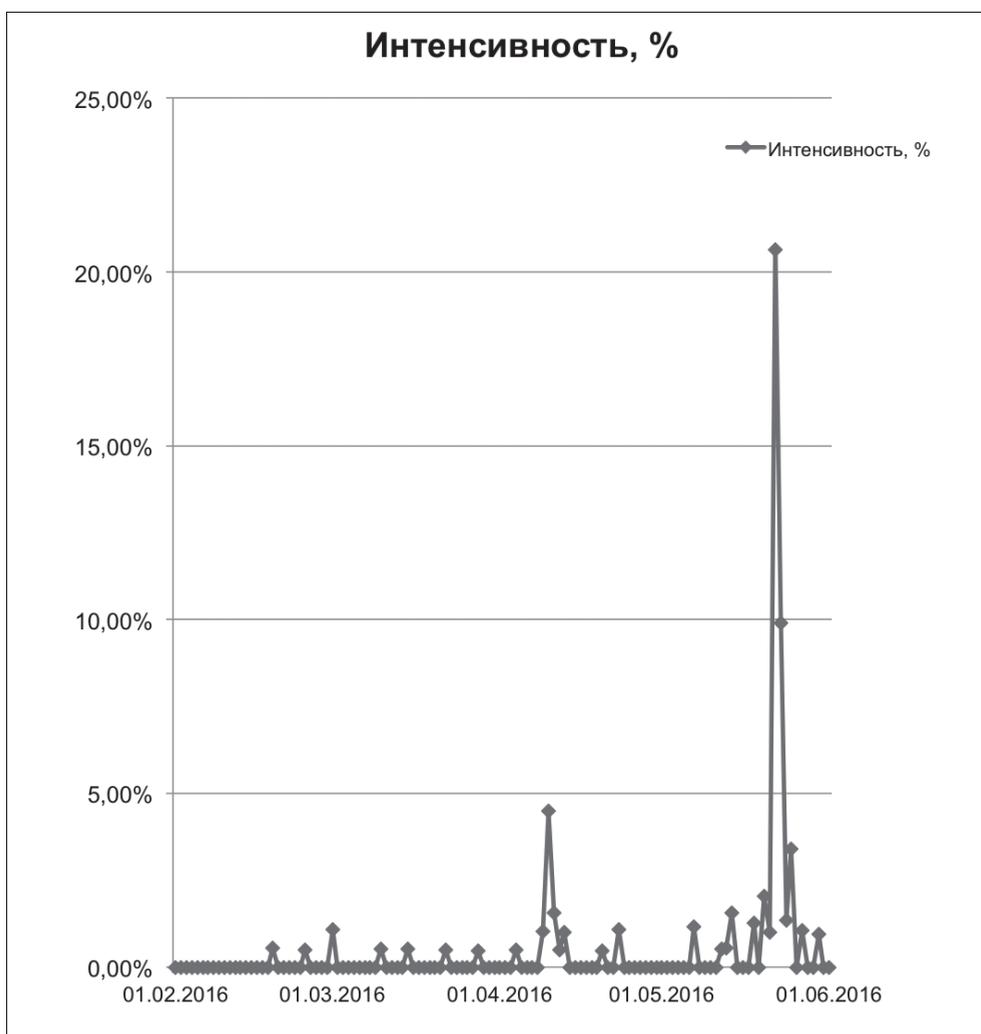
Таким образом, сегодня праймериз выполняют следующие функции:

- демократизация внутрипартийного процесса (участие граждан в обновлении кадров партии власти);
- расширение электоральной базы (за счет открытой формы «праймериз»);
- выработка избирательной стратегии задолго до генеральных выборов;
- повышение рейтинга партии и формирование общественного мнения;
- придание дополнительной легитимности избирательному процессу.

Нами исследован региональный опыт проведения партией «Единая Россия» предварительного голосования перед выборами в Государственную Думу VII созыва (2016 год). Для изучения общественного мнения и публичного дискурса по теме «предварительное голосование» мы выбрали новостные сообщения региональных СМИ Санкт-Петербурга и коммен-

тарии пользователей к данным сообщениям. С опорой на данные из групп региональных СМИ социальной сети ВКонтакте был проведен анализ интенсивности сообщений по запросу «праймериз/предварительное голосование в период с 1.02.2016 по 1.06.2016. (Новости Петербурга сегодня онлайн «Мой район», «Новая газета» в Санкт-Петербурге, ЗАКС.Ру, Деловой Петербург, Телеканал «Санкт-Петербург», Петербургский дневник, Фонтанка.ру, LIFE78)», а также дискурс-анализ новостных сообщений. На основе собранных данных составлен график интенсивности сообщений, который представлен на графике 1.

График 1. Интенсивность опубликованных сообщений в региональных СМИ на тему «праймериз/предварительное голосование» в г. Санкт-Петербург

На графике можно увидеть, что новостные сообщения на тему «праймериз/предварительное голосование» осуществлялись каждую неделю. Но интенсивность данных сообщений была крайне низкой: новостные сообщения по заданной теме не превышали 1-2 процентов публикаций в день от общего числа новостных сообщений выбранных нами источников. Конкретного канала для популяризации данной темы определено не было. В период с февраля по апрель включительно сообщения появлялись точно в абсолютно разных источниках, но ни один источник не публиковал регулярные сообщения на данную тему. Мы учитываем, что пользователи, подписанные на один новостной паблик, могут быть не подписаны на другие паблики. Поэтому в связи с низкой интенсивностью публикаций и отсутствием конкретного канала трансляции данной темы на региональном уровне можно утверждать, что в период с февраля по апрель включительно тема не могла быть усвоена широкой аудиторией и не закрепились в сознании читателей пабликов региональных СМИ.

Это подтверждается и комментариями некоторых пользователей к новостным сообщениям, опубликованным в группах местных СМИ в период с февраля по май включительно. В поисковом запросе нами был сделан поисковый запрос по понятиям «праймериз/предварительное голосование». В результате открывался перечень новостных сообщений и комментариев, содержащих запрашиваемые термины. Всего актуальных комментариев было зафиксировано 24 (под актуальным комментарием понимается высказывание, касающееся обсуждения самой процедуры непосредственно). Надо отметить, что 24 комментария за 4 месяца — это очень низкая интенсивность заинтересованности пользователей. Все комментарии относились к обсуждению предварительного голосования партии «Единая Россия». Про «праймериз» Демократической коалиции «Волна перемен» комментариев в заданный период зафиксировано не было (очевидно, это связано с тем, что в данных источниках публиковались сообщения только о предварительном голосовании «Единой России»).

Был проведен и контент-анализ комментариев, по результатам которого выделилось 4 значимых категории (термин обозначения процедуры в СМИ, необходимость в реализации процедуры, особенности механизма реализации процедуры и партия «Единая Россия»).

Согласно исследованию, многие пользователи не знают такой процедуры, как праймериз, не понимают ее смысла, путают с генеральными выборами («никто и не знал, что выборы будут»; «а что такое предварительное голосование?»; «не понял, а зачем вообще нужен этот праймериз»; «это выборы в Питере!? при чем здесь некий “праймериз”!?»; «что за праймериз?»). Также пользователи были недовольны тем, что сами редакторы в сообщениях употребляли иностранное название процедуры и намеренно подчеркивали заимствование процедуры у американской избирательной системы, которое, по мнению пользователей, русскоязычному читателю сложно воспринимать.

Реализация процедуры, по мнению комментирующих, в рамках избирательной системы России, не будет эффективной. Пользователи выражали отрицательное отношение к процедуре: по их мнению, она не поможет сделать избирательный процесс прозрачным, расширить электоральный сегмент партии и запустить новый канал обратной связи партии с населением в виду отсутствия настоящей конкуренции среди кандидатов («прошлые праймериз показали, что наиболее достойными кандидатами являются действующие депутаты») и отсутствия регулярной коммуникации с гражданами («надо не диковинным словом “праймериз” зазывать, а приглашать на встречи»). Отметим, что из всех проанализированных единиц текстов 95,24 процента имеют отрицательный индикатор. Большинство комментариев носят негативный характер.

В день проведения праймериз «Единой России» 22 мая 2016 года интенсивность сообщений резко возросла (до 20 процентов). Это было связано с тем, что в источниках было опубликовано по несколько сообщений о праймериз в этот день.

Обратим внимание на сами источники, через каналы которых транслировалась информация о праймериз. Надо отметить, что все они были поделены на несколько категорий СМИ: оппозиционные, независимые и правительственные. Сообщений о праймериз в группах ВКонтакте оппозиционных и независимых СМИ было намного больше, чем правительственных СМИ. Если независимые и оппозиционные СМИ в своих новостных группах ВКонтакте в течение всей кампании предварительного голосования (с февраля по май включительно) периодически публиковали сообщения о праймериз, то правительственные СМИ опубликовали всего несколько сообщений в самом начале кампании в конце февраля — начале марта, а также ближе к дню голосования, в день голосования и после него (20.05. — 25.05.2016).

Число подписчиков независимых СМИ ВКонтакте превышает почти в 5 раз число подписчиков правительственных СМИ, и они, согласно результатам, получали негативную по характеру информацию о праймериз партии «Единая Россия» и демократической коалиции «Волна перемен», что могло сформировать у них отрицательное восприятие данной процедуры и ее организаторов.

* * *

Специфика праймериз партии «Единая Россия» в Санкт-Петербурге по результатам дискурс-анализа независимых и оппозиционных СМИ характеризуется следующим:

- отсутствие демократизации внутрипартийного процесса, то есть честной публичной конкуренции (А. Сунгуров — «нежелательные элементы либо сходят с дистанции сами, либо им рекомендуют сойти», «победят те, кто должен победить»);

- отсутствие демократизации избирательного процесса — несоответствие официально заявленной формы праймериз ее действительному механизму осуществления в регионе; заявлена открытая — беспартийная форма участия избирателей, но отмечаются черты, которые ближе к полукрытой форме (О. Ведутов — «информирование населения очень слабое, и это выглядит сознательной политикой на местах»);
- функция демократизации внутрипартийного процесса отсутствовала и была заменена на функцию выявления кандидатов с наибольшим политическим капиталом в ходе региональной борьбы влиятельных политиков (А. Ершов — «праймериз выгодны только тем кандидатам, которые достаточно раскручены и точно пойдут на выборы»).

Независимыми и оппозиционными СМИ было зафиксировано множество различных видов нарушений в 4 округах (в том числе те, которые использовались для искусственного увеличения явки — «из-за нулевой явки политтехнологам кандидатов приходилось оперативно искать электорат... пришлось, используя методы 1990-х»). В новостных сообщениях отмечалось отсутствие внимания организаторов праймериз к проблемам нарушений. Использование такой коммуникационной технологии, как дебаты, отмечается как неэффективное («участники дебатов порой отделивались ответами в духе «Я не знаю»; «Я со всеми согласен, готов записать это на бумаге и реализовать в жизни»).

В связи с вышеперечисленными особенностями в оппозиционных и независимых СМИ отмечалась низкая явка на праймериз. В новостях и оппозиционных, и независимых региональных СМИ давалась общая негативная оценка прошедшим в регионе праймериз партии «Единая Россия»:

- низкая явка («праймериз “Единой России” как репетиция выборов удалась... явку удалось минимизировать»);
- применение административного ресурса;
- полное расхождение с традиционной концепцией применения праймериз (невыполнение всех основных функций процедуры — демократизация, формирование позитивного имиджа, расширение электоральной базы).

Несмотря на то, что в некоторых сообщениях оппозиционных и независимых СМИ указывались время, цели проведения праймериз, про сам механизм процедуры, форму участия в качестве избирателя было сказано только накануне дня предварительного голосования и в сам день праймериз. Следовательно, из сообщений независимых и оппозиционных СМИ читатель в период с февраля по май включительно не мог получить актуальную информацию о том, что такое праймериз/предварительное голосование, для чего оно проводится, каков механизм голосования и кто может принимать в нем участие.

В ходе дискурс-анализа новостных сообщений региональных правительственных СМИ были выявлены особенности изложения на тему праймериз

партии «Единая Россия» в Санкт-Петербурге. В феврале–марте–апреле публиковалось по 1–2 сообщения в месяц (очень низкая интенсивность), содержащих информацию о конкретных персоналиях, а также о дебатах без информации о правилах участия в качестве кандидата и без описания механизма процедуры, в связи с чем читатели (потенциальные избиратели) не могли получить актуальную разъяснительную информацию о процедуре. Первое сообщение с описанием правил участия в качестве избирателя появилось в интернет-издании «Петербургский дневник» от 20 мая 2016 года.

Специфика праймериз партии «Единая Россия» в Санкт-Петербурге по результатам дискурс-анализа правительственных СМИ характеризуется следующим:

- демократизация внутрипартийного процесса, честная конкуренция (цитата В. Макарова: «список сформируют из самых достойных, лидеров общественного мнения, а также тех, кто своими программами, планами, предложениями и стратегиями завоевал доверие будущих избирателей»);
- демократизация избирательного процесса (цитаты В. Макарова: «по ...итогах петербуржцы определяют, кто, по их мнению, достоин стать кандидатом от ведущей политической силы страны — партии “Единая Россия”»; «однозначно успехом является то, что нам удалось обеспечить честность, прозрачность и открытость процедуры...»);
- отсутствие нарушений («обошлись без происшествий», но было отмечено с опорой на цитату руководителя кампании праймериз А. Тетердинко, что информация о нарушениях будет проверяться: «мы обратимся в правоохранительные органы с просьбой дать оценку произошедшего»).

Правительственные СМИ опыт праймериз партии «Единая Россия» в целом охарактеризовали как положительный. О кампании праймериз демократической коалиции «Волна Перемен» можно было узнать только из сообщений независимых и оппозиционных региональных СМИ. Специфика праймериз «Волны перемен» по результатам дискурс-анализа характеризуется следующим:

- раскол внутри коалиции (на сторонников М. Касьянова и Н. Пелевиной, с одной стороны, и на сторонников А. Навального, Л. Волкова и И. Яшина — с другой);
- срыв праймериз (был взломан сайт коалиции, в связи с чем произошла утечка данных зарегистрированных избирателей);
- отказ от учета результатов праймериз в связи с взломом сайта и утечкой данных;
- праймериз внесистемной оппозиции не популярны («нельзя, впрочем, сказать, что праймериз вызывали повышенный интерес у публики»).

В результате проведенного исследования можно сделать следующий вывод: организаторам предварительного голосования партии «Единая Россия» в 2019 году необходимо выработать стандарты по информационно-разъяснительному сопровождению кампаний праймериз с целью популяризации данной процедуры среди граждан (потенциальных избирателей). Граждане при получении адекватной информации о функциях предварительного голосования смогут включиться в процесс демократизации выборов. Разъяснительная работа снизит негативные оценки данной процедуры со стороны общественности, позволит усвоить гражданам пользу ее практического применения. Перед выборами в органы местного самоуправления участникам предварительного голосования в интервью местным СМИ, помимо представления предвыборных программ, необходимо давать разъяснительную информацию о механизме процедуры праймериз (цели предварительного голосования, правила участия, порядок голосования, каким образом будет учитываться на генеральных выборах и т.д.).

Надо отметить, что на сегодняшний день Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» запрещает проводить предвыборную агитацию до официального объявления начала избирательной кампании (предвыборная агитация предварительного голосования начинается задолго до начала официальной предвыборной агитации).

Список литературы

1. Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. 640 с.
2. Merriam C. Edward. Primary Elections. A study of the History and Tendencies of Primary Election Legislation. — Chicago: The University of Chicago Press, 1909. 308 p.
3. Орлов А.Г., Лафитский В.И., Ракитская И.А., Кузнецова Т.О. Современные избирательные системы. Вып. 3: Испания, США, Финляндия, Япония. М.: РЦОИТ: Типография «Новости», 2009. 448 с.
4. McGhee E., Masket S., Shor B., Rogers S., McCarty N. A Primary Cause of Partisanship? Nomination Systems and Legislator Ideology// American Journal of Political Science, Vol. 58, No. 2, April 2014, Pp. 337–351.
5. Hirano S., Lenz G.S., Pinkovskiy M., Snyder J.M., Jr. Voter Learning in State Primary Elections// American Journal of Political Science, Vol. 59, No. 1, January 2015, Pp. 91–108.
6. Kim Y. M., Garrett K. On-line and Memory-based: Revisiting the Relationship Between Candidate Evaluation Processing Models// PolitBehav, Published online: 22 February 2011, Pp. 345–368.

Н.А. ЗИНКОВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТОВ В. ПУТИНА И Д. ТРАМПА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

***Аннотация.** В статье рассматриваются конкретные стратегии политической коммуникации на примере Д. Трампа и В. Путина. Автор анализирует и сравнивает различные модели поведения и коммуникации политиков, оценивает степень важности той или иной модели для восприятия политика и анализирует актуальность рассматриваемого вопроса в условиях современной политической обстановки. Отмечается, что политическая коммуникация является смежным направлением, сочетающим знания из различных научных дисциплин.*

***Ключевые слова:** политическая коммуникация, стратегия коммуникации, модели коммуникации, факторы, личностные особенности политиков, выборы, Д. Трамп, В. Путин.*

POLITICAL COMMUNICATION OF PRESIDENTS V. PUTIN AND D. TRUMP: A COMPARATIVE ANALYSIS

***Abstract.** The article deals with specific strategies of political communication on the examples of D. Trump and V. Putin. The author analyzes and compares different models of behavior and communication of politicians, assesses the importance of a particular model for the perception of politics and analyzes the relevance of the issue in the current political environment. It is noted that political communication is a related area, combining knowledge from various scientific disciplines.*

***Keywords:** political communication, communication strategy, communication models, factors, personal characteristics of politicians, elections, D. Trump, V. Putin.*

В условиях современного, динамически изменяющегося глобального политического пространства возрастает роль политической коммуникации и ее стратегий. Стратегия политической коммуникации — одна из основных частей профессиональной деятельности любого политика, от нее зависит его имидж и эффективность проводимых им переговоров и публичных выступлений [1]. На выбор стратегии политической коммуникации влияют личностные качества политика и его жизненный опыт. От выбора коммуникационной стратегии будет зависеть то, как данный политик восприни-

ЗИНКОВ Никита Алексеевич — студент факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

мается на политической арене, и на какие действия он готов. Кроме того, возрастающая роль политической коммуникации в современном обществе позволила ей занять особую нишу в современной политической науке, сочетающей в себе множество дисциплин. В рамках данного исследования рассматриваются и анализируются особенности политических стратегий и моделей коммуникации Президента Российской Федерации В. Путина и Президента США Д. Трампа, а также факторы, влияющие на выбор этих моделей [2].

* * *

Д. Трамп часто характеризуют как политика-бизнесмена. Он первый президент США в XXI веке, обладающий объемным «бизнес-бэкграундом». То есть, он — в первую очередь, бизнесмен. Д. Трамп ведет себя так, как будто он — человек, для которого нет ничего невозможного. Его бизнес-подход к жизни накладывает отпечаток на его политические решения и коммуникацию. Вся биография Д. Трампа — цепь не только взлетов, но и оглушительных падений. Он пережил три банкротства. Неслучайно, что в автобиографических заметках Д. Трамп уделяет этим поражениям много внимания, особенно часто повторяя слово «выживание». Для его картины мира это очень характерно — он «выживает», борется с бесчисленными противниками за свое «место под солнцем». «Выживание» — это смысл его существования.

С этой точки зрения Д. Трамп сильно выделяется из ряда других западных лидеров. Никто из них не проходил через такое количество кризисов, через которое пришлось пройти американскому президенту. Если большинство европейских политиков выигрывают за счет грамотно проработанной стратегии, которая скрывает их недостатки, то Д. Трамп, наоборот, использует свои недостатки в качестве трамплина. В связи с этим конфликтная среда и кризисы являются вполне приемлемым рабочим пространством для Президента США. Даже в самой острой ситуации он не теряется и всегда способен принимать решения, недаром, получив президентское кресло, он любит повторять: «You're fired!».

Коммуникационная стратегия Д. Трампа в политике имеет ряд своих неповторимых особенностей. Во-первых, он установил прямую связь с избирателями: наиболее очевидным аспектом политической коммуникации Д. Трампа является его общение с использованием Twitter. Он довольно быстро пристрастился к социальной сети. Это помогает ему в какой-то мере избавиться от излишнего влияния СМИ. Предшественники Д. Трампа нуждались в том, чтобы пресса транслировала необходимые им сообщения, поэтому они уделяли внимание журналистам, даже вопреки негативному отношению прессы к ним. У Трампа нет прямой зависимости от средств массовой информации, которая была у его предшественников [3]. Во-вторых, Д. Трамп не особо беспокоится о мнении экспертного сообщества и об

истинности своих утверждений. Предшественники Трампа прежде чем сделать какое-либо заявление, консультировались с экспертным сообществом, опасаясь того, что в противном случае они могут прослыть неквалифицированными политиками. Трамп не видит необходимости иметь в своем офисе даже небольшую часть экспертного сообщества. Эта практика показывает, что для многих избирателей мнение экспертов играет второстепенную роль.

Д. Трамп смог использовать ранее заработанную известность, чтобы обойти средства массовой информации и фильтр экспертного сообщества и напрямую обратиться к общественности. Оказывается, безразличие к экспертной оценке вполне допустимо в рамках современной политической коммуникации.

Д. Трамп — истинный бизнесмен, который принес в политику Соединенных Штатов свою непредсказуемую модель политической коммуникации. Он не стесняется резких заявлений или угроз, легко отрешивается от своих слов. Однако, такая, казалось бы, непрофессиональная, с политической точки зрения, стратегия дает свои результаты — Трамп выиграл выборы у своих конкурентов — профессиональных политиков, притом имеет все шансы быть переизбранным в 2020 году.

* * *

Характеристика В. Путина как политика также имеет ряд своих особенностей. Президент России известен, как весьма жесткий переговорщик, способный последовательно отстаивать свою позицию перед оппонентами, и «сильный, эффективный и прагматичный лидер» [4]. В 2011 году он занял второе место в списке самых влиятельных людей мира по версии журнала Forbes (США). По мнению многих экспертов, В. Путин — «самый раскрученный отечественный бренд» [4]. Именно с ним возникают первые ассоциации, когда упоминают о России в мире. За рубежом его считают непредсказуемым переговорщиком, сильным и изощренным тактиком, который добивается целей, переигрывая оппонентов. Считается, что основу тактики переговоров В. Путина заложила служба в разведке, которая формирует такие важные для переговорщика качества, как хладнокровие, осторожность, дальновидность, способность просчитывать ходы оппонента.

Проблемной стороной подобной профессиональной социализации является склонность делить окружающих на «своих» и «чужих». На переговорах это трансформируется в стремление создать сплоченную команду из «своих», но в то же время осложняет коммуникацию с партнерами, если они считаются «чужими». Российский Президент стремится создать «свою» команду, найти союзников, партнеров, как в большой политике, так и на переговорах.

На переговорах В. Путин действует в команде, последовательно отстаивая свою точку зрения, находит нужные аргументы, помогающие превратить партнеров в союзников.

В настоящий момент остро-конкурентная политическая ситуация провоцирует политиков на жесткую переговорную игру. В таких условиях сдержанно-осмотрительный, а порой и достаточно жесткий личностный стиль В. Путина, подкрепленный колоссальным опытом политической коммуникации, помогает России решать сложные международные вопросы, последовательно отстаивать национальные интересы.

* * *

В рамках данной статьи сравнение коммуникативных стратегий Д. Трампа и В. Путина проводится по трем критериям: коммуникация с избирателями, коммуникативные стратегии на дебатах и коммуникация с другими главами государств.

Коммуникация с избирателями — одна из важнейших сторон коммуникативной политики каждого президента. В сравнении данного аспекта на примере американского и российского президентов каждый раз большую роль играет политическое устройство государства и его избирательные традиции.

У В. Путина существует официальный аккаунт в такой социальной сети, как «Twitter»¹ и личный сайт «putin.kremlin.ru»². Помимо этих средств, Путин довольно часто обращается к населению посредством проведения больших пресс-конференций, «прямых линий» и ежегодных посланий к Федеральному Собранию и населению, во время которых досконально вникает в каждый вопрос и проблему, при этом полностью открыт для своих избирателей и слушателей. Во время различных чрезвычайных ситуаций Президент России проводит личные встречи с населением и государственными служащими, берет под личный контроль наиболее серьезные происшествия. Коммуникация с населением — важное направление в деятельности Президента России, которая занимает большую часть всех его встреч. Однако, как правило, они носят характер «решение проблем одного человека», лишены какой-либо предвыборной агитации.

Д. Трамп также имеет официальные аккаунты в социальных сетях «Twitter»³, «Facebook»⁴, «Instagram»⁵, которые он, в отличие от Президента России, ведет лично. Роль социальных сетей у Трампа намного выше, чем у Путина. На них держится немалая часть избирательной кампании Президента США и его коммуникация со своими гражданами и предста-

¹ Страница В.В. Путина в «Twitter» [Электронный ресурс] // <https://twitter.com/kremlinrussia> (Дата обращения: 10.03.2019 20:00).

² Официальный сайт В.В. Путина [Электронный ресурс] // <http://putin.kremlin.ru/> (Дата обращения: 10.03.2019 19:30).

³ Страница Д. Трампа в «Twitter» [Электронный ресурс] // URL: <https://twitter.com/realdonaldtrump> (Дата обращения: 15.03.2019 21:30).

⁴ Страница Д. Трампа в «Facebook» [Электронный ресурс] // URL: <https://ru-ru.facebook.com/DonaldTrump/> (Дата обращения: 16.03.2019 20:30).

⁵ Страница Д. Трампа в «Instagram» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.instagram.com/realdonaldtrump/?hl=ru> (Дата обращения: 13.03.2019 18:00).

вителями других стран. В социальных сетях для Трампа основным направлением является коммуникация с избирателями, публикация официальных заявлений, ответы на некоторые вопросы. Статус «поста» Д. Трампа в социальной сети — это официальное заявление президента, хотя мы не раз наблюдали, как Трамп с удивительной легкостью отказывался от своих заявлений [5].

Во многом коммуникация в социальных сетях заменяет Президенту Америки личные встречи и пресс-конференции с гражданами. В рамках данного исследования не обнаружены примеры, которые показывали бы участие Президента США в жизни конкретной семьи или человека. Однако, встреч с избирателями и различных публичных выступлений у него больше, чем у В. Путина. Д. Трамп имеет оригинальную стратегию коммуникации с гражданами, которая имеет ряд своих особенностей, присущих только ему. Стратегия В. Путина — более «классическая», но также имеет свои характерные черты.

* * *

Коммуникативные стратегии на дебатах играют большую роль в формировании имиджа президента, создавая некое предварительное впечатление о его предпочитаемой стратегии общения. Поведение политика на дебатах может дать значительный объем информации о личных и профессиональных качествах политика.

Так, большую роль в избирательной кампании 2016 года в Америке сыграли дебаты Д. Трампа и Х. Клинтон [6]. Поведение и модель коммуникации американского президента характеризуют его стратегию ведения политических дебатов. Трамп ведет дебаты в характерной ему агрессивной манере. Как правило, он использует тактику оценочного комментария, главной задачей которого является захват коммуникативной инициативы. Д. Трампу свойственно нарушать регламент дебатов, перебивать соперника, использовать оскорбления — все эти приемы отлично прослеживались в рамках теледебатов Трампа и Клинтон.

С точки зрения риторики, как, впрочем, и с точки зрения политологии, Д. Трамп — реакционер. Одна из главных задач его стратегии заключается в завоевании у аудитории статуса «своего парня». Стиль американского Президента постоянно предлагает зрителям и слушателям сделать выбор: «Вы со мной за новую великую Америку или с этим оппонентом?». Создание такого контрастного фона позволяет политику лучше донести свои идеи до аудитории, да еще и дискредитировать соперника. Для Трампа характерен прием повышенной громкости, который позволяет ему перехватить инициативу в диалоге и подавить оппонента.

Оценить коммуникацию В. Путина в рамках данного критерия крайне затруднительно, так как он всегда отказывался от участия в политических дебатах, ограничиваясь заочной полемикой. Участие В. Путина в дебатах

ограничивается форматом «вопрос — ответ» на конференциях. Один из самых ярких примеров подобного рода — прямой вопрос К. Собчак об оппозиции, который на ежегодной (традиционной) пресс-конференции был обращен непосредственно к Президенту России.

Речи В. Путина в рамках оппонирующих заявлений насыщены метафорами и сравнениями [7]. Он часто отсылается к прецедентам, сравнивая те или иные ситуации с похожими событиями в других странах. В. Путин, как и Д. Трамп, делает все возможное, чтобы захватить инициативу ведения дискуссии. Он не мешает выступать своим оппонентам, как это делает Трамп, но может позволить себе изредка перебивать оратора, вставляя реплики и даже колкости. Основная его тактика — дискредитация оппонента, разгром его аргументов и представление своего видения решения данной проблемы. Довольно часто В. Путин доводит до абсурда аргументы оппонента и переводит русло диалога на комфортное ему пространство.

Как правило, ведение дебатов Президента России сводится к монологу, где он сам решает, о чем и как будет говорить. Отсутствие примеров открытых споров В. Путина и его оппонентов связано с занимаемой им должностью, однако является причиной для недовольства оппозиции и значительно осложняет анализ поведения В. Путина на ринге политических дебатов.

Политико-коммуникационная стратегия политических лидеров с другими главами государств и высшими должностными лицами является политическим аспектом, значение которого трудно переоценить. Именно в этой коммуникации лучше всего просматриваются личностные качества и особенности политика.

Д. Трамп в большинстве случаев в переговорах с зарубежными лидерами придерживается тактики общения, которую он сам вывел по собственному опыту. Главный принцип его переговоров — вести дела только с равным себе, то есть с тем человеком, который действительно что-то решает. К переговорам на международном уровне Д. Трамп готовится по всем нормам стратегии ведения переговоров: его трудно обличить в незнании темы или недостаточности информации о собеседнике.

Один из важнейших пунктов проведения переговоров — модель поведения, которую для себя выбирает политик. В своих книгах Д. Трамп говорит о том, как нужно вести себя на переговорах: «Преуменьшайте свои достоинства и достижения. В бизнесе никогда не следует уподобляться бульдозеру и действовать нахрапом» [8, с. 105]. На практике вряд ли можно сказать, что Президент США следует своему принципу: Трамп — крайне эмоциональный человек и сдерживать себя, когда задета его гордость, ему крайне тяжело, что является большим минусом для переговорщика.

Основной принципом переговоров для Президента США, который он вывел, еще будучи бизнесменом, выступает принцип консенсуса, предполагающий обоюдную победу сторон. Данная тактика — огромный плюс для проведения переговоров, и если Трамп будет ее придерживаться, то

она может способствовать разрешению многих конфликтов, в том числе и международных.

Если на стиль ведения переговоров Д. Трампа влияет его бизнес-прошлое, то В. Путин — эталон дипломата в политике. Почти все мировые лидеры его признают одним из сильных переговорщиков на мировой политической арене [9]. Президент России известен как жесткий собеседник, умеющий эффективно отстаивать национальные интересы. Это сильный, эффективный и прагматичный лидер.

Главным компонентом личности В. Путина, влияющим на ведения им различного рода переговоров на высшем уровне, является устойчивое равновесие мотивов власти и достижения целей. При этом ни один из них не выступает в роли доминирующего фактора. Как правило, политики такого типа сочетают в себе умение сосредоточиться на исполнении деловых и профессиональных обязанностей с навыками ориентироваться в политическом процессе в целом и в переговорных перипетиях, в частности, и приспособливаться к быстро меняющейся ситуации. Он не одержим властью, хотя, несомненно, осознает ответственность, которую из этой ответственности проистекает, и умеет употреблять властные ресурсы для достижения поставленных целей. Президент В. Путин склонен сводить переговоры к теплому климату межличностных отношений. Он редко конфликтует и, с готовностью оказывая содействие, в том числе и оппонентам, стремится к спокойствию и стабильности в обществе.

Одним из самых важных аспектов ведения переговоров является умение внимательно слушать собеседника. Этой тактикой В. Путин владеет в совершенстве. Он не перебивает собеседника, дает ему возможность полностью высказать свою точку зрения и аргументировать ее. Возможно, в большей степени именно этим умением он зарекомендовал себя как талантливый переговорщик. Важным является и тот факт, что он умеет не только слушать, но и делиться информацией путем использования остроумных шуток, которые заставляют обратить внимания на его высказывания и позволяют брать инициативу переговоров в свои руки [10].

Стоит добавить, что в своих выступлениях В. Путин любит импровизировать, отвечать оппонентам острым словом, но никогда не оставит оскорбление или сарказм без ответа. В этом случае он может использовать острые фразы, быстро ставящие оппонента на место. Достаточно вспомнить его ответ американскому президенту Б. Обаме, по словам которого, в российско-американских отношениях «Путин одной ногой опирается на старые принципы ведения дел, а другой — на новые»⁶. На эту реплику В. Путин ответил: «Что касается стоять одной ногой в прошлом, а другой впереди, у нас в народе есть такое не очень литературное слово: мы враскорячку не

⁶ Интервью Б. Обамы информационному агентству «AP» [Электронный ресурс] // Информационное агентство AP. 2009, 2 июля. URL:<https://www.ap.org/en-us/> (Дата обращения: 20.03.2019. 17:00).

умеет стоять. Мы твердо стоим на ногах и всегда смотрим в будущее. Это особенность России»⁷.

Главными характеристиками В. Путина как переговорщика являются развитое чувство реальности, настойчивость в достижении цели, способность делать равнозначные уступки, находить компромисс, принимать решения и брать на себя ответственность за них. Среди характеристик, положительно влияющих на его способности переговорщика, выделяются: образованность, остроумие, владение иностранными языками, сдержанность, способность взвешивать свои суждения и точно формулировать мысли. Роль В. Путина на переговорах можно обозначить понятиями «решатель задач» и «эффективный коммуникатор» [11].

* * *

Таким образом, в политико-коммуникационных стратегиях В. Путина и Д. Трампа присутствуют и схожие черты. Это может способствовать становлению конструктивной коммуникации между двумя президентами, а, следовательно, и решению международных проблем [12]. Однако оба политика — сильные лидеры с устоявшимися взглядами, твердо защищающие интересы своих стран, поэтому для налаживания коммуникации лидерам необходимо большее количество личных встреч, на которых они бы смогли наладить личную коммуникацию, и на основе этого разрешить противоречия между странами.

Список литературы

1. Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития: Монография. М.: Прометей, 2004. 328 с.
2. Полозов В.М. Сравнительный анализ политических имиджей на примере В.В. Путина и Д. Трампа // Научный журнал «Студенческий форум», выпуск № 10 (31). С. 62–55.
3. Нахимова Е.А., Чудинов А.П. Основные теории коммуникации. Социальная работа, реклама и связи с общественностью, международные отношения. М.: Флинта, 2015. 162 с.
4. Лукьянов Ф. Владимир Путин — аватар и человек. 03.11.2011 00:00 // [Электронный ресурс] URL: <https://www.forbes.ru/> (Дата обращения: 19.03.2019 19:00).
5. Василенко И.А. Эффективный переговорщик: личностный стиль, стратегии, технологии. М.: Международные отношения, 2017.
6. Тымбаи А.А. Коммуникативные стратегии американских политиков (на примере избирательной кампании 2016) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 1. С. 105–123.

⁷ Интервью Б. Обамы информационному агентству «AP» [Электронный ресурс] // Информационное агентство AP. 2009, 2 июля. URL: <https://www.ap.org/en-us/> (Дата обращения: 20.03.2019. 17:00).

7. Минаева Л.В., Бондарева Л.В., Валентей Т.В., Варченко В.В., Данилина В.В., Корнеева Ю.А., Луканина М.В., Салиева Л.К. Речевая коммуникация в политике. Флинта: Наука Москва, 2007. 248 с.
8. Чурикова А.Е. Роль личностного фактора в процессе политических переговоров // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2010. № 5. С. 116–121.
9. Трамп Д., Макивер М. Думай как миллиардер. Все, что следует знать об успехе, недвижимости и жизни вообще. 3-е изд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.
10. Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе. Научное издание, СПб.: Издательство Михайлова В.А., 2001. 253 с.
11. Дмитриев А.В., Латынов В.В., Хлопьев А.Т. Неформальная политическая коммуникация. М.: «РОССПЭН», 1997. 197 с.
12. Манойло А.В. Модель информационно-психологической операции в международных конфликтах // Право и политика. 2008. № 6. С. 1387–1394.

И.В. ВЫДРИН

ОСНОВНОЙ ВОПРОС РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА, ГРАЖДАНИНА И ГОСУДАРСТВА

Эбзеев Б.С. Конституционное право России: учебник.
Москва: Проспект, 2019. — 768 с.

Аннотация. Статья посвящена анализу учебника «Конституционное право России», написанного профессором Б.С. Эбзеевым. Подготовленный на широкой научно-методологической основе, большой источниковой базе, учебник будет полезен для всех, кто интересуется российской конституционно-правовой проблематикой. Именно в таком, проблемном ключе поданы основные положения книги, написанные на точном знании российского законодательства и конституционной практики. Отмечается насыщенность издания обобщающими авторскими суждениями и выводами, удачная структурирование учебника, его выразительный язык.

Ключевые слова: конституционное право, отрасль права, Конституция, конституционализм, демократия, гражданин, Российское государство.

MAIN ISSUE OF RUSSIAN CONSTITUTIONALISM: RELATIONSHIPS OF THE PERSONALITY AND SOCIETY, THE CITIZEN AND THE STATE

[Review of the book: Ebzeev B. Constitutional Law
of the Russian Federation.
Moscow: Prospect, 2019. 768 p. (In Russ.)]

Abstract. The article is devoted to the analysis of the textbook “Constitutional Law of the Russian”, written by Professor B.S. Ebzeev. A textbook prepared on a broad scientific and methodological basis, a large source base, will be useful for anyone interested in Russian constitutional legal issues. Exactly in that, problematic vein served principal ideas of the book, written on an exact knowledge of Russian legislation and constitutional practice. The

ВЫДРИН Игорь Вячеславович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Уральского института управления — филиала РАНХиГС, г. Екатеринбург

publication's saturation with generalizing author's judgments and conclusions, the successful structuring of the textbook, and its expressive language are noted.

Keywords: *constitutional law, branch of law, Constitution, constitutionalism, democracy, citizen, Russian state.*

Б.С. Эбзееву, автору учебника «Конституционное право России», свойственно передавать «трудные вещи» доступным для восприятия научно-публицистическим, к тому же емким и выразительным языком. В случае с данной работой он себе не изменил. Рецензируемый труд относится к категории учебников, представляющих собой не лаконичный конспект лекций (а такие книги все больше входят в моду), а подробное, логически выстроенное и хорошо аргументированное повествование, знакомство с которым полезно и интересно одновременно.

Учебник позволяет, с одной стороны, наблюдать за проблематикой современного российского конституционного права с позиции маститого ученого, прошедшего большой и славный путь в юридической науке, с другой, — посмотреть на нее взглядом конституционалиста-практика с первоклассным послужным списком и огромным опытом работы. Б.С. Эбзеева трудно назвать кабинетным ученым, он — профессионал, представлявший и до сих пор представляющий разные ветви государственной власти: судебную, исполнительную и избирательную. Последнюю тоже можно принять за самостоятельный властный сегмент, пусть и в абстрактно-теоретическом плане. Огромная «армия» соподчиненных между собой избирательных комиссий, действующих на постоянной основе, тысячи людей, работающих в них, разветвленное законодательство, регулирующие избирательные правоотношения и прочие факторы, служат тому доказательством.

Очевидно, что на становление и развитие конституционного правосудия, проблематику конституционализма вообще и популярной ныне конституционализации, в частности, автор учебника смотрел не опосредованно, и не только сквозь призму своих или чужих книг, а напрямую, в том числе и в мантии судьи Конституционного Суда. В этом смысле мнение человека, хорошо знающего «конституционную кухню» изнутри, всегда интересно широкому кругу читателей, особенно студентам, склонным доверять ученым специалистам, что называется, с опытом.

Видимо, в становлении научных идей, заложенных в основу данной работы, свою роль сыграло и то обстоятельство, что ее автор конституционные начала организации и функционирования региональной власти постигал на должности Президента Карачаево-Черкесской Республики. Допускаю мысль, что на том столь же важном, сколь и непростом посту конституционные воззрения Б.С. Эбзеева могли претерпеть определенные изменения. Ведь исполнительная власть менее всего склонна теоретизировать и искать корень социальной или хозяйственной проблемы в идее прав человека, в

либеральных или консервативных моделях развития общества, что по определению характерно для ученого-конституционалиста.

В настоящее время автор учебника испытывает на конституционную прочность российскую избирательную систему, к которой накопились разные претензии, в первую очередь в плане доверия к ней со стороны части гражданского общества. И чем дальше от первых российских выборов, основанных на принципах подлинной демократии, тем громче раздаются сомнения в правильности подсчета голосов и установлении результатов выборов, действенности самих принципов избирательного права в современной России.

Говорю об этом не для того, чтобы лишний раз рассказать о жизненном пути создателя нового учебника, а для необходимого пояснения: я намерен в первую очередь подвергнуть анализу именно эти главы. Охватить вниманием столь объемную во всех смыслах книгу (760 страниц) в рамках лимитированной статьи вряд ли возможно, хотя учебники по конституционному праву редко бывают короткими, особенно в случаях, когда автору есть что сказать.

Рецензируемый учебник отличается своими конструктивными особенностями. В нем восемь крупных блоков, которые можно было назвать разделами или частями (как это обычно и делается), но автор отказался от этого, скорее всего давая возможность читателям пофантазировать на данную тему. Блоки дробятся на двадцать восемь глав, те в свою очередь — на сто двадцать четыре параграфа. Отдельные структурные фрагменты книги получили, по нашему мнению, яркие заглавия: «Конституционализм и демократия», «Народ в конституционном строе», «Верховная государственная власть и личность в раннем российском конституционализме», «Права человека и гражданина — императив конституции», «Государство как высшая форма сознания народа», содержащие едва уловимый публицистический оттенок. Впрочем, обычных, распространенных в конституционной науке заголовков и терминов, все равно много больше. Таков жанр научной литературы.

* * *

Содержание книги составляет глубокое исследование по большей части традиционных конституционно-правовых отношений, регулирующих их норм институтов, политико-правых явлений и феноменов, словом, всего того, что органично образует предмет отрасли конституционного права в его современном звучании. Однако, зачастую они изложены по-новому, в оригинальной авторской трактовке уже сложившихся подходов и представлений.

В качестве примера приведу суждения автора, относящиеся к соотношению понятий «государственное право» и «конституционное право». Нередко специалисты просто отмахиваются от этого вопроса, отождествляя оба понятия. Между тем, вопрос этот необычен, хотя бы потому, что далеко не каждая отрасль права с учетом обстоятельств места и времени меняет свое

имя, как это случилось в России. Тем более, когда речь идет о конституционном праве, наделенном «брендом» главной (ведущей, фундаментальной и даже транснациональной) отрасли права. Но если ведущее правовое образование отказывается от своего прежнего наименования, значит, в этом феномене есть то, что требует пояснений. И они существуют. Одни ученые кардинально разводят эти понятия, другие соотносят как целое и его часть, а профессор Эбзеев предлагает собственное видение данного вопроса: «Государственное» и «конституционное» право представляют собой различные качественные стадии исторического развития данной отрасли права — ее прошлое и настоящее» [1, с. 12].

Суть полемики вокруг наименования данной отрасли права автор представил как отражение «существенно различных представлений об организации публичной власти и пределах ее вторжения в различные сферы общественной и индивидуальной жизни, т.е. границах государственно-правового регулирования» [1, с. 12]. Упорное нежелание отказаться от старого наименования отрасли автор называет анахронизмом, а не верностью традиции. Поэтому речь идет не о терминологических предпочтениях, утверждает он, а о соответствии понятийного аппарата науки природе отрасли права [1, с. 19]. Словом, автор нового учебника выступает решительным сторонником конституционного права во всех смыслах этого многозначного явления: в терминологическом, содержательном, понятийном и в других его оттенках.

Новацией стали фрагменты учебника, посвященные социологическим и естественно-правовым основаниям конституционного права [1, с. 19–26]. Насколько нам известно, прежде такие попытки не предпринимались, что связано с недостаточным вниманием науки конституционного права к правовым, социальным и иным моментам возникновения и становления одноименной отрасли права вообще. Об этих факторах, как правило, упоминается вскользь, поверхностно, без должной аргументации, а в качестве ключевого условия обычно называют появление конституции в качестве основного закона государства в эпоху буржуазно-демократических революций.

Социологической основой (фактором или предпосылкой) конституционного права, по мнению автора учебника, выступают «свободный, гарантированный в своем достоинстве человек, суверенный народ, сильное государство, способное своим позитивным правовым воздействием покрывать всю территорию страны и различные сферы социальной жизни» [1, с. 22]. По его же версии, естественно-правовые основания отрасли конституционного права определяют принципы конституционного устройства Российского государства и общества, которые реализуются устанавливаемым Конституцией позитивно-правовым порядком. Сила таких принципов прямо признается Основным Законом. Они обязывают законодателя, исполнительную власть и правосудие. Конституция, предусматривая непосредственное действие прав и свобод человека, обязывает правосудие гарантировать их в своей деятельности. «В правовом государстве — отмечает автор, — не может

быть отказано в защите общепризнанных прав на том основании, что они не воспроизведены в конституции» [1, с. 26].

На наш вкус, в качестве дополнительного фактора становления отрасли конституционного права и самой конституции, как основного закона, выступили подоспевшие к тому времени социально-политические идеи вроде разделения властей, народного представительства, прав и свобод человека и гражданина, постепенно приобретшие значение конституционных принципов или, как сейчас принято говорить, конституционных ценностей. Бывшие первоначально плодом размышлений, игрой ума английских философов и французских просветителей, они стали интеллектуальной основой конституций, вплоть до того, что ни одна из них сегодня не может считаться «правильной» без закрепления этих ценностей.

Оригинальным получился раздел, названный автором «Основной вопрос современного российского конституционализма». В том смысле, что ранее таким вопросом как-будто никто не задавался, тем более в виде отдельного параграфа объемом в несколько страниц. А действительно, существует ли такая проблема вообще и в чем она заключается? Автор не только задает соответствующий вопрос, но и дает на него ответ. Главную проблему современного конституционализма в ее российском варианте он видит в такой государственно-правовой организации общества, которая сочетала бы сильное государство и прочный правопорядок со свободой личности. Примерно такую же формулу «идеального» государства полтора столетия назад предлагал профессор Б.Н. Чичерин, в свое время на долгие годы ставший ее апологетом и горячим пропагандистом. За что, кстати, и пострадал: был смещен с должности московского городского головы новым императором Александром III, не жаловавшим, в отличие от своего батюшки, конституционные проекты. Словом, с практическим внедрением данной идеи в российскую реальность пока не очень выходит. Ни тогда, ни, к сожалению, сейчас.

* * *

Достижение баланса между сильной властью и свободной личностью Б.С. Эбзеев усматривает в конкуренции коллективистских и индивидуалистских начал. «Главное, — признает автор учебника, — адекватно определить природу взаимоотношений личности и общества, гражданина и государства» [1, с. 27]. Не могу не заметить, что параграф, содержащий развернутый ответ на то, что есть главный вопрос конституционализма, представляет собой наиболее сильный фрагмент издания. Написанный выразительным, зачастую афористичным языком, он в перспективе может быть разобран на цитаты. В качестве иллюстрации приведу примеры: «Попытка посадить коллективизм на скамью подсудимых столь же бесперспективна, как и призвать к суду научной философии индивидуализм» [1, с. 29]; «Конституция есть форма и способ легитимации социального согласия и партнерства, а не средство обеспечения социального превосходства» [1, с. 30]. Полагаю,

что «эбзеевский» слог способен увлечь многих, даже тех, кто считает конституционную материю невообразимо скучной. Представляется, что ответ автора на поставленный им вопрос получился по всем статьям убедительным. Возможно, существуют и какие-то иные варианты ответа на него, но позиция автора ясна и понятна: гармоничный союз государства и личности, общества и человека таит в себе большой позитивный потенциал, идущий на пользу страны и ее граждан.

Интересны авторские суждения, касающиеся конституционного строя, его эволюции как политико-правового, социального и научного явления, расширения сферы его распространения от государства и его институтов в направлении гражданского общества. Учебник фиксирует данный процесс следующим образом: «Сегодня конституционный строй покрывает не только политическую сферу, как это было в эпоху раннего европейского конституционализма, но также социальную, экономическую, духовную организацию общества и представляет собой только такой публично-правовой порядок, которым упорядочивается не только область публичных отношений, но и все сферы жизни общества в целях свободы и справедливости» [1, с. 195].

Цели, способствующие правовому выражению принципов свободы и справедливости в государстве и обществе, без сомнения благородные, а конституционный строй, базирующийся на них, представляется едва ли не идеальным. Но конституционный строй — всегда правовой по своей сути, а значит, с распространением его ареала ширится (множится, углубляется) действие правовых норм, закованных «в броню» законов и подзаконных актов. В идеале они должны впитать в себя конституционный дух, в котором ощутимо улавливаются «ароматы» свободы и справедливости. В настоящее время примерно так и рисуется (хотя может быть и не в таких красках) процесс конституционализации разнообразных и многогранных общественных отношений.

Право надвигается на все новые сферы социальной деятельности, нормирует и лимитирует ее, подчиняет правилам и процедурам, переводит социальные отношения в правоотношения. Сомневаюсь, что этот процесс всегда является тем, что сейчас принято называть конституционализацией, но вот юридизацией общественных отношений охарактеризовать его точно можно. Под действие законодательных норм подпадает сегодня все и вся, под юридические определения загоняются вещи (явления, предметы), кажущиеся настолько обыденными, что их правовое оформление прежде могло бы показаться абсурдным. А между тем, в настоящее время ни одни правила благоустройства, принятые на муниципальном уровне, не обходятся без формализованных понятий «дерево», «цветник», «газон», «тротуар». Отсутствие этих определений в нормативных документах в свою очередь не дает возможности применять меры административной ответственности к нарушителям этих правил. Та же самая картина и на иных уровнях правового регулирования. Вопросы возникают сами собой: какова в этой

юридизации доля конституционной начинки, конституционализации как процесса распространения буквы и духа Основного закона на отраслевые правоотношения; и самое главное, подразумевает ли это конституционный строй?

* * *

Безусловный интерес представляет часть учебника, посвященная анализу избирательного права в нашей стране. Интерес, обусловленный в первую очередь членством автора в составе Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. Хотя предполагаю, что едва ли нынешний статус повлиял на его мнение как ученого-конституционалиста. Автор не отвечает напрямую оппонентам российской избирательной системы в связи с существующей критикой ее недостатков, пробелов и практики применения. Но ответы, пусть и в завуалированной форме, книга содержит.

Российское избирательное законодательство автор квалифицирует как «тщательно продуманное» [1, с. 475], категорически отсекая любые возражения и недомолвки по этому поводу. Он раскрывает нормативным образом зафиксированные способы обуздания «тирании большинства», воспринятые российской избирательной системой. В этом качестве, по мнению автора, предстают: максимально широкий отказ от избирательных цензов и установление всеобщего избирательного права; обеспечение одинаковой ценности голосов избирателей и их равного веса; конституционное закрепление места человека, его прав и свобод в иерархии защищаемых Конституцией ценностей [1, с. 478]. Последнее обстоятельство предопределяет критерии, условия и пределы допустимого ограничения избирательных прав, а в обеспечении равенства голосов избирателей особую значимость приобретает пропорциональная избирательная система, гарантирующая представительство в парламенте не только большинства, но и меньшинства избирателей, а также представительный характер самого парламента.

Из существующих в современной России типов избирательных систем учебник отдает предпочтение смешанному варианту или мажоритарно-пропорциональной системе, как ее именует Конституционный Суд. Она позволяет точнее учитывать не только партийно-политические пристрастия избирателей, то есть отражать в представительном органе политическую структуру общества, но и их персональные приоритеты [1, с. 480]. Потому-то, полагает автор, Россия и вернулась к практике применения избирательной системы смешанного типа.

Книга содержит немало интересных избирательных «сюжетов». Один из них касается обсуждения вопроса о возможности введения в российское избирательное законодательство нормы, обязывающей граждан принимать участие в голосовании. Разговоры на эту тему в последнее время стихли, но в середине 2000-х годов ее «озвучивали» влиятельные российские политики и должностные лица. Автор отрицает голосование как обязанность гражданина,

ибо видит главное в «гражданском чувстве человека, наделенного разумом и волей и способного подняться над обыденностью будней и мелочным личным расчетом» [1, с. 479]. Уважение к демократии, как бы говорит автор, нельзя привить исключительно лозунгами, провозглашающими приверженность свободе и правам человека. Это в общем длительный и непростой процесс формирования «народной воли и гражданской активности».

Завершая обзор данного фрагмента книги, нельзя не упомянуть о том, что автору каким-то образом удалось избежать ссылок на мнение Конституционного Суда по данной тематике. А ведь хорошо известно, насколько часто орган высшего конституционного контроля России обращался к делам по избирательным спорам. Более того, под влиянием его правовых позиций в разное время в избирательное законодательство вносились существенные коррективы, кардинально меняющие представления о праве граждан обжаловать итоги голосования на отдельных избирательных участках, реализации пассивного избирательного права лицами, имеющими в прошлом судимость и т.п. Рецензент склонен думать, что такой подход обусловлен какими-то особыми соображениями автора.

* * *

Учебники по конституционному праву традиционно не обходятся без разделов, посвященных характеристике региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления и статусу, с одной стороны, субъектов Российской Федерации, с другой — муниципальных образований, освещая эти темы с разной степенью глубины. Автор анализируемого издания предпочел более подробно остановиться на проблематике местного самоуправления, ограничившись относительно небольшими фрагментами, касающимися правового статуса региональной власти. В этом отношении интересно его суждение относительно «меры автономии» субъектов Федерации в части установления системы органов государственной власти. Она, по мнению автора, ограничена двумя императивными требованиями: во-первых, безусловным характером принципов конституционного строя России, которые «связывают» не только Федерацию, но и каждого ее субъекта; во-вторых, обязательностью для субъектов Федерации общих принципов организации представительных и исполнительных органов государственной власти, установленных федеральным законом [1, с. 652].

Становление в современной России местного самоуправления связывается автором с децентрализацией управления — признанным во всем мире способом решения местных задач. Россия, предпочитавшая в основном централизованное управление делами, в том числе и местными, по сути дважды пробовала встать на самоуправленческие рельсы: во второй половине XIX столетия и в настоящее время. Первая попытка, кстати говоря, успешная, заняла пятьдесят лет, вторая продолжается до сегодняшнего дня.

Из написанных автором на эту тему текстов очевидным является то, что Б.С. Эбзеев — сторонник самоуправленческой идеи и практики. Централизованную систему управления он характеризует не иначе как «порочной», главный недостаток которой кроется в деятельности назначенных сверху правительственных должностных лиц, далекой от интересов и потребностей местного населения. Децентрализация, выраженная в местном самоуправлении, напротив, воспринимается им как «объективная потребность общественного развития и условие благополучия местного сообщества» [1, с. 686].

Анализ современного правового состояния местного самоуправления позволил автору выявить три основные его характеристики. Это, во-первых, одна из основ конституционного строя, то сеть «конститутированный Основным законом социальный порядок, в котором местные сообщества (население муниципальных образований) выступают в качестве публично-правовых корпораций, обладающих властными полномочиями». Во-вторых, форма публичной власти, осуществляемая на основании Конституции и закона местными сообществами граждан в своих интересах и под свою ответственность. В-третьих, это — конституционное право граждан на самостоятельное решение вопросов местного значения, осуществляемое коллективно [1, с. 687].

Небезынтересна авторская трактовка правовых источников местного самоуправления. Установленная Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» правовая база самоуправленческих отношений в обязательном порядке включает общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации. Без этого, в общем, немислим ни один современный отечественный закон. Ведь согласно Конституции нормы и принципы международного права вкупе с международными договорами составляет неотъемлемую часть российской правовой системы (ч. 4 ст. 15). И все бы ничего, но международные акты в законе о местном самоуправлении «поставлены» впереди Конституции, что вызывает обоснованное недоумение. Ведь российская научная доктрина подразумевает приоритет конституционных норм над международными правилами, что должно выражаться в некоторых формализованных, чисто «внешних» вещах, вроде позиций, занимаемых правовыми источниками по отношению друг к другу. Закономерно, что в этой иерархии (системе) на первом месте мы привыкли видеть Основной закон страны. Но нет, в статье 4 закона о местном самоуправлении все наоборот: Конституция Российской Федерации идет следом за международными актами и договорами. Рецензент убежден, что сделано это по ошибке или недомыслию, поскольку ратифицированная Россией в 1998 году Европейская Хартия местного самоуправления не могла повлиять на расстановку правовых источников в самоуправленческой сфере. Хотелось бы узнать мнение автора по этому вопросу, хотя может и не столь важному на общем фоне актуальных проблем отрасли конституционного права.

* * *

Замыкает книгу крупный раздел, посвященный конституционному правосудию. Учреждение в России органа конституционного контроля автор связывает с обеспечением гарантий Конституции и конституционных гарантий, которые автор аргументировано различает. Под первыми он понимает средства и способы, обеспечивающие стабильность Основного Закона, что является одновременным условием стабильности юридически оформленного им социального порядка. Конституционные гарантии рассматриваются в качестве способов охраны и защиты Конституции от посягательств на нее, от кого бы они ни исходили. Главное назначение этих гарантий усматривает в том, чтобы обезопасить носителей различных индивидуальных и коллективных прав от тех решений и действий государственных органов и должностных лиц, которые являются антиконституционными по существу или не соответствуют Конституции по форме [1, с. 705–706]. Другое назначение конституционного правосудия автор фундаментального труда видит в «разрешении противоречий и конфликтов интересов самых разных социальных субъектов, в том числе индивидов и ассоциаций людей, высшей формой которых является государство» [1, с. 708].

По понятным причинам Б.С. Эбзеев уделяет Конституционному Суду Российской Федерации повышенное внимание. Автор приложил много личных усилий для становления конституционного правосудия в нашей стране. Отсюда его увлеченность данной темой, которая «венчает» его учебник обобщениями, выводами, анализом признаков и многогранных сторон конституционного контроля. На странице 710 в качестве основных характеристик Конституционного Суда он называет: его функциональное предназначение (осуществление конституционного контроля); статус и место в системе разделения властей (судебный орган); основополагающие принципы деятельности (самостоятельное и независимое осуществление судебной власти); процессуальную форму деятельности (конституционное судопроизводство).

Автор наделяет Конституционный Суд двойственной правовой природой. С одной стороны, это орган правосудия, причем высший по своему судебскому статусу, хотя тот и не осуществляет в обычном понимании этого слова надзор за деятельностью иных судов — общей юрисдикции и арбитражных. Составной частью данной характеристики является понимание Конституционного Суда в роли кассационной инстанции в части, касающейся конституционного права, поскольку подавляющее большинство рассматриваемых в конституционном судопроизводстве споров, с точки зрения автора, вырастает из жалобы граждан на нарушение их прав законом, примененным или подлежащим применению иными судами в конкретном деле» [1, с. 710].

С другой стороны, Конституционный Суд — высший орган государственной власти России, который действует наряду с законодательным и

исполнительными органами, но в некоторых отношениях находится выше них. Автор объясняет это возможностью конституционного правосудия нуллифицировать принятые законодательной и исполнительной властью нормативные акты. Суммируя институциональные признаки судебной конституционной власти, он квалифицирует Конституционный Суд в качестве высшего государственного органа, независимого и самостоятельного в «своем конституционно-правовом бытии». Обобщая функциональные параметры Конституционного Суда, автор наделяет его значением высшего судебного органа, осуществляющего свою деятельность в форме конституционного судопроизводства. Причем эту сторону правового статуса он считает доминирующей, что в свою очередь объясняет отсутствие политического подтекста в решениях Суда. «Они не являются актами выражения политической воли, а политически мотивированные обращения в Суд не влекут политических решений» [1, с. 711–712].

Повторюсь, что данная часть учебника представляет собой целую россыпь интересных для специалистов выводов, касающихся взаимоотношений Конституционного Суда с региональными конституционными и уставными судами, квалификации правотворческой функции конституционного правосудия. В этом вопросе, который активно дебатировался и продолжает обсуждаться в науке конституционного права, автор становится на сторону тех, кто полагает, что Конституционный Суд активно «творит» право. Доказательством тому служит присущий ему абстрактный нормоконтроль, неизбежно ведущий к участию Суда в правотворчестве; принадлежащее Суду право законодательной инициативы; его монопольное право толкования конституционного текста; обязательность вынесенных Судом решений; приравнивание части решений Суда к нормотворческим актам других нормотворческих органов [1, с. 713–714].

Вероятно, чтобы окончательно убедить читателей в правоте своей позиции, автор использует выразительное художественное слово: «Суд должен не только применять конституцию и право, но и «находить» право. Суд не маляр, призванный закрасить стену в заранее выбранный цвет, но художник, которому надлежит на стене написать картину. Его инструментарий неизмеримо богаче, чем малярная кисть» [1, с. 714]. После такого аргумента стоит только всплеснуть руками и согласиться с приписываемой Конституционному Суду ролью «квазизаконодателя».

* * *

Завершая рецензирование учебника «Конституционное право России», хочется отметить его логическую стройность, широту методологической базы, обоснованность выводов, точность формулировок, насыщенность нормативными источниками. Без сомнения, это — большой, самобытный и творческий труд, выполненный на высоком профессиональном уровне. Особо отмечу выразительность изложения конституционно-правового материала,

его умелую художественную подачу. Автор справился с поставленными перед ним задачами, а имеющиеся отдельные недостатки, полагаю, с лихвой покрываются многочисленными достоинствами книги.

Можно поздравить автора с выпуском капитального научного труда, написанного во благо отечественной конституционной науки. Выражаю уверенность, что учебник найдет широкого и благодарного читателя.

Список литературы

1. Эбзеев Б.С. Конституционное право России: учебник. М.: Проспект, 2019. 768 с.

В.Р. ФИЛИППОВ

ОПЫТ АДМИНИСТРАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В МЕГАПОЛИСАХ

Вендина О., Паин Э. Многоэтничный город. Проблемы и перспективы
управления культурным разнообразием в крупнейших городах.
Москва: Сектор, 2018. — 184 с.

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на монографию О. Вендиной и Э. Паина «Многоэтничный город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах».

Ключевые слова: многоэтничный город, мегаполис, национальная политика, культурное взаимодействие, межэтнический конфликт, социальная напряженность.

EXPERIENCE OF ADMINISTRATIVE REGULATION OF CULTURAL INTERACTIONS IN MEGAPOLYSES

[Review of the book: Vendina O., Pain E. Multi-ethnic city. Problems and prospects of managing cultural diversity in major cities. Moscow: Sector, 2018. 184 p. (In Russ.)]

Abstract. The article is a review of the monograph by Vendina and E. Payn, "A Multi-Ethnic City. Problems and prospects of managing cultural diversity in major cities."

Keywords: multi-ethnic city, megalopolis, national policy, cultural interaction, inter-ethnic conflict, social tension.

В 2018 году увидела свет монография О. Вендиной и Э. Паина, посвященная проблемам административного регулирования процессов культурного взаимодействия жителей крупных городов. В первом разделе монографии обосновывается необходимость корректировки «российской национальной политики; во втором приводятся результаты эмпирического изучения «этнокультурного разнообразия» в трех российских городах [1, с. 6].

Читатель найдет в книге анализ опыта предотвращения и преодоления конфликтов «в сфере национальных отношений», сравнение таких конф-

ФИЛИППОВ Василий Рудольфович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, г. Москва

ликтов в российских городах с ситуацией в мегаполисах Франции и США. Исследователи анализируют методологию разработки государственных документов, призванных регулировать «национальную политику» в России и предлагают свои методы диагностики конфликтных ситуаций.

Интерес представляют положения, касающиеся причин социальной напряженности в мегаполисах и принципиальной возможности оптимизации «межэтнических» взаимоотношений. Э. Паин, размышляя «о российском историческом опыте регулирования межэтнических отношений», приходит к выводу о «невозможности выделить единый и непротиворечивый тип государственной политической стратегии в отношении национальной политики» [1, с. 8]. Не вполне понятно, что означает «политическая стратегия... в отношении политики», но мысль о том, что в России до сих пор нет политики, направленной на оптимизацию взаимоотношений культурно-отличительных групп населения, представляется справедливой. Трудно согласиться с тем, что «в 1990-е гг. власти пытались остановить дезинтеграционные процессы, развивая институты федерализма» [1, с. 8]. «Национальная политика» в эпоху Б. Ельцина представляла собой губительный калейдоскоп ситуативных реакций на распад российской государственности и возникновение все новых очагов социальной напряженности. Но в том, что до сих пор «разные цели национальной политики плохо совмещаются друг с другом», а посему «такая политика выглядит непоследовательной и эклектичной» [1, с. 8–9], Э. Паин абсолютно прав.

Недостатком «современной практики государственного управления в указанной сфере» Э. Паин считает «узость предметной зоны национальной политики», которая не учитывает специфику городов. По мнению исследователя, «на первый план вышли... столкновения интересов мигрантов и принимающего сообщества на территории крупнейших городов» [1, с. 9]. Не следует забывать про деструктивный потенциал «этнической» модели федеративных отношений, остающийся главной угрозой существованию Российского государства, хоть и не столь явной и демонстративной, как в конце прошлого столетия. Но федеративные отношения должны регулироваться конституционным законодательством. Что же касается конфликтных ситуаций, возникающих из-за наплыва мигрантов, то управленческие практики, призванные их элиминировать, должны лежать в сфере миграционной, конфессиональной, языковой, образовательной, медийной и культурной политики, а не в сфере пресловутой и никем не определенной «этничности» или этнически трактуемой «национальности».

Самый существенный недостаток рецензируемого труда — это хаотичность терминологического аппарата и нечеткость определения понятий. Так в «Предисловии» отмечено «противоречие между растущим интересом к этническим культурам и подозрительным отношением к их носителям» [1, с. 4]. Но что делает какие-то культуры «этническими», и какие культуры следует считать «неэтническими»? На той же странице читаем: «требова-

ние толерантного отношения к антропологическим, расовым, этническим, религиозным и культурным различиям являются в РФ конституционной нормой» [1, с. 4]. Здесь этнические и культурные различия упоминаются как несводимые друг к другу и не иерархичные. Далее авторы пишут о том, что «темы межэтнических и, шире, межкультурных отношений... остаются в фокусе общественных дискуссий» [1, с. 4]. Не вполне понятно, какой смысл вкладывают авторы в термин «этнические отношения», которые оказываются уже отношений культурных. Э. Паин конкретизирует понятие «культурное разнообразие», включая в него разнообразие языковое, племенное, этническое, религиозное и так далее [1, с. 11]. А в другом месте, размышляя о «культурной идентичности», включает в это понятие идентичность «этническую, религиозную, расовую и др.» [1, с. 15]. Таким образом, из «этнического» разнообразия исключаются язык и религия, зато в «культурное» попало племя, а в культурную идентичность оказалась включенной идентичность расовая.

Столь же двусмысленно в рассматриваемом труде употребляются понятия «нация» и «национальность». Анализируя содержание «Стратегии национальной политики РФ на период до 2025 года», Э. Паин справедливо отмечает, что в документе термины «многонациональность» и «межнациональные отношения» употребляется как синонимы «полиэтничности» и «межэтнических отношений»; и что слова «нация», «этнос», «национальность» означают для авторов «Стратегии...» примерно одно и то же [1, с. 36–37]. Но беда в том, что такое смешение понятий допускают и сами авторы. Это заметно даже в оглавлении работы: первый раздел называется «Управление культурным разнообразием и национальная политика», а одна из глав озаглавлена «Культурное разнообразие и национальное единство». Очевидно, что в первом случае речь идет о политике в отношении «национальностей», во втором — о гражданском единстве. Таких примеров можно было бы привести очень много.

Резюмируя анализ политики в отношении культурно-отличительных групп, Э. Паин отмечает, что «управление культурным разнообразием должно рассматриваться не с точки зрения государства, а с точки зрения многочисленных социальных субъектов, автономных по отношению к институтам власти» [1, с. 47]. Эта мысль действительно заслуживает внимания, однако она не отличается новизной: об этом писали О. Бауэр и Р. Шпрингер, разрабатывая концепцию национально-культурной автономии в начале прошлого века. Действительно, пресловутая «этничность» должна быть, так же как и вероисповедание, частным делом граждан, и отделена от государства. Но Э. Паин предлагает не вывести этот тип мифологизированной идентичности из сферы административного регулирования, а делегировать его на уровень городского самоуправления [1, с. 48]. Автор предлагает руководствоваться «парадигмой управления культурным разнообразием» как основой «для совокупности взаимосвязанных “отраслевых” политик —

этнической, конфессиональной, миграционной, культурно-образовательной и ряда других» [1, с. 47]. Вот только к какой «отрасли» следует приписать собственно «этническую» политику, автор не объясняет.

О. Вендина предваряет свой эмпирический раздел небольшим теоретическим вступлением. Она совершенно права в том, что «сегодня вряд ли кто-нибудь будет подвергать сомнению культурную природу этногрупповых идентичностей» [1, с. 54]. Но тогда зачем затуманивать суть вопроса и говорить об этнических, а не о культурных идентичностях?

Автор задается вопросом: «Почему в одних случаях повседневная этничность... мобилизуется под воздействием националистических дискурсов... а в других остается нечувствительной к ним» [1, с. 52]. И в этом контексте она предлагает перенести акцент с изучения причин возникновения «межэтнических конфликтов», на изучение причин их не-возникновения. Но здесь мы вновь упираемся в отсутствие определения понятия. Более правомерным представляется подход, согласно которому изучать следует социальные, территориальные, конфессиональные, политические и прочие конфликты, которым в определенных ситуациях приписывают «этническое» звучание.

Объем небольшой рецензии не позволяет сколько-нибудь подробно охарактеризовать эмпирическую часть работы. Впрочем, выводы авторов носят, как нам кажется, умозрительный характер. Заключение О. Вендиной о том, что «игнорирование роли города как субъекта национальной политики делают его ареной межэтнических столкновений» [1, с. 158], что «культурный плюрализм города предопределяет необходимость выработки надгрупповых принципов интеграции социума» [1, с. 159], что «множественность агентов публичной и непубличной власти в городах... диктует необходимость коалиционного подхода к регулированию этнополитических взаимодействий» [1, с. 161] прямо не вытекают из проведенного автором социологического опроса горожан.

Список литературы

1. Вендина О., Паин Э. Многоэтничный город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах. М.: Сектор, 2018. 184 с.

С.Н. ФЕДОРЧЕНКО

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ И УПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫМИ ПОЛИТИЧЕСКИМИ КАМПАНИЯМИ

Володенков С.В. Политический менеджмент и управление современными политическими кампаниями: учебник.
М.: РГ-Пресс. 2019. — 584 с.

Аннотация. Настоящая рецензия посвящена учебнику профессора кафедры государственного управления МГУ им. Ломоносова С.В. Володенкова «Политический менеджмент и управление современными политическими кампаниями». Отмечается, что автор при построении материала учебника использует Case Study, графические материалы, исследования отечественных и зарубежных политологов, а также опирается на собственные политологические разработки. Сделан вывод, что, во-первых, учебник отражает органичное сочетание результатов исследовательской деятельности автора с его профессиональной политико-консультационной работой, во-вторых, книга предлагает определенную симфонию самых различных уровней знания: теоретического, методологического, эмпирического и аналитического. Достижение такого рода композиционной соразмерности важно не только для усвоения навыков организации фундаментальных и прикладных политологических исследований, но и для приобщения начинающих специалистов к искусству оценки предвыборной ситуации и конкурентов, написания стратегий политических кампаний, планов полевых работ, создания грамотных аналитических материалов и отчетов при работе с заказчиками из разных сфер — от партий и бизнеса до государства.
Ключевые слова: политические кампании, политический менеджмент, выборы, целевые аудитории, политическая пропаганда, электорат, манипуляция, политические коммуникации, стартовая диагностика политической ситуации, политический имидж, политический брендинг, Big Data, Окно Овертона, стратегия, тактика.

POLITICAL MANAGEMENT AND MANAGEMENT OF MODERN POLITICAL CAMPAIGNS

[Review of the book: Political Management and Political Campaign
Management: textbook / S. Volodenkov.
Moscow: RG-Press, 2019. 584 p. (In Russ.)]

Abstract. This review is devoted to the textbook of S.V. Volodenkov, Professor of the Department of State Management of the Moscow State University named after Lomonosov,

ФЕДОРЧЕНКО Сергей Николаевич — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права; заместитель декана факультета истории, политологии и права по научной работе Московского государственного областного университета, г. Москва

“Political management and management of modern political campaigns”. It is noted that the author in the construction of the material of the textbook uses the Case Study, graphic materials, studies of domestic and foreign political scientists, and also relies on its own political science developments. It was concluded that, firstly, the textbook reflects the organic combination of the results of the author’s research activities with his professional political and consulting work, and secondly, the book offers a certain symphony of various levels of knowledge-theoretical, methodological, empirical and analytical. Achieving this kind of compositional proportionality is important not only for mastering the skills of organizing fundamental and applied political science research, but also for familiarizing novice specialists with the art of assessing the pre-election situation and competitors, writing strategies for political campaigns, fieldwork plans, and creating customers from different areas - from parties and businesses to the state.

Keywords: *political campaigns, political management, elections, target audiences, political propaganda, electorate, manipulation, political communications, initial diagnostics of the political situation, political image, political branding, Big Data, Overton Window, strategy, tactics.*

Современный политолог — это специалист, который обязан сочетать в своей работе несколько профессиональных компетенций. Во-первых, это знание категориального аппарата и концептуальных политологических моделей, благодаря которым можно постараться теоретически осмыслить и объяснить каузальную сторону политических процессов и явлений. Во-вторых, важную роль в профессиональной деятельности политолога приобретает умение работать с научными методологическими оптиками, через которые можно получать эмпирические массивы данных, проверять гипотезы, а также создавать прогнозные модели. Наконец, в-третьих, политологу важно состояться как глубокому аналитику, способному умело сочетать эмпирическую информацию с теоретическими обобщениями и схемами. Это важно не только для усвоения навыков организации фундаментальных и прикладных политологических исследований, но и для приобщения к искусству оценки предвыборной ситуации и конкурентов, написания стратегий политических кампаний, планов полевых работ, создания грамотных аналитических отчетов при работе с заказчиками из разных сфер — от партий и бизнеса до государства.

Все перечисленные сегменты профессиональных компетенций политолога как раз и учитывает учебник доктора политических наук, профессора кафедры государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова С.В. Володенкова под названием «Политический менеджмент и управление современными политическими кампаниями».

Что же может узнать начинающий специалист из данного труда? В учебнике весьма удачно сочетаются самые различные уровни знания — теоретический, методологический, эмпирический и аналитический. Начнем с того, что очень важным звеном в качественной подготовке специалиста является овладение им профессиональной рабочей терминологи-

ей. Автор решает эту задачу, подробно объясняя категории «политика» и «управление». При этом «субъекты управления» и «объекты управления» четко разделяются по функционалу и значению. По мере последовательного изложения основных тем автор останавливается и на других дефинициях.

В части, посвященной политическому управлению, автор приводит разнообразные теоретические конструкты, ссылаясь на таких известных ученых как Ю. Хабермас, К. Дойч, Г. Лассуэлл, М.Н. Грачев, О.Ф. Шабров, У. Липпманн, Г. Алмонд, А.И. Соловьев, Г.В. Пушкарева, М. Кастельс, Х.-А. Иннис, Г. Шиллер и др. Следует заметить, что автор снабдил свой учебник контрольными вопросами и тематическими списками литературы, представленными после соответствующих вопросов.

Особенно стоит остановиться на методологическом аспекте рецензируемой работы. Методологический контур — чрезвычайно важный элемент не только политологического исследования, но и организации политической кампании [1; 2; 3; 4]. Автор, как специалист, имеет многолетний профессиональный политико-консалтинговый опыт эффективной организации кампаний федерального и регионального уровней — от депутатов Государственной Думы и губернаторов Российской Федерации до мэров российских городов. Поэтому вполне логично, что в учебнике практикуется Case Study и детально объясняется, каким образом можно воспользоваться методом SWOT-анализа, чтобы построить модель имиджевой конструкции субъекта политической кампании на основании анализа его характеристик: существующих позитивно и негативно значимых, востребованных и позитивно значимых для целевых групп, а также неприемлемых для конкретных целевых аудиторий.

Большую работу проделал автор в отношении пояснений особенностей проведения политических кампаний через интернет-коммуникации. Требуется понимать, что онлайн-кампании серьезно отличаются от традиционных оффлайн-кампаний. Ведь интернет-пространство характеризуется сетевым характером, горизонтальной природой коммуникаций. Поэтому в рецензируемой книге есть не просто констатация неких ярких кейсов, но и авторские аналитические комментарии, без которых начинающему специалисту было бы сложно освоить подобного рода контент.

Автор буквально предупреждает читателя, с чем он столкнется, если вступит на непростой, но при этом очень интересный путь профессиональной организации виртуальных политических кампаний. Он пишет: «Конструируемый для целевых аудиторий виртуальный образ субъекта может не отражать его реальные характеристики, но он с необходимостью должен отражать востребованные целевыми аудиториями имиджевые характеристики, отвечать представлениям целевых аудиторий о том, каким должен быть политический субъект, которого они готовы поддержать» [5, с. 126]. Этот тезис особенно актуален в рамках появления политических технологий

«Окна Овертона» и новейших методологических оптик, связанных с Big Data. Кстати, автор также раскрывает эти феномены на конкретных примерах.

Эмпирический материал графически презентован автором, особенно в частях «Модели политического поведения» и «Политический брендинг». Здесь довольно корректно предложены кейсы политических брендов, начинающих, по мнению автора, конструируемые виртуальные образы, в которые специально внедрены символные элементы, а также различные функциональные, социокультурные и ментальные сюжеты. Кроме того, показана своеобразная история политической графики на примере эволюции от советского плаката до современной российской предвыборной рекламы.

Помимо стартовой диагностики политической ситуации и комплексной разработки стратегии политической кампании, автор работы затрагивает проблематику реализации стратегии политической кампании на тактическом уровне, манипулирование общественным сознанием и пропаганду в условиях политических кампаний. Скрупулезно разбираются нюансы праксиса интернет-коммуникаций. С этими целями приводятся примеры использования социальных сетей и микроблогов российскими и зарубежными политиками, политическими партиями. Вдобавок автор отмечает риски и угрозы так называемых «цветных революций».

Немаловажное значение имеет то, что приложения учебника отсылают читателя к четкой и понятной структурной схеме избирательного штаба. Тогда как в функциональной схеме современного избирательного штаба довольно подробно приводятся области деятельности начальника штаба, медиагруппы, группы интернет-проектов, группы мониторинга, аналитического направления, полевого направления, группы контроля, сети общественных приемных кандидата, юридической группы, групп организации встреч, распространения слухов, контрпропаганды, ответственных за работу доверенных лиц и за отраслевые направления, отдела материально-технического обеспечения и начальников районных штабов.

Также следует подчеркнуть, что автор при построении материала учебника опирается не только на сторонние, но и на собственные политологические исследования [6; 7; 8; 9; 10], что очень важно для соблюдения своеобразной симфонии теории и практики.

Подводя итоги, необходимо отметить, что книга С.В. Володенкова «Политический менеджмент и управление современными политическими кампаниями» подходит для того, чтобы стать настольным пособием для подготовки как специалистов в области политической науки, так и профессионалов в сфере политического консультирования. Работа ориентирована на целевую аудиторию студентов, специалистов, а также преподавателей и экспертов в сфере политических коммуникаций и политического менеджмента.

Хочется пожелать автору продолжения исследовательской деятельности, предполагающей органичное сочетание с преподаванием, профессиональной политико-консультационной работой, а также означающей соблюдение

сочетания самых различных уровней знания на теоретической, методологической, эмпирической и аналитической плоскости.

Список литературы

1. Аминов И.Р. Кластерный анализ потокового пространства региона // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 4. С. 155–160.
2. Ефанова Е.В., Самолазова А.Е. Электоральный выбор молодежи: факторы формирования, поведенческие особенности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 4. С. 169–177.
3. Жуков Д.С. Проблемы и возможности больших данных для изучения самоорганизованной критичности в социальных медиа // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 1.
4. Алексеев Р.А. Апробация и перспективы применения технологии блокчейн на выборах за рубежом и в России // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. № 3. С. 41–48.
5. Володенков С.В. Политический менеджмент и управление современными политическими кампаниями: учебник. М.: РГ-Пресс. 2019. 584 с.
6. Володенков С.В. Модели динамики политических процессов в условиях переходного периода // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 1999. № 6. С. 36–47.
7. Володенков С.В. Big Data как инструмент воздействия на современный политический процесс: особенности, потенциал и акторы // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 1.
8. Володенков С.В. Массовая коммуникация и общественное сознание в условиях современных технологических трансформаций // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. № 3. С. 1–8.
9. Володенков С.В. Интернет как технологическое пространство современных политических коммуникаций: перспективы и сценарии развития // Журнал политических исследований. 2017. Т. 1. № 3. С. 79–100.
10. Володенков С.В. Практика и особенности использования онлайн-ресурсов в современных политических кампаниях США // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2012. Т. 8. № 1. С. 155–163.

М.И. РОСЕНКО

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО- ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Аннотация. Публикуется обзор международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы становления парламентаризма в Российской Федерации». Конференция состоялась 26 апреля 2019 года в Юридическом институте Севастопольского государственного университета.

Ключевые слова: молодежный электорат, электоральное поведение, институт выборов, избирательный процесс, избирательное законодательство, парламентаризм, информационные технологии, молодежные проекты.

INTERNATIONAL SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE “ACTUAL ISSUES OF FORMATION OF PARLIAMENTARISM IN THE RUSSIAN FEDERATION”

Annotation. The review of the international scientific-practical conference “Actual issues of formation of parliamentarism in the Russian Federation” is published. The conference was held on April 26, 2019 at the Law Institute of Sevastopol state University.

Keywords: youth electorate, electoral behavior, institute of elections, electoral process, electoral legislation, parliamentarianism, information technologies, youth projects.

26 апреля 2019 года в Юридическом институте Севастопольского государственного университета при участии Российского центра обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации состоялась ежегодная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы становления парламентаризма в Российской Федерации», приуроченная к празднованию Дня российского парламентаризма.

РОСЕНКО Мария Ивановна — доктор политических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Юридического института Севастопольского государственного университета, г. Севастополь

Организаторами выступили Севастопольский государственный университет и Севастопольская городская избирательная комиссия. Конференция собрала более 120 участников, среди которых были представители федеральных и региональных органов государственной власти, политические деятели, ученые и студенты.

Пленарное заседание открыл заместитель директора Юридического института Севастопольского государственного университета С.А. Запорожец, который отметил важность мероприятия и его особую актуальность накануне избирательного процесса по очередным выборам депутатов Законодательного собрания города федерального значения Севастополь.

Член Комитета Совета Федерации по международным делам Федерального Собрания Российской Федерации О.Л. Тимофеева рассказала о необходимости усилий по максимально раннему формированию у молодых людей осознанного отношения к выборам, подчеркнув неподдельный интерес, который вызвала молодежная тематика у всех участников электорального процесса.

Депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, член Комитета Государственной Думы по контролю и Регламенту Д.А. Белик уделил большое внимание значимости развития парламентаризма в Российской Федерации, важности этого процесса в становлении демократии и развитии гражданского общества, высказав мнение о том, что День российского парламентаризма призван привлечь внимание электората к деятельности законодательных органов страны, их ответственности за процесс становления современного гражданского общества и укрепление российской государственности.

Руководитель Федерального казенного учреждения «Российский центр обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации» Н.П. Артыкаева в приветствии к участникам конференции отметила, что сотрудничество в сфере научно-исследовательской деятельности, учебно-методической работы, повышения правовой культуры избирателей с целью создания единой системы качественного правового просвещения и обучения всех участников избирательного процесса, подготовки квалифицированных специалистов в сфере избирательного права и процесса, обеспечения активного и осознанного участия граждан в выборах и референдумах способствует формированию активной гражданской позиции.

Председатель Севастопольской городской избирательной комиссии С.А. Даниленко поздравил участников форума с Днем парламентаризма – праздником одной из самых молодых в России политико-партийной системы, за относительно недолгую свою историю накопившей хорошие традиции и приобретшей особую важность для государства и развития

общественных отношений. Говоря о демократичности и гласности процедур по проведению выборов и всего избирательного процесса, докладчик призвал молодежь к участию в избирательных процедурах и заметил, что воспитательный педагогический процесс может превратиться в полезную, интересную и формирующую активного гражданина работу; он предложил использовать и распространять накопленный в этой сфере опыт.

Н.П. Артыкаева выступила с докладом «Направления стратегического партнерства РЦОИТ и СевГУ в контексте развития избирательного права и процесса» о стратегии партнерства и взаимодействия по вопросам правового просвещения молодых и будущих избирателей, формирования у них электоральной активности, положительного и доверительного отношения к отечественной избирательной системе, разработки и внедрения инновационных форм правового просвещения, обеспечения кадровой преемственности в избирательных комиссиях, совместной разработки информационно-методических материалов, установления партнерских отношений и развития долгосрочного и эффективного сотрудничества. Докладчик отметила, что взаимная передача накопленного опыта работы в сфере сотрудничества, совместное обобщение положительных результатов деятельности в рамках конкретных проектов, оказание консультативной и информационной помощи и поддержки в ходе реализации совместных проектов на основе равноправия и взаимовыгодного партнерства положительно скажутся на главном — повышении правовой культуры избирателей с целью создания единой системы качественного правового просвещения и обучения участников выборов, подготовке квалифицированных специалистов в сфере избирательного права и процесса, обеспечении активного и осознанного участия граждан в выборах и референдумах, что будет способствовать формированию активной гражданской позиции у молодежи и ее политической зрелости.

Доктор политических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Юридического института Севастопольского государственного университета М.И. Росенко в докладе на тему «Актуальные проблемы современного парламентаризма: становление, вызовы и угрозы» подчеркнула, что парламентаризм является основой демократических государств современного мира. Историческая практика государственного управления демонстрирует, что именно парламентаризм, как центральный институт построения отношений во власти, дает возможность в наиболее полной мере выявить круг предпочтений различных социальных групп, найти государственные решения, способные отвечать интересам большинства населения страны. Она сделала акцент на том, что концепция парламентаризма рассматривается как:

процесс организации демократической власти, функциональная характеристика которого проявляется в представительском смысле, законодательных, контрольных полномочиях, осуществляемых посредством реализации принципов народного представительства и функции легитимизации власти;

способ организации государственной власти, структурно и функционально основанный на принципах верховенства закона, разделения и независимости властей;

государственный институт, характеризующийся структурами гражданского общества, избирательными правами и их реализацией на свободных выборах, наличием системы разделения власти и механизмов сдержек и противовесов, принципами демократического управления, регулярностью работы народных избранников на постоянной основе, депутатским мандатом и иммунитетом.

М.И. Росенко напомнила о том, что парламентаризм — форма представительной демократии и фактически отождествляется с демократическими ценностями, сложившимися в течение веков, а именно: обществом с высокой степенью правовой культуры; утверждением идеи верховенства права; господством законности; приоритетом прав личности в отношениях с государством; созданием соответствующей шкалы ценностей, которая бы исключала противоречия общественных и личных интересов при осуществлении государственной власти. Докладчик продемонстрировала схему, характеризующую основные черты парламентаризма в зависимости от государства, системы управления, уровня развития общественных отношений и зрелости политических элит.

Председатель Президиума Межгосударственного совета российских соотечественников, кандидат юридических наук, доцент кафедры управления Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе В.В. Колесниченко в выступлении на тему «Проблемы становления украинского парламентаризма постсоветского периода — как модель вызова современного парламентаризма в России» привел анализ социальной активности, правовой культуры, гражданской ответственности, мотивации и иных характеристик украинского сегмента общества, на основе анализа событий в Украине последних 5 лет спрогнозировал наиболее вероятную модель поведения в социально, экономически и политически активной его части в ближайшем будущем.

Автор изыскательского труда об истории зарождения и становления органов местного самоуправления в Севастополе, заведующая архивом Законодательного собрания города Севастополя Н.М. Терещук в докладе «Становление парламентаризма в Севастополе: городская дума Севастополя в конце XVIII — первой половине XIX веков» подробно осветила со-

здание в 1816 году Севастополе городской думы, ее состав, место и роль в системе государственного управления в городе. Она отметила, что модель государственного управления в Севастополе является одним из немногих исторических примеров сосуществования военной и гражданской администрации.

* * *

На студенческой секции во главе с модератором, главным консультантом Российского центра обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации А.Е. Чмыхало, были заслушаны доклады о проблеме абсентеизма в молодежной среде (доклад К. Бабенко и А. Проценко), конституционно-правовых основах парламентаризма в Российской Федерации (Л. Потапова), трансформации избирательного механизма и его роли в партийно-политическом структурировании (Г. Прищеп и А. Ковалев), особенностях организации и деятельности Государственной Думы I–IV созывов (А. Храмова), молодежном восприятии выборов в Российской Федерации (А. Лукуша).

Участники заседания «круглого стола» на тему «Образование и электоральная активность: традиции и перспективы развития на современном этапе» обсудили проблемы электоральной активности молодых избирателей, возможные причины молодежного абсентеизма, обменялись мнениями об изменении электорального поведения молодежи под влиянием информационных технологий и признали необходимость эффективной государственной поддержки, введения в учебную программу или элективного курса по избирательному праву для всех обучающихся.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

OUR AUTHORS

АЛЕКСЕЕВ Роман Андреевич, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; ALEKSEEV Roman Andreevich, candidate of political sciences, associate professor, associate professor of the Department of Political Science and Law, Moscow Region State University; alekseev.r555@mail.ru

АЛЕХИНА Ирина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, Действительный государственный советник Санкт-Петербурга 3 класса, доцент кафедры конституционного и административного права Северо-Западного института управления – филиала РАНХиГС; ALEKHINA Irina Sergeevna, candidate of law, associate professor, State Counsellor 3rd Class of Saint-Petersburg, associate professor of the Chair of Constitutional and Administrative Law, North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); i.s.alehina@yandex.ru

БЕЛОУСОВА Елена Вениаминовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин АНО ВО «Московский гуманитарный университет»; BELOUSOVA Elena Veniaminovna, doctor of law, professor, head of the Department of State and Legal Disciplines, Moscow University for the Humanities, elenabelusva@yandex.ru

БЕРЕЗЮК Дмитрий Иванович, аспирант кафедры философии и социологии социально-гуманитарного факультета Академии труда и социальных отношений; BEREZYUK Dmitry Ivanovich, post-graduate student of the Department of Philosophy and Sociology of Social and Humanitarian Faculty, Academy of Labour and Social Relations; electroclash@bk.ru

ВОЛКОВА Анна Владимировна, доктор политических наук, доцент, доцент кафедры политического управления, Председатель научной комиссии в области политических наук факультета политологии Санкт-Петербургского Государственного университета (СПбГУ); VOLKOVA Anna Vladimirovna, doctor of political sciences, associate professor, associate professor of the department of political governance, Chairman of scientific commission in the sphere of political sciences of Political science faculty, St Petersburg University; a.v.volkova@rambler.ru

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова; VOLODENKOV Sergey Vladimirovich, doctor of political sciences, associate professor, Professor of the Public Policy Department, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; s.v.cyber@gmail.com

ВЫДРИН Игорь Вячеславович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Уральского института управления – филиала РАНХиГС; VYDRIN Igor Vyacheslavovich, doctor of law, professor, Head of the Department of Constitutional and International Law, Ural Institute of Management - branch of the RANEPА; inst-vidrin@mail.ru

ГОЛОУЛИНА Екатерина Владимировна, заместитель директора Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств-участников МПА СНГ (МИМРД МПА СНГ); GOLOULINA Ekaterina Vladimirovna, Deputy Director, International Institute for Monitoring Democracy Development, Parliamentarianism and Suffrage Protection of Citizens of IPA CIS Member Nations (IPA CIS IIMDD); gev@iacis.ru

ДЕЕВА Наталья Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (МПГУ); DEEVA Natalya Vladimirovna, candidate of political sciences, associate professor of the department of political science of the Institute of history and politics, Moscow Pedagogical State University (MPSU); nvd2004@yandex.ru

ЕВСТАФЬЕВ Дмитрий Геннадиевич, кандидат политических наук, профессор Департамента интегрированных коммуникаций Факультета коммуникаций медиа и дизайна Национального исследовательского университета – «Высшая школа экономики»; EVSTAF'EV Dmitry Gennad'evich, candidate of political sciences, professor of the School of Integrated Communications; Faculty of Communications, Media and Design; National Research University «Higher School of Economics»; devstafiev@hse.ru

ЗИНКОВ Никита Алексеевич, студент факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова; ZINKOV Nikita Alekseevich, student, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; zinkov.nickita@yandex.ru

КАБЫШЕВ Владимир Терентьевич, профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права Саратовской государственной юридической академии, заслуженный деятель науки Российской Федерации; KABYSHEV Vladimir Terent'evich, Professor, Department of Constitutional Law, Saratov State Law Academy, Professor, Doctor of Law, Honored worker of science of the Russian Federation; k_kmp@ssla.ru

МАКАРЦЕВ Андрей Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент, декан факультета государственного сектора Новосибирского государственного университета экономики и управления, член Новосибирской городской муниципальной избирательной комиссии; MAKARTSEV Andrei Alekseevich, candidate of law, assistant professor, dean of the state sector faculty, Novosibirsk State University

of Economics and Management, member of Novosibirsk City Municipal Election Commission; makarzew@mail.ru

МИТЕВА Виктория Валентиновна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова; MITEVA Victoria Valentinovna, candidate of political sciences, Senior Researcher, Department of Comparative Political Science, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; miteva@mail.ru

ОТРЕШКО Марика Зурабовна, магистрант 2-го курса программы «Политология» факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ); OTRESHKO Marika Zurabovna, master of the 2nd year («Political Science») of Political science faculty, St Petersburg University; maricka.otreshko@yandex.ru

РЕУТ Дмитрий Алексеевич, кандидат юридических наук, член Московской городской избирательной комиссии; REUT Dmitry Alekseevich, candidate of law, member of Moscow city election commission; floryan@yandex.ru

РОСЕНКО Мария Ивановна, доктор политических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Юридического института Севастопольского государственного университета; ROSENKO Maria Ivanovna, doctor of political sciences, professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Law Institute, Sevastopol State University; mariyair@mail.ru

ФЕДОРЧЕНКО Сергей Николаевич, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права; заместитель декана факультета истории, политологии и права по научной работе Московского государственного областного университета; FEDORCHENKO Sergei Nikolaevich, candidate of political sciences, associate professor of the Department of Political Science and Law, Moscow Region State University; s.n.fedorchenko@mail.ru

ФЕЛЬДМАН Павел Яковлевич, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии социально-гуманитарного факультета Академии труда и социальных отношений, заместитель директора Института стратегических исследований и прогнозов Российского университета дружбы народов; FEL'DMAN Pavel Yakovlevich, associate professor, associate professor of the Department of Philosophy and Sociology of Social and Humanitarian Faculty, Academy of Labour and Social Relations, Deputy Director of the Institute for Strategic Studies and Predictions, RUDN University; pavelfeld@gmail.com

ФИЛИППОВ Василий Рудольфович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН; FILIPPOV Vasily Rudol'fovich, doctor of historical sciences, leading researcher, Institute for African Studies of the RAS; fvr1957@mail.ru

Правила направления, рецензирования и опубликования статей

Направляемые для публикации в журнале «Гражданин. Выборы. Власть» статьи должны соответствовать следующим требованиям.

Тема и содержание статьи должны соответствовать профилю, научному уровню и тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов. Специфика издания — освещение наиболее важных аспектов избирательного процесса, современных достижений юридической и политической науки.

Статьи, ранее опубликованные или переданные в другие издания, в журнале не публикуются.

Объём статьи должен составлять не менее 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков), для раздела «Рецензии» — 0,25 авторского листа (10 тыс. знаков). Материалы, объем которых превышает 1 авторский лист (40 тыс. знаков) рассматриваются Редколлегией только в порядке исключения. При этом оптимальным вариантом, которому отдаётся предпочтение, является статья с отклонениями от указанного максимального объёма не более 5 тысяч знаков.

Название статьи должно соответствовать ее содержанию. Название печатается заглавными буквами на русском и английском языках, и не должно превышать трех строк.

Статья должна быть подготовлена в текстовом редакторе Microsoft Word for Windows (версии 6.0 и выше, в формате *.doc) с использованием стандартного шрифта Times New Roman размером № 14 через полтора межстрочных (компьютерных) интервала на русском языке для основного текста.

Все фактические данные, а также цитаты, приводимые в статье, должны иметь точные и исчерпывающие ссылки на источник. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных и иных сведений, за правомерность и корректность заимствований из других источников, а также за использование информации, не предназначенной для открытой печати, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Сноски на литературу размещаются по тексту статьи в ручных квадратных скобках: [1], [2], [3] и т.д.... Номер страницы цитируемого источника или их интервал указываются через запятую при необходимости [1, с. 15]; [1, с. 15–20] Библиографическое описание цитируемой литературы размещается в разделе «Литература» в конце текста статьи в порядке ее упоминания в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008, с нумерацией без квадратных скобок: 1,2,3 и т.д.... В раздел «Литература» включаются только те публикации (монографии, научные статьи и т.д.), на которые есть ссылки в тексте статьи. Авторам рекомендуется избегать цитирования учебных изданий. Ссылки на нормативные правовые акты, статистические данные и результаты опросов приводятся в подстрочнике (в случае необходимости) или в тексте статьи. В разделе «Литература» указанные источники не упоминаются. Авторские пояснения приводятся в подстрочнике или в тексте статьи. Текст направляемого материала должен соответствовать стилистическим, орфографическим, синтаксическим и другим нормам русского языка. Сокращения слов не допускаются. Цитаты, приводимые в статье, должны быть тщательно выверены и подтверждены ссылками.

Особые требования предъявляются к иллюстративному материалу. Таблицы должны быть пронумерованы, озаглавлены и иметь сноску на источник, а рисунки, кроме этого, подписаны. Весь графический материал должен быть выполнен в чёрно-белом цвете, интегрирован в файл формата *.doc и представлен в виде, доступном для редактирования, а также иметь отсылки в тексте. Если диаграмма недоступна для редактирования, то необходимо сопроводить её таблицей данных. Графический материал должен сопровождаться надписями на русском языке. Авторам рекомендуется избегать интеграции в текст статьи большого количества таблиц, рисунков и диаграмм.

Согласно требованиям ВАК России, к статье обязательно прилагаются: аннотация (не более 5 предложений на русском и английском языках), список ключевых слов (5–8 на русском и английском языках), сведения об авторе (фамилия, имя, отчество полностью, официальное место работы, занимаемая должность, учёная степень, звание (аббревиатуры расшифровывать), адрес места работы (или домашний адрес) с указанием почтового индекса, телефон и адрес электронной почты). Сведения об авторе предоставляются на русском и английском языках.

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных сносках.

Невыполнение любого из указанных требований является поводом для отказа в приёме материала.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии её публикации.

Все статьи, поступившие в редакцию и отвечающие настоящим требованиям, рецензируются. Редакция журнала направляет копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию журнала соответствующего запроса. Редакция оставляет за собой право редактировать текст публикации (изменять название, сокращать объём, представлять числовые данные в графической форме и пр.).

Перепечатка материалов допускается только при наличии ссылки на журнал «Гражданин. Выборы. Власть».

Электронный вариант статьи необходимо направлять посредством электронной формы отправки статей на странице издания в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или по электронному адресу gvv@tcoit.ru с пометкой «статья в журнал».

Направление автором текста статьи в редакцию означает его добровольное согласие и безвозмездное предоставление редакции права на использование его произведения и любой его части в печатной и электронных версиях (в том числе, включение в различные базы данных, информационные системы и системы научного цитирования), а также согласие на обработку персональных данных автора и прочие работы с привлечением третьих лиц в целях популяризации произведения. Редакция рассматривает факт получения статьи как передачу авторами исключительных прав на их использование в соответствии указанными выше условиями.

Плата за публикацию с авторов не взимается, гонорары не выплачиваются.

Журнал распространяется по подписке и по списку рассылки.

Журнал выходит раз в три месяца.

**ГРАЖДАНИН
ВЫБОРЫ
ВЛАСТЬ**

**НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**№ 2(12)
2019**

АПРЕЛЬ–ИЮНЬ

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-66246 от 1 июля 2016 года

Подписано в печать 15.05.2019.
Формат 70x100 1/16.
Печать офсетная.
Печ. л. 13.
Тираж 500 экз. Заказ № 0425

Отпечатано в ООО «Диамант-принт»
394036, г. Воронеж, ул. Трудовая, д. 50, кв. 10